

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МЭРИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА имени М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»

«Я знал одной лишь
думы власть...»

Материалы
Семнадцатых Лермонтовских чтений

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МЭРИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ
МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ДНИ–2017 в Ярославле

«Я знал одной лишь
думы власть...»

**Материалы
Семнадцатых Лермонтовских чтений
(Ярославль, 12-13 октября 2017 года)**

ЯРОСЛАВЛЬ

2018

*Издание осуществлено в рамках городской целевой программы
«Развитие культуры в городе Ярославле» на 2017-2019 годы*

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

С. Ю. Ахметдинова (отв. редактор), Е. А. Белова, О. В. Ирхина, А. И. Рюмин

Я 11 «Я знал одной лишь думы власть...» : материалы Семнадцати Лермонтовских чтений. 12-13 октября 2017 года / МУК ЦБС города Ярославля, ЦБ им. М. Ю. Лермонтова. Ярославль : МУК ЦБС города Ярославля, 2018 – 124 с.: ил., [36] л. цв. ил.

ISBN 978-5-91730-801-2

В сборник материалов ежегодных Лермонтовских чтений вошли доклады ученых из Ярославля, Москвы, Пятигорска.

В статье С. Ю. Ахметдиновой «Лермонтов и Ярославский край» обобщен краеведческий материал, представленный на ярославских Лермонтовских чтениях с момента их проведения, с 2000 года.

Особое место занимают ранее не публиковавшиеся статьи И. Г. Тер-Габриэльянц, научного сотрудника музея-заповедника Лермонтова в Пятигорске (1957-1988), о двух картинах М. Ю. Лермонтова – «Атака лейб-гвардии гусар под Варшавой 26 авг. 1831 г.» и «Вид Крестовой горы из ущелья Коби» (1837). В третьем исследовании – об акварели «Москва. Красные ворота. Конец XVIII века» неизвестного художника – ученый указывает авторство художника Ф. Я. Алексеева.

Сборник открывается поэмой М. Ю. Лермонтова «Мцыри», строчка «Я знал одной лишь думы власть...» из этого поэтического произведения стала эпиграфом Чтений. Печатается поэма по первой публикации сборника «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб., 1840). «Посвящается Лермонтову» – стихотворение нашего земляка, поэта Ю. М. Кублановского приводится в завершении материалов Чтений.

Издание адресовано широкому кругу читателей, а также сотрудникам музеев и библиотек, краеведам, любителям русской литературы и культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я ЗНАЛ ОДНОЙ ЛИШЬ ДУМЫ ВЛАСТЬ...». От составителя	4
М. Ю. Лермонтов. МЦЫРИ	7
С. Ю. Ахметдинова. ЛЕРМОНТОВ И ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ. Краеведческие открытия на Лермонтовских чтениях	27
Н. В. Прохорова, Е. С. Округина. МАКСИМ БОГДАНОВИЧ – БЕЛОРУССКИЙ ЛЕРМОНТОВ (Экскурсия по передвижной выставке «Гений земли белорусской»)	50
О. А. Хейфец. М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. М. КУБЛАНОВСКОГО	71
С. Н. Левагина. «... А ВЕЧНО ЛЮБИТЬ НЕВОЗМОЖНО...»? Энергетика романтических отношений в сердечно близком окружении Лермонтова	83
Е. Л. Соснина. ЯРОСЛАВЛЬ – ПЯТИГОРСК: ВИРАЖИ ИСТОРИИ. Спутник А. С. Пушкина, подаривший литературе историю своей любви, в Лермонтовском Пятигорске. Иван Васильевич Сабанеев (1772-1829)	91
И. Г. Тер-Габриэльянц. ШТУРМ ВАРШАВЫ	97
И. Г. Тер-Габриэльянц. ВОТ И КРЕСТОВАЯ!	101
И. Г. Тер-Габриэльянц. ДОМ У КРАСНЫХ ВОРОТ	108
А. Н. Коваленко. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ (К 95-летию со дня рождения И. Г. Тер-Габриэльянц)	113
Об авторах	122
Ю. М. Кублановский. ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЕРМОНТОВУ	123

«Я ЗНАЛ ОДНОЙ ЛИШЬ ДУМЫ ВЛАСТЬ...»

От составителя

Лермонтовские чтения проходят ежегодно в Ярославле с 2000 года в рамках городской целевой программы «Развитие культуры в городе Ярославле» и посвящены творческому наследию поэта. Инициатором и организатором выступает Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, основанная в 1955 году, с честью носящая имя поэта.

Сборник открывается поэмой М. Ю. Лермонтова «Мцыри» неслучайно: строчка «Я знал одной лишь думы власть...» из этого произведения стала эпитафией XVII Лермонтовских чтений. Печатается поэма по первой публикации сборника «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб., 1840). В конце издания приводится стихотворение нашего земляка, поэта Ю. М. Кублановского «Посвящается Лермонтову».

Значительное место на Чтениях занимают исследования связей Лермонтова с Ярославским краем. В сборник вошла полная статья С. Ю. Ахметдиновой по обобщению краеведческих открытий на Лермонтовских чтениях, написанная специально для Литературного энциклопедического словаря Ярославского края, вышедшего в 2018 году (в словаре приведена статья в сокращении, с. 322–324).

Впервые на Чтениях прозвучало имя нашего земляка И. В. Сабанеева, основателя Пятигорских ванн, в статье исследователя Е. Л. Сосниной. О. А. Хейфец предприняла попытку сравнительного анализа творчества М. Ю. Лермонтова и Ю. М. Кублановского.

Были представлены лермонтовские проекты Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова их авторами – «Буктрейлер «Михаил Юрьевич Лермонтов в кинематографе» (Д. А. Репин) и «Лермонтов без границ» (М. Н. Ланцов).

Расследование «в жанре научного поиска: И. Л. Андроников и “Н. Ф. И.”», имеющее отношение к Ярославлю, провела Е. Н. Шелухина, старший преподаватель факультета искусств МГУ имени М. В. Ломоносова.

В продолжении темы «о любви» энергетику романтических отношений в сердечно близком окружении Лермонтова исследовала постоянный участник Чтений С. Н. Левагина.

Вызвал интерес доклад «Лермонтов и Гельдерлин – пилигримы «священной ночи» Г. Ю. Филипповского, профессора, доктор филологических наук ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. «Лиловые миры» Лермонтова, Врубеля, Блока и Пастернака представила М. Г. Ваня-

шова, доктор филологических наук, профессор Ярославского государственного театрального института.

Подводя итоги конференции в Ярославле, В. А. Захаров определил новые ориентиры в исследовании жизни и творчества Лермонтова.

Лермонтовские чтения, являясь главным событием, с начала их проведения приросли разнообразными яркими мероприятиями, которые с 2009 года стали проводится в новом широком формате – Лермонтовские Дни в Ярославле. Дни памяти поэта включают разнообразную программу с Лермонтовским Балом-маскарадом, презентациями новых книг, просмотром фильмов и телепостановками в Лермонтовском кинозале, спектаклями в библиотеке, литературными экскурсиями и путешествиями. Фоторепортаж об основных мероприятиях также размещен в сборнике.

В 2017 году было представлено новое издание «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» В. А. Захарова, кандидата исторических наук, профессора, директора Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, члена Союза писателей России и Армении. Лермонтовед на протяжении ряда лет занимается изучением «Слова о Полку Игореве». Своими новыми исследованиями о памятнике древнерусской литературы Владимир Александрович поделился на лекции в Ярославском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, в зале экспозиции «Слово о Полку Игореве».

Участники чтений познакомились с международной выставкой «Гений земли белорусской», посвященной жизни и творчеству Максима Богдановича. Сравнивая Максима Адамовича по таланту и трагической судьбе с русским поэтом, Богдановича на его родине называют белорусским Лермонтовым. В экскурсии по выставке, размещенной в стенах Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, заведующая Центром белорусской культуры – Музеем Максима Богдановича - филиалом музея истории города Ярославля Н. В. Прохорова рассказала о ярославских страницах жизни Максима Богдановича.

Литературный вечер «Отражения» с участием режиссера театральной студии «Атмосфера» Дмитрия Сагдединова раскрыл грани взаимодействия человека и природы в поэме Лермонтова «Мцыри».

В день рождения поэта, 15 октября, состоялся Лермонтовский день поэзии «Читаем и пишем в Лермонтовский альбом!» и прошел вечер молодой поэзии в Ярославской литературной студии «Бродячая @» (ведущий – поэт и литературный критик Евгений Коновалов).

Во второй раз участники чтений совершили поездку «К Георгу Лермонту – славному предку поэта» в Чухломской край, в Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий мужской монастырь, где у стен Покровского собора похоронен основатель русского рода Лермонтовых.

Особое место занимают ранее не публиковавшиеся статьи И. Г. Тер-Габриэльянц, научного сотрудника музея-заповедника Лермонтова в Пятигорске (1957–1988), о двух картинах М. Ю. Лермонтова – «Атака лейб-гвардии гусар под Варшавой 26 авг. 1831 г.» и «Вид Крестовой горы из ущелья Коби» (1837). В третьем исследовании, об акварели «Москва. Красные ворота. Конец XVIII века» неизвестного художника, ученый указывает авторство художника Ф. Я. Алексеева. Эта работа воспроизводится впервые, место хранения – Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова в Пятигорске.

Издание адресовано широкому кругу читателей, а также сотрудникам музеев и библиотек, краеведам, любителям русской литературы и культуры.

МЦЫРИ¹

Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю.

1-я Книга Царств.

1

Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.
И божья благодать сошла
На Грузию! – она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

¹ Мцыри – на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде послушника (Прим. М. Ю. Лермонтова).

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова», СПб., 1840, стр. 121–159, где поэма была опубликована впервые. Стихи (цензурные пропуски) восстанавливаются по рукописи, часть которой – авторизованная копия, часть – автограф (заглавный лист, эпиграф и некоторые стихи) – ИРЛИ, оп. 1, № 13 (тетрадь XIII), лл. 1-14 об.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился – даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,

Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал,
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать;
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

4

«Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —

Зачем? ... угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах,
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов — «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

«Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой

Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

«Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежее толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятые каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
В дали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

«И вспомнил я отцовский дом,
 Ущелье наше, и кругом
 В тени рассыпанный аул;
 Мне слышался вечерний гул
 Домой бегущих табунов
 И дальний лай знакомых псов.
 Я помнил смуглых стариков,
 При свете лунных вечеров
 Против отцовского крыльца
 Сидевших с важностью лица;
 И блеск оправленных ножен
 Кинжалов длинных... и как сон
 Всё это смутной чередой
 Вдруг пробежало предо мной.
 А мой отец? он как живой
 В своей одежде боевой
 Являлся мне, и помнил я
 Кольчуги звон, и блеск ружья,
 И гордый непреклонный взор,
 И молодых моих сестер...
 Лучи их сладостных очей
 И звук их песен и речей
 Над колыбелию моей...
 В ущельи там бежал поток,
 Он шумен был, но не глубок;
 К нему, на золотой песок,
 Играть я в полдень уходил
 И взором ласточек следил,
 Когда они, перед дождем,
 Волны касались крылом.
 И вспомнил я наш мирный дом
 И пред вечерним очагом
 Рассказы долгие о том,
 Как жили люди прежних дней,
 Когда был мир еще пышней.

«Ты хочешь знать, что делал я
 На воле? Жил – и жизнь моя
 Без этих трех блаженных дней

Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

«Бежал я долго – где, куда,
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;

Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

«Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудой камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

«Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж деревьев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой

К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы – им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз – за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,

И жадно я припал к волне.
Вдруг голос – легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял бояливый взгляд,
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

13

«Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, – но легко,

Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

«Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза неволью мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней
Как за добычею своей,
Объяты жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,

Пройти в родимую страну,
Имел в душе, – и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

«Напрасно в бешенстве, порой,
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горячею росой...
Но верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

«Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес,
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,

Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

«Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

«Ко мне он кинулся на грудь;
 Но в горло я успел воткнуть
 И там два раза повернуть
 Мое оружие... Он завыл,
 Рванулся из последних сил,
 И мы, сплетясь, как пара змей,
 Обнявшись крепче двух друзей,
 Упали разом, и во мгле
 Бой продолжался на земле.
 И я был страшен в этот миг;
 Как барс пустынный, зол и дик,
 Я пламенел, визжал, как он;
 Как будто сам я был рожден
 В семействе барсов и волков
 Под свежим пологом лесов.
 Казалось, что слова людей
 Забыл я – и в груди моей
 Родился тот ужасный крик,
 Как будто с детства мой язык
 К иному звуку не привык...
 Но враг мой стал изнемогать,
 Метаться, медленней дышать,
 Сдавил меня в последний раз...
 Зрачки его недвижных глаз
 Блеснули грозно – и потом
 Закрылись тихо вечным сном;
 Но с торжествующим врагом
 Он встретил смерть лицом к лицу,
 Как в битве следует бойцу!..

«Ты видишь на груди моей
 Следы глубокие когтей;
 Еще они не заросли
 И не закрылись; но земли
 Сырой покров их освежит,
 И смерть навеки заживит.
 О них тогда я позабыл,
 И, вновь собрав остаток сил,
 Побрел я в глубине лесной...

Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?... Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал – это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,

Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца – будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

«Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжог
В тюрьме воспитанный цветок...

22

«И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист ее венцом

Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

«И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы,
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подшвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.

Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки – и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя
Журча вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилась к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

* * *

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

* * *

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.

Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

* * *

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»
И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

«Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничье
На имя темное мое.

25

«Прощай, отец... дай руку мне;
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? – пускай в раю,

В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

«Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать —
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот,
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!»

ЛЕРМОНТОВ И ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ. Краеведческие открытия на Лермонтовских чтениях²

Лермонтовские чтения в Ярославле проходят ежегодно с 2000 года. Первые чтения «Лермонтов и Ярославский край» были приурочены к юбилею Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова (основана в 1955 году) Централизованной библиотечной системы города Ярославля. Инициатором и организатором их выступила библиотека. Обсуждаемые темы: биографические, филологические и искусствоведческие аспекты Лермонтовского наследия; вопросы преемственных связей творчества поэта с русскими и зарубежными представителями литературы и искусства, классиками и современниками; оценки значения творчества великого русского поэта с современных социальных и литературоведческих позиций; новые краеведческие изыскания; увековечивание памяти о поэте.

Чтения открыли малоизвестные, неопубликованные краеведческие факты, связанные с Лермонтовым, а каждые последующие – вносят новые имена и сведения в литературное краеведение.

На чтениях представлялись обзоры **дореволюционных и редких лермонтовских изданий**, в том числе прижизненных, из фондов Фундаментальной библиотеки ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославской ОУНБ им. Н. А. Некрасова, а также из уникального Лермонтовского фонда Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова города Ярославля, включающего книги с автографами известных лермонтоведов. (*Скибинская О. Н., Федюк Г. П., Фондо Н. И.*).

Сотрудники Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова дополнили лермонтовский фонд сборниками, изданными на личные средства (Михаил Юрьевич Лермонтов в кинематографе /авт.-сост. Д. А. Репин. – Ярославль, 2015. – 204 с.; Образ М. Ю. Лермонтова в изобразительном искусстве: Портреты / сост. и автор предисл. М. Н. Ланцов; перевод на англ. яз. Э. А. Мутафова. – Ярославль, 2015. – 200 с.).

Лермонтов в Ярославле не был. Есть предположения о пребывании поэта на Ярославской земле. Краевед Борис Павлович Комаров (1921–1992), заведующий Брейтовской библиотекой (1946–1968), директор фундаментальной библиотеки ЯГПУ им. К. Д. Ушин-

² Полный текст статьи, подготовленный специально для Литературного энциклопедического словаря Ярославского края (XII – начало XXI века) / сост. и общ. ред. О. Н. Скибинской. – Ярославль : ООО «Академия 76», 2018. – 680 с. : ил.

ского (1968-1983), полагал, что Лермонтов мог останавливаться в Брейтовском имении своего учителя А. З. Зиновьева и посещать Мусиных-Пушкиных (Стрелка. – 1961. – № 4). Сотрудник музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске Екатерина Леонидовна Соснина выдвинула гипотезу о пребывании Лермонтова ребенком в Переславле-Залесском во время паломничества с бабушкой Е. А. Арсеньевой в Сергиев Посад, сравнивая детскую картину поэта «Парус» и изображение старинного города на Плещееве озере работы Константина Вещилова «Переяславль» с современной фотографией переславских окрестностей.

Бабушка поэта по отцовской линии **Лермонтова Анна Васильевна** (1760 – не ранее 1827 г., урожденная **Рыкачёва**). Рыкачёвы - дворянский род, восходящий к началу XVI в., внесен в 6-ю часть родословных книг Ярославской, Рязанской, Тамбовской губерний и в 3-ю часть родословной книги Таврической губернии.

Самый известный из рода Рыкачевых – **Рыкачёв Марк Иванович** (1716–1814) – родной брат Василия Ивановича, отца бабушки поэта. М. И. Рыкачёв – тайный советник; обер-кригскомиссар в период Семилетней войны (1756–1763); главный судья канцелярии конфискаций; родоначальник династии военных моряков русского флота. М. И. Рыкачёв был помещиком Весьегонского, Борисоглебского, Шацкого, Мышкинского и Краснохолмского уездов Ярославской губернии. Марк Иванович был женат на Анне Даниловне (урожденной Опочининой). Он скончался в возрасте 98 лет в усадьбе Шишкино Мышкинского уезда и погребен у церкви Покрова.

Рыкачёв Михаил Александрович (1841–1919) – правнук М. И. Рыкачёва, родился в с. Никольское Романов-Борисоглебского уезда Ярославской губернии и является четвероюродным братом Лермонтова. М. А. Рыкачёв - генерал-майор Военно-Морского Флота Российской империи и гидрометеоролог; директор Главной физической обсерватории; ординарный академик Императорской Академии наук, известный целым рядом трудов по метеорологии, океанографии, земному магнетизму и физической географии. Михаил Александрович был женат на Евгении Андреевне Достоевской (1853–1919), племяннице писателя Федора Михайловича Достоевского, дочери его младшего брата ярославского губернского инженера-архитектора Андрея Михайловича Достоевского.

Праправнук академика М. А. Рыкачёва, правнук А. М. Достоевского, внук ярославского дворянина Ленина Сергея Николаевича – **Ленин Андрей Сергеевич** (1941–2016) – четвероюродный правнук Лермонтова. А. С. Ленин – кандидат физико-математических наук, работал в физико-техническом институте имени Иоффе. С 2005 года вместе с супругой Ларисой Дмитриевной Лениной при-

езжал из Санкт-Петербурга для участия в памятных Днях писателя Ф. М. Достоевского, своего двоюродного прапрадеда, в ярославскую библиотеку, носящую имя русского классика. (Блохина И. В., Калинина Е. А., Ярославль).

Арсеньева Наталья Алексеевна (в замужестве Кушель; белорус. *Наталля Арсеннева, Наталья Арсеньнева*; 1903–1997) – белорусская поэтесса, родственница Л. по женской линии. Во время Первой мировой войны с 1915 по 1919 год семья Арсеньевых жила в эвакуации в Ярославле, где будущая поэтесса написала свое первое стихотворение на русском языке, начала писать стихи. В музее М. Богдановича в Ярославле хранится портрет Н. А. Арсеньевой. (Нечай С. Д., Ярославль).

Ярославский инженер-архитектор, заслуженный работник архитектуры **Лермонтов Николай Юрьевич** (1867–1949) – пятиродный брат поэта, принадлежал к колотиловской линии рода Лермонтовых, основателем ветви является Матвей Юрьевич (Евтихиевич) Лермонтов (1688–1760-х). Николай Юрьевич Лермонтов был направлен после окончания Санкт-Петербургской академии художеств на должность губернского инженера в Ярославль (1900–1929), внес заметный вклад в строительство, реконструкцию зданий гражданского, промышленного назначения в Ярославле, Ростове, Рыбинске, поселке Красный Профинтерн. Действительный член ЯГУАК с 1901 года, где работал в составе комиссии по описи церквей Ярославской епархии. В 1918–1920-х гг. Н. Ю. Лермонтов много работал в Ярославле над восстановлением разрушенных в ходе мятежа зданий. (Белова М. Ю., Музей истории города Ярославля, Скибинская О. Н., ЯГПУ им. Ушинского, Ярославль).

Лермонтова Юлия Всеволодовна (1846–1919) – первая русская женщина-химик, получившая степень доктора, соратник Софьи Ковалевской, внесшая значительный вклад в развитие химии. Ее деятельность связана с развитием нефтеперерабатывающего Константиновского завода В. И. Рагозина, построенного недалеко от Ярославля; также она занималась исследованием кавказской нефти. Ее отец Всеволод Николаевич Лермонтов (1812–1877) – генерал, директор Московского кадетского корпуса, пятиродный брат поэта. (Ахметдинова С. Ю., Ярославль).

Правнучатый племянник поэта **Лермонтов Михаил Юрьевич** (род. в 1953 году, Пятигорск) – глава рода современных Лермонтовых, культуролог, президент ассоциации «Лермонтовское наследие», директор Национального Лермонтовского центра в Середниково, член общественной палаты РФ. Михаил Юрьевич принимал участие в заседании круглого стола на тему «Кавказ в истории России: взгляд из прошлого в настоящее» (Ярославль, 26 октября

2012 года). На этой же конференции прозвучало сообщение С. Ю. Ахметдиновой, директора ярославской библиотеки имени поэта, о Лермонтовских чтениях, которые проходят в Ярославле.

5 июня 2014 года в Ярославле с участием полного тезки родственника великого поэта прошел спуск на воду десантного катера проекта 21820 «**Мичман Лермонтов**», построенного на верфях Ярославского судостроительного завода по государственному контракту с Министерством обороны России. Судну присвоено действительное наименование «Мичман Лермонтов» в честь героя Отечественной войны 1812 года, участника Бородинского сражения Михаила Николаевича Лермонтова. Мичман, а впоследствии адмирал Лермонтов, приходился троюродным братом поэту, к которому Лермонтов обращается в стихотворении «Бородино» («Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»).

Соколов-Лермонтов Владимир Николаевич – правнучатый племянник поэта и внук В. М. Лермонтова (1874–1954), георгиевского кавалера, участника двух мировых войн. В. Н. Соколов-Лермонтов – член международной ассоциации «Лермонтовское наследие», автор книг и статей по истории русской культуры и русской армии, участник Лермонтовских чтений в Ярославле со статьей «Судьбы Лермонтовских реликвий в XIX–XX вв.» (2015). Живет в Ставрополе.

Вендланд Иоанн (в миру – Константин Николаевич Вендланд; 1909–1989) – епископ Русской Церкви; церковный историк, ученый-геолог, митрополит Ярославский и Ростовский (1967–1984), состоял в родстве с родом Лермонтовых. Родная тетя Екатерина Антоновна Вендланд стала женой одного из представителей этой фамилии – Владимира Владимировича Лермантова, физика-экспериментатора и педагога. От этого брака родились Елизавета, Надежда, Владимир, Екатерина, Александра Лермантовы – двоюродные братья и сестры К. Н. Венданда. Митрополит похоронен у Федоровского собора в Ярославле. В рамках чтений состоялись презентации книг об Иоанне Вендланде, вышедшие в Ярославле (*Зегжда С. А. Митрополит Иоанн Вендланд: Биографический очерк. 1909 – 1989. – Ярославль, 2009. Митрополит Иоанн: «Будем делать дела любви!» : Дневники, письма, воспоминания / авт.-сост. Э.Л. Меженная. – Ярославль, 2013) состоялись на чтениях. (Волков Я. В., Баранов В. Н., Скибинская О. Н., Ярославль).*

Ярославский профессор, филолог, переводчик, историк, педагог **Зиновьев Алексей Зиновьевич** (1801–1884) – первый учитель Лермонтова. В 1827 году Зиновьев для подготовки к вступительному экзамену в благородный пансион занимался с ним русским и классическими языками. В 1828 году Лермонтов познакомил учителя с

первыми стихотворными опытами, которые получили с его стороны полное одобрение. Лермонтов в своей рукописной тетради со стихами оставил пометку против шестой строфы в поэме «Черкесы»: *«Зиновьев нашел, что эти стихи хороши»*. По мнению литературоведа Л. Г. Гроссман, зиновьевское сравнение поэзии с «музыкой без текста», действующей исключительно силою звука и мелодии, помимо всякого словесного объяснения, легло в основу поэтики Лермонтова. После поступления Михаила в пансион А. З. Зиновьев оставался его наставником до 1830 года. Под влиянием учителя Лермонтов вместе с друзьями выпускал рукописный журнал «Утренняя заря». Воспоминания педагога о занятиях с Лермонтовым опубликованы в журнале «Русская Мысль». В 1830 году Зиновьев был утвержден в Ярославском Демидовском высших наук училище и лицее «профессором российского красноречия и словесности древних языков», с 1833 по 1848 годы жил с семьей в небольшой усадьбе в центре Ярославля, в доме № 9/8 по б. М. Варваринской и Никольской. В 1839 году опубликовал статью по краеведению «Обозрение Ярославской губернии». (Ахметдинова С. Ю., Егоров С. А., Землянская Н. С., Ярославль).

Раич (Амфитеатров) Семен Егорович (1792–1855) – издатель, педагог, поэт, журналист и переводчик, преподаватель университетского благородного пансиона, воспитатель Ф. И. Тютчева и А. Н. Муравьева, писательницы Евгении Тур, декабриста А. В. Шереметьева, жены декабриста – А. В. Якушкиной, учитель будущего поэта в Благородном пансионе при Московском университете, оказавший благотворное влияние на поэтическое формирование Лермонтова. Известен рисунок Лермонтова – «Портрет Семена Егоровича Раича» (1830-е годы). Раич кратковременно пребывал в Угличе и Ярославле. (Ахметдинова С. Ю., Ярославль).

Козлов Иван Иванович (1779–1840) – поэт и переводчик, принадлежал к высшему московскому обществу. Отец его Иван Иванович Козлов был статс-секретарем Екатерины II, а мать Анна Аполлоновна – из рода рыбинских дворян Хомутовых, потомков шотландских графов Гамильтонов, принявших русское гражданство при царе Алексее Михайловиче.

Козлов сделал блестящую карьеру, сначала – военную, а затем гражданскую, дослужившись до чина надворного советника. В 1809 году Козлов женился на дочери бригадира Софье Андреевне Давыдовой, подруге Анны Григорьевны Хомутовой (1787–1856) – своей двоюродной сестры. В удачном браке родились сын и дочь.

В 1812 году И. И. Козлов по распоряжению московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина направляется для проведения ревизии военного госпиталя в Рыбинск, где поселяется и проживает до

весны 1813 года с семейством у родственников матери Хомутовых. И. И. Козлов организовал всемерную помощь раненым рыбинского госпиталя.

Иван Козлов – друг В. А. Жуковского, собеседник П. А. Вяземского, Д. В. Веневитинова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева и М. Ю. Лермонтова.

Познакомился Лермонтов с Козловым после своего выхода из юнкерского училища в 1835 году Козлов был в дружеских отношениях с родственниками поэта – Столыпиными и Верещагиными. Ивана Козлова родственники Лермонтова относили к столыпинской родне. С Верещагиными Козлов состоял в родстве, следовательно, Козлов и Лермонтов также являлись отдаленными родственниками. Тетка поэта – Елизавета Алексеевна Верещагина – брала у Козлова новые журналы, которые потом читал и будущий поэт.

Скрытый до времени поэтический дар Ивана Козлова прорывается после постигших его тяжелых недугов: сначала – паралич ног (с осени 1819 года), затем – полная слепота (с 1821 года). Козлов первым в России начал переводить Байрона и Бернса. Он – автор образцового перевода «Плача Ярославны» из «Слова о Полку Игореве». Его «Вечерний звон» стал всенародно известной песней.

Лермонтов уже в детстве наравне с поэзией Г. Р. Державина, А. С. Пушкина любил поэзию И. И. Козлова. Произведения Козлова входили в круг чтения Лермонтова-подростка и были для него одним из первых источников знакомства с поэзией Байрона. Лучшие лирические произведения Козлова во многом оказали влияние на творчество Лермонтова. Исследователи отмечают текстовые заимствования (или совпадения) из поэм Козлова «Чернец», «Княгиня Наталия Борисовна Долгорукая», «Абидосская невеста» и других произведений в «Черкесах» Л., «Кавказском пленнике», «Корсаре», стихотворении «В рядах стояли безмолвной толпой...». Из зрелых произведений – поэма «Мцыри» композиционно и тематически перекликается с «Чернецом», к которому в 1829 году Лермонтов сделал акварельную иллюстрацию.

По свидетельству А. П. Шан-Гирея, Лермонтов особенно часто общался с Козловым в 1836 году. В 1838 и 1839 годах Козлов регулярно бывал в доме Е. А. Столыпиной, где часто проводил свободное от службы время и Лермонтов, приезжавший из Царского Села. Иван Иванович рассказал поэту о своей трогательной встрече после двадцатилетней разлуки с Анной Григорьевной Хомутовой, которой посвятил стихотворение. (*Левагина С. Н., Ярославль*).

Хомутова Анна Григорьевна (1787–1858) – дочь сенатора Григория Аполлоновича Хомутова, представителя старинного дворянского рода, внесенного в шестую часть родословных книг Ярослав-

ской губернии. Анна Григорьевна получила прекрасное домашнее образование. В Москве в родительском доме, где постоянно собиралась московская знать, литераторы, поэты, и в Петербурге, куда Хомутова приезжала гостить, она часто встречалась с представителями литературного круга, была близко знакома с Ю. А. Нелединским-Мелецким, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым.

Анна Григорьевна – адресат лермонтовского стихотворения «А. Г. Хомутовой» («Слепец, страданьем вдохновенный...»), написанного под впечатлением рассказа о ее встрече через 20 лет со слепым поэтом Иваном Козловым, посвятившим подруге юности послание «Другу весны моей после долгой, долгой разлуки».

Хомутова написала несколько повестей и стихотворений, вела записки на французском. Из них в «Русском архиве» (1867, № 7. – С. 1065–1068) с послесловием П. А. Вяземского напечатаны два отрывка об Отечественной войне 1812 года – отъезде семьи Хомутовых из Москвы в Рыбинск и о возвращении в Москву после пожара. Там же опубликованы воспоминания и о встрече с А. С. Пушкиным 26 октября 1826 года у М. И. Римской-Корсаковой и о его аудиенции у Николая I. Эти записки переизданы в Рыбинске в 2010 году (Анна Григорьевна Хомутова / сост. В. Рябой, Г. Кузнецова, Н. Белая. – Рыбинск: библиотечка Литературного Поля, 2010. – 59 с.).

В 1840-х годах Хомутова жила в Ярославле у старшего брата Сергея, занимаясь воспитанием и обучением его детей. Похоронена в родовой усадьбе Лытарево Романово-Борисоглебского уезда. Могила не сохранилась. (*Левагина С. Н., Ярославль*).

Хомутов Михаил Григорьевич (1795–1864) – генерал от кавалерии и генерал-адъютант русской императорской армии, наказной атаман Донского казачьего войска (1848-1862), родной брат Анны Хомутовой. Его родители – Григорий Аполлонович Хомутов (1754-1836), генерал-лейтенант, сенатор, представитель старинного рода дворян Ярославской губернии, и Екатерина Михайловна, урожденная Похвиснева (1763–1824).

Лермонтов в 1833-1839 годы служил под началом генерал-майора М. Г. Хомутова, командира лейб-гвардии Гусарского полка. По случаю ухода Хомутова из полка в 1839 году должность начальника штаба, а позднее наказного атамана Войска Донского, офицеры, в том числе и Лермонтов, поднесли ему коллекцию своих портретов, написанных А. И. Клюндером. В начале июня 1840 году поэт, проездом на Кавказ, три дня гостил у Михаила Григорьевича в Новочеркасске. (*Левагина С. Н., Ярославль*).

Ярославский губернатор, российский военный и государственный деятель, участник Русско-турецкой войны (1828–1829) и пода-

вления Польского восстания (1830–1831), генерал-лейтенант, сенатор **Баратынский Ираклий Абрамович** (1802–1859), брат поэта Евгения Баратынского, был другом и сослуживцем Лермонтова по лейб-гвардейскому Гусарскому полку, по-семейному принимал его в своем доме. 30 августа 1842 года произведен в генерал-майоры с назначением исправляющим должность Ярославского губернатора. За время службы в Ярославле (1842–1846) Баратынский получал монаршие милости и был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени. *(Марасанова В. М., ЯрГУ, Ярославль).*

Баратынская (Абамелек) Анна Давыдовна (1814–1889) – супруга И. А. Баратынского, фрейлина, считалась одной из красивейших женщин России своего времени, талантливая поэтесса-переводчица, с 1842 по 1846 годы жила вместе с мужем в Ярославле. Известны ее переводы на английский и французский язык стихотворений Лермонтова: «В минуту жизни трудную», «Ветка Палестины», «К портрету» и др. Баратынская встречалась с поэтом, бывая у Карамзиных. Лермонтов был дружен с ее братом Семеном, с которым учился в школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Перед последним отъездом на Кавказ Лермонтов подарил Анне Давыдовне автограф своего стихотворения «Последнее новоселье». У нее хранился один из 23 известных списков запрещенного стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» (1937). *(Марасанова В. М., ЯрГУ, Ярославль).*

Опочинин Константин Федорович (1808–1848) – полковник, флигель-адъютант из рода Опочининых, имевших поместье в селе Шишкине Мышкинского уезда Ярославской губернии. Опочинин – внук фельдмаршала М. И. Кутузова, правнук тайного советника М. С. Опочинина. В 1840 году Константин Федорович женился на Вере Ивановне Скобелевой (1825–1897), дочери известного писателя, русского генерала Ивана Никитича Скобелева, и поселился с ней на набережной, в особняке своего знаменитого деда М. И. Кутузова. В числе знакомых этой семьи был Лермонтов. Константин Федорович встречался с поэтом и в известном Петербургском салоне своей тетки Е. М. Хитрово. По воспоминаниям П. А. Висковатова, «Лермонтов охотно играл с Опочининым в шахматы». В собрании рукописей в ГПБ хранятся дружеские послания Лермонтова в адрес К. Ф. Опочинина. Считается, что он – прототип Печорина. В Угличском историко-художественном музее находится портрет К. Ф. Опочинина акварельной работы В. И. Гау (1848), схожий с известной акварелью А. К. Горбунова «Лермонтов в сюртуке Тенгинского пехотного полка» (1941). Рано овдовев, Вера Ивановна жила с тремя детьми в своем петербургском особняке. После смерти младшего сына Федора, она оставила столицу и поселилась в родовой усадь-

бе Опочининых, где прожила последние пятнадцать лет и там была похоронена. (Кистенёва С. В., ИХМ, Углич, Третьякова Т. А., Угличский филиал Госархива, Ярославская область).

Черемисинов Дмитрий Александрович (1811–1873) – владелец села Родичево Мышкинского уезда Ярославской губернии, в 1869 году избирается почетным мировым судьей Мышкинского уезда. Черемисинов – штабс-капитан, участник военных действий на Кавказе (1836–1838) в составе отдельного Кавказского корпуса при отряде генерал-лейтенанта Вельяминова – знакомый поэта. Лермонтов в сентябре – октябре 1837-го, следуя к месту службы сначала в отряд генерал-лейтенанта Вельяминова, а затем в Тифлис, останавливался в Ольгинском укреплении, где находились Черемисинов и Мартынов. Здесь Лермонтов должен был передать Н. С. Мартынову письма и деньги от его родных из Пятигорска. В июле 1851 года на имя Д. А. Черемисинова в село Родичево было получено письмо от близкого родственника из дальних имений, который рассказывает о встрече 16 мая с Мартыновым: «...ехал в одном тарантасе с твоим по Кавказу знакомым, а моим соседом, который ухайдакал Лермонтова, Мартыновым: вспомнили о тебе...». (Полякова О. Б., ИХМ, Углич; Третьякова Т. А., филиал ГАЯО, Углич).

Мусина-Пушкина Эмилия Карловна (урожд. Шернвålль – швед. *Stjernvall*; 1810–1846) – светская красавица, адресат мадригала Лермонтова. В 18 лет вышла замуж по большой взаимной любви за графа **Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина** (1798–1854), происходящего из знатного рода, крупного землевладельца, капитана Измайловского полка, декабриста, члена Северного тайного общества. Зимой 1838–1839 года Лермонтов был принят в московском доме у Мусиных-Пушкиных. Известный литератор Владимир Соллогуб свидетельствовал, что поэт «страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину и следовал за нею всюду как тень». Иван Тургенев вспоминал встречу на маскараде, как Лермонтов «переместился на низком табурете перед диваном, на котором одетая в черное платье, сидела одна из тогдашних красавиц белокурая графиня Мусина-Пушкина – действительно прелестное создание». Ей Лермонтов посвящает шуточные строки: «Графиня Эмилия – Белее, чем лилия...» (1839). В ярославской усадьбе в селе Борисоглебе Мологского уезда Ярославской губернии Эмилия Карловна развела сад, организовала школу и больницу для крестьян. Очевидно, в этой больнице она заразилась тифом, ухаживая за больными, и вскоре умерла. Супруги похоронены в одном склепе в Борисоглебе, теперь затопленном Рыбинским водохранилищем. Портрет Э. К. Мусиной-Пушкиной (1845) находится в Ярославском Художественном музее. (Ермолин Е. А., ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль).

Ива́нова Наталья Федоровна (в замужестве Обрескова; 1813–1875) – дочь московского литератора и драматурга Ф. Ф. Иванова, возлюбленная Лермонтова, адресат его юношеских стихотворений 1830–1832 годы, так называемого «ивановского цикла» из 40 стихотворений («Н. Ф. И.», «Н. Ф. И...вой», «Романс к И...», «К Н. И.», «Я не унижусь пред тобою», «Время сердцу быть в покое», «Когда одни воспоминанья» и другие). Героине драмы «Странный человек», наполненной чувством любви, автор дал имя Натальи Федоровны. Н. Ф. Иванова вышла замуж за **Обрескова Николая Михайловича** (1802–1866), представителя древнейшего дворянского рода, который, начиная с 1654 года, тесно связан с Ярославской землей. Многие из дворян Обресковых владели усадьбами и поместьями в Любимском, Романово-Борисоглебском, Ярославском уездах, в том числе в селе Пазушине под Ярославлем в Заволжье, где сохранился родовой некрополь из 18 захоронений у храма Казанской Божией Матери (1678), построенного на средства дворян Обресковых. (*Нестерова М., Белов Д., Ярославль*).

Уроженец Ростова Ярославской губернии **Недумов Сергей Иванович** (1884–1963), краевед, научный сотрудник музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске (1939–1961) – автор книг «Лермонтовский Пятигорск» (Ставрополь, 1974), «По Лермонтовским местам Пятигорска» (Ставрополь, 1960 и 1963), статьи «Пятигорск» в Лермонтовской энциклопедии (М., 1981). Недумову принадлежит открытие первой лермонтовской публикации в журнале «Антей» за 1830 год – стихотворение «Весна». До этого первым произведением, появившимся в печати в 1835 году, считалась поэма «Хаджи-Абрек». (*Коваленко А. Н., Пятигорск*).

Попов Олег Пантелеймонович (1930–2000) – лермонтовед, один из авторов статей об отце и матери поэта в Лермонтовской энциклопедии, сотрудник музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске (1937–1942). О. П. Попов спас музей от уничтожения при отступлении фашистов из Пятигорска 10 января 1943 года, отбывал наказание в ГУЛАГе, в Воркуте с 1947 по 1956 год. После освобождения проживал в поселке Семибратово Ростовского района Ярославской области, где и похоронен. Через два месяца после смерти, в апреле 2000, пришло известие о его реабилитации. Об этом вышла статья «Он спас домик Лермонтова и получил за это двадцать лет каторги» (Северный край. – 1998. – 5 сент.). Статьи О. П. Попова о Лермонтове выходили в ярославских литературно-краеведческих журналах: «С природой одною он жизнью дышал...» (Русь. – 1996 – № 5), «Загадки Лермонтова» (Русь. – 2000. – № 1/2). В течение 15 лет О. П. Попов вел заседания клуба любителей поэзии в Семибратове, о чем сохранились его рабочие дневники. На этих собраниях О. П. Попов

с глубоким знанием представлял творчество русских поэтов, включая Лермонтова, читая почти все произведения наизусть. Большое влияние как лермонтовед О. П. Попов оказал на поэта Константина Васильева. *(Сударушкин Б. М., Семибратово, Ярославская область, Коваленко А. Н., Пятигорск).*

Литературоведческие исследования участников чтений посвящены как творчеству Лермонтова, так и сравнительному анализу с творчеством поэтов Н. А. Некрасова, К. Д. Бальмонта, М. А. Богдановича, И. А. Смирнова, В. В. Рымашевского, Ю. М. Кублановского и К. В. Васильева, связанных с Ярославским краем.

Особое место занимает имя русского поэта **Некрасова Николая Алексеевича** (1821–1878), которому посвящены работы участников чтений Н. Н. Пайкова, В. В. Рымашевского, Г. Ю. Филипповского.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – русский поэт-символист, переводчик и эссеист – испытал значительное воздействие поэзии Лермонтова. Мать Вера Николаевна, урожденная Лебедева, дочь полковника, родом из Мологского уезда Ярославской губернии. Бальмонт учился в Ярославском Демидовском юридическом лицее. В Ярославле на собственные средства он издал свою первую книгу – «Сборник стихотворений» (1890), в 1916 году вышел поэтический сборник «Ясень».

Сквозь творчество Бальмонта проходит демонологическая тема («Лишь демоны, да гении, да люди...», «Смерть», «Пир у сатаны», «Война», «Притча о черте»). Герой Бальмонта также одинок, как и лермонтовский («Бесприютность», «Океан»). Подобно лермонтовскому поэту-пророку Бальмонт осознает свою избранническую миссию («Воскресший», «Избранный»). Бальмонт воспринял от Лермонтова разнообразие ритмики и строфики, «певучесть стиха». Органически усвоен им, по словам В. Брюсова, лермонтовский «эфирный стих». В прочитанных в Оксфордском университете лекциях о русской поэзии (1897), вошедших позднее в сборник «Горные вершины», Бальмонт уделяет видное место Лермонтову как «младшему брату» Дж. Байрона и ученику А. С. Пушкина. Эту концепцию Бальмонт развивает в четырех сонетах «Лермонтов» (1916), в сборнике «Сонеты солнца, меда и луны», в стихотворениях «Проклятия» (1900-е) и «Заветная рифма» (1924). Бальмонт высоко ценил прозу Лермонтова, как и его поэзию. Лучшим русским романом он считал «Герой нашего времени», шедевром мировой поэзии – «Горные вершины». В статье «Сквозь строй», посвященной поэту Н. А. Некрасову, Бальмонт пишет: «Лермонтов – звездная душа, родственная с тучами и бурями, тоскующий поэт, которому грезились воздушные океаны и с которыми говорили демоны и ангелы». *(Хримова С. Ю., Шуя, Ивановская область).*

Богданович Максим Адамович (1891–1917) – белорусский поэт, публицист, литературовед, переводчик; классик белорусской литературы, один из создателей белорусской литературы и современного литературного белорусского языка.

В июне 1908 года Богдановичи переезжают в Ярославль по месту службы отца, где Максим учится в Демидовском юридическом лицее и сотрудничает в газете «Голос», много печатается в российских и белорусских изданиях, получает известность. Здесь Богданович пишет первые лирические стихотворения: «Над могилой», «Придет весна», «На чужбине». По словам отца, «внутренняя сторона» жизни Максима Богдановича чуть ли не целиком поглощалась его учением как подготовкой к общественной и литературной работе, его писательством, его творчеством. С особым усердием Богданович изучал западноевропейские и славянские языки и литературы, уделяя внимание белорусскому языку и литературе, их истории, этнографии. Архив поэта хранился у Адама Богдановича, оставшегося в Ярославле. Чтобы сохранить рукописи, он убрал их в сундук, который отнес в погреб и спрятал под лед. Во время подавления Ярославского восстания в 1918 году дом Богдановичей на Сенной площади был сожжен, но архив поэта сохранился. Позднее рукописи Адам Богданович передал в Институт белорусской культуры.

Лермонтов – любимый поэт Максима Богдановича. М. А. Богданович – автор статьи «Одинокый», опубликованной в ярославской газете «Голос» (1914) и посвященной 100-летию со дня рождения Лермонтова. Заметно влияние лермонтовской поэзии на творчество Максима Богдановича в поэме «Максим и Магдалена» («Песня про купца Калашникова» Лермонтова), «Стратим-лебедь» («Демон» Лермонтова), «Музыка» («Поэт» Лермонтова). *(Нечай С. Д., Ярославль).*

В память о белорусском поэте в Ярославле названа улица; в 1994 году у главного корпуса Ярославского университета им. П. Г. Демидова воздвигнута копия памятника, установленного в Минске (1981, скульптор С. Вакар, архитекторы Ю. Казаков и Л. Маскалевич). В 1992 году в Ярославле открыт мемориальный музей, расположенный в небольшом деревянном доме (ул. Чайковского, 21), в котором с 1912 по 1914 годы жила семья Богдановичей. С 1995 года на базе этого музея работает Центр белорусской культуры. В рамках Лермонтовских Дней в Ярославле – в 2017 году прошла международная выставка «Гений земли белорусской» и был представлен доклад о жизни и творчестве Максима Богдановича на Чтениях. *(Прохорова Н. В., Округина Е. С., Ярославль).*

Смирнов Иван Алексеевич (1921–2014) – уроженец деревни Якушово Пошехонского уезда Ярославской губернии, почетный

гражданин Пошехонья, работал в газетах Рыбинска и Ярославля, с 1964 по 1981 годы возглавлял Ярославскую писательскую организацию. Поэт-фронтовик Великой Отечественной войны (1941–1945) – защитник Тамани, лермонтовских мест. В период боев за Крым и Северный Кавказ в фронтовых газетах опубликованы стихи ярославца, навеянные поэзией Лермонтова «Парус» (1942) и «Тамань» («Красная звезда», 1943). После войны в Доме-музее М. Ю. Лермонтова в Тамани, с которым И. А. Смирнов поддерживал связь, появился стенд о ярославском поэте-фронтовике. В 2005 году ко многим боевым наградам И. А. Смирнова добавилась еще одна – медаль лауреата Лермонтовской премии на Всероссийском конкурсе военно-патриотической поэзии, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945), «Улыбка корнета», «Музей поэта» (2006) – стихотворения И. А. Смирнова, посвященные Лермонтову. *(Фондо Н. И., Ярославль).*

Рымашевский Вячеслав Вацлавович (1921–2005) – поэт, литературный критик, участник Великой Отечественной войны (1941–1945). С 1945 года жил на Ярославской земле, работал в обкоме ВЛКСМ, на студии телевидения, в газете «Северная магистраль». В 60-е годы он – главный редактор Верхне-Волжского книжного издательства, с 1978 по 1985 годы – директор Ярославского художественного музея. Рымашевский – лауреат Лермонтовской премии на Всероссийском конкурсе военно-патриотической поэзии, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945), участник Третьих Лермонтовских чтений с эссе «Урок ратного мужества». *(Кемоклидзе Г. В., Рымашевский В. В., Ярославль).*

Кублановский Юрий Михайлович (род. в 1947 году) – русский поэт, публицист, эссеист, родился в Рыбинске. В своем поэтическом творчестве Кублановский обращается к образу «темноокого юнкера»: «Стихи о русских поэтах», «Посвящается Лермонтову», «Триптих» (1977), «Сделалось с годами, допекая...» (2006) и др. С детских лет в чтении его спутником был и Лермонтов: «Когда я читал «Бородино» – глаза были полны патриотических слез». В статье «Лермонтов в сознании и произведениях соотечественников» Е. Н. Гращенковой, сотрудника Дома-музея Марины Цветаевой, участника Десятых чтений, прозвучало имя поэта-рыбинца. Ю. М. Кублановского. На Шестнадцатых чтениях представлен доклад «М. Ю. Лермонтов в творчестве Ю. М. Кублановского» О. А. Хейфец, краеведа из Пятигорска. Поэт-рыбинец все свои новые книги презентует в Ярославле, в Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова. В знак большой дружбы поэт библиотеке подарил именную награду – «Памятную Медаль «200 лет М. Ю. Лермонтову», редкий том из собрания сочинений Лермонтова 1891 года.

Васильев Константин Владимирович (1955–2001), уроженец поселка Борисоглебского, познакомился с лермонтоведом О. П. Поповым в 1989 году, вел с ним переписку, в т. ч. касающуюся жизни и творчества Лермонтова. В личном архиве Васильева сохранились 160 рукописных листов о творчестве поэта. Известны его эссе о Лермонтове, опубликованные в газете «Борисоглебские слободы» («И повторит волна морей «люблю, люблю одну». – 2005. – № 1 (8). – С.11), в ярославской литературной газете «Очарованный странник» («Лермонтов – учитель наш». – 1994. – № 7/14), борисоглебской газете «Новое время» («Бросьте жребий, доктор...». – 1996. – 27 июля; «Герой нашего времени». – 1996. – 27 июля). Эссе «Герой нашего времени» К. Васильевым было написано специально для музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске, где и хранится по настоящее время. Лирика и проза Лермонтова нашли отражение в судьбе и творчестве К. Васильева: «Лермонтов», цикл «Навстречу песне», «Давно не выхожу я на дорогу...» и др. (Васильев И. Г.; Зверева Л. В., Поморцева Г. И., п. Борисоглебский, Ростовский район, Ярославская область, Кормилов С. И., Москва).

В рамках чтений их участники посещают музей-квартиру К. Васильева, могилы поэта К. В. Васильева и лермонтоведа О. П. Попова.

Участниками чтений в разные годы стали ярославские писатели и поэты Г. В. Кемоклидзе, К. П. Кравцов, Т. М. Рыкова, В. В. Рымашевский, Б. М. Сударушкин.

Современное лермонтоведение – в центре внимания чтений, на которых выступали известные ученые А. Н. Князев, О. В. Миллер, Н. А. Хохлова (Санкт-Петербург), В. А. Захаров, Н. Е. Купцова (Москва), Л. В. Рассказова (Пенза), А. Н. Коваленко, Е. Л. Соснина (Пятигорск) и В. Б. Виноградов (Армавирский ГПУ) и др.

Были представлены выступления ярославских участников к 100-летию со дня рождения известного лермонтоведа, писателя, мастера художественного рассказа, телеведущего **Андроникова Ираклия Луарсабовича** (1908–1990), приезжавшего в Ярославль дважды. В мае 1939 года Андроников приехал вместе с писателем Алексеем Николаевичем Толстым по его приглашению в театр им. Ф. Г. Волкова на первую постановку спектакля «Петр Первый». Следующий приезд И. Л. Андроникова, в марте 1965-го, был связан с премьерной постановкой спектакля «Печорин» Ф. Шишигина в театре им. Ф. Г. Волкова. С труппой театра состоялось совместное обсуждение спектакля. И. Л. Андроников дал высокую оценку работе режиссера Фирса Шишигина, исполнителям главных ролей и художнику спектакля Александру Левитану, которому известный лермонтовед подарил свою знаменитую книгу о Лермонтове

с надписью: «Александр Матвеевич Левитану, с таким блеском носящему свою фамилию. После спектакля «Печорин» в восторге от декораций гравюрных и лермонтовских в самой высокой степени!». В программе пребывания Андроникова были предусмотрены его выступления с устными рассказами, в том числе о Лермонтове. (Ваняшова М. Г., Ярославль).

Об авторе книги «Учитель Лермонтова. А. З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле» (Ярославль, 1966) **Иванов** **Анатолий Николаевич** (1910–1991), профессоре естественно-географического факультета ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, к его 100-летию со дня рождения, рассказал его ученик – В. Н. Баранов, заведующий геологическим музеем имени профессора А. Н. Иванова ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Г. В. Мурзо, доцент кафедры русской литературы ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, продолжила исследование об ученом А. Н. Иванове.

Имя **Уманской Маргариты Михайловны** (1913–1980), ученого-филолога, критика, журналиста, заведовавшей кафедрой литературы ЯГПИ им. К. Д. Ушинского (1966–1981), автора монографии «Лермонтов и романтизм его времени» (Ярославль, 1971), возрождено благодаря ее ученице М. Г. Ваняшовой, ярославскому профессору, и дочери М. М. Уманской – Л. А. Скафтымовой. Маргарита Михайловна Уманская принадлежала к школе выдающегося литературоведа ленинградской школы Александра Павловича Скафтымова, исследования которого были посвящены русской классике. Ее докторская диссертация также была посвящена Лермонтову и проблемам романтизма. В 2009 году в память о ярославском профессоре Л. А. Скафтымова подарила ярославской Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова миниатюрную копию памятника Лермонтова в Пятигорске работы Опекушина, который стоял на столе М. М. Уманской.

Ваняшова Маргарита Георгиевна (род. в 1943 г.) – театральный и литературный критик, литературовед, историк театра, член Союза журналистов СССР (1965) и РФ, член Ассоциации театральных критиков России – является постоянным участником чтений. Среди тем ее выступлений: «Лермонтов и Рембрандт», «Встреча Максима Максимовича с Печориным. Психологические аспекты», «Космос Лермонтова», «Меж бурным сердцем и грозой. Экзистенциальные аспекты поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри», «Бородино» М. Ю. Лермонтова как зерно романа «Война и мир» Л. Н. Толстого», «Лермонтов и мифопоэтика маскарада в искусстве Серебряного века», «“Луч света”. Маргарита Михайловна Уманская».

В октябре 1964 года в Ярославле со сцены театра им. Ф. Г. Волкова на общегородском торжественном Лермонтовском вечере, по-

священном 150-летию со дня рождения поэта, студентка Ваяшова выступила со Словом о Лермонтовe от имени молодого поколения, назвав его строкой В. В. Маяковского «К нам Лермонтов сходит, презрев времена...». «Лермонтов и Рембрандт» – это тема дипломной работы Ваяшовой в Ярославском государственном педагогическом институте (научный руководитель М. М. Уманская, заведующая кафедрой русской литературы). В этот период М. Г. Ваяшова тесно общалась с известными лермонтовeдами И. Л. Андрониковым и В. А. Мануйловым. По приглашению Пушкинского Дома (ИРЛИ АН СССР) и руководителя Лермонтовского сектора В. А. Мануйлова Маргарита Георгиевна выступала с докладом «Лермонтов и Рембрандт», получив высокую оценку ученых ИРЛИ и Государственного Эрмитажа. В адрес ректора ЯГПИ пришло благодарственное письмо за подписью директора Института Русской литературы АН СССР К. Н. Григорьяна. Статья «Лермонтов и Рембрандт» была опубликована в Ученых записках Ярославского пединститута в 1968 году. М. Г. Ваяшова состояла в переписке с И. Л. Андрониковым и посвятила ученому цикл воспоминаний «Встречи с Андрониковым».

Пайков Николай Николаевич (1951–2010) – профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ученый-некрасовед, научный руководитель регионального центра некрасовских исследований – один из первых и деятельных участников чтений на протяжении всех лет. «Лермонтов как непосредственная предтеча и «учитель» Некрасова» (2002), «Тютчев и Лермонтов: два мирозерцания, два принципа романтической образной системы» (2005), «Аспекты романтического мифа в творчестве М. Ю. Лермонтова» (2008), «Пророческая» тема в русской лирике: от Державина до Лермонтова» (2010) – темы исследований ярославского ученого. При его участии издана книга стихотворений О. П. Попова «Я жить хотел как ветер над волной...» (Ярославль, 2001), Н. Н. Пайков является редактором и автором заключительной статьи «Тайник духовный не поверженного Дон Кихота (о личности, судьбе и слове Олега Попова)». В сборнике Десятых чтений ему посвящена статья «Слово об Ученом, Учителе, Друге. Памяти Николая Николаевича Пайкова» С. Ю. Ахметдиновой.

Постановки по произведениям Лермонтова на ярославской сцене – еще одна яркая страница чтений. Премьера спектакля «**Печорин**» (режиссер Ф. Е. Шишигин) состоялась на сцене первого русского театра им. Ф. Г. Волкова в феврале 1965 года. Работа над постановкой продолжалась с марта 1964 года и получила самую высокую оценку зрителей и театральных критиков. В «Печорине» художнику А. Левитану удалось реализовать идею спектакля-грабюры. Впервые в практике театра им. Ф. Г. Волкова использовались

новые технические средства – на экране менялись слайды с видами Пятигорска, Кисловодска. Яркий, талантливый актерский состав воплотил замысел режиссера, представив сплав красоты и демонического начала. «Печально я гляжу на наше поколение...» – зерно спектакля Шишигина о «герое нашего времени» с невыполненным «высоким назначением». Солопов – «фаталистическая игра» Печорина. Козельская – княжна Мэри. Княгиня Лиговская - Незванова. Доктор Вернер (Тихонов) отчетливо видел судьбу и исход Печорина, ему был ясен диагноз его «высокой болезни». (Соколова Л. Б., Ярославль).

Тема влияния Лермонтова на развитие русской музыкальной культуры на примере творчества композиторов М. А. Балакирева, Г. Свиридова, А. Глазунова, В. Пушкова получила отражение в докладах **Скафтымовой Людмилы Александровны** (р. 1939), доктора искусствоведения, профессора Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Людмила Александровна кратковременно проживала в Ярославле в 1972 году с матерью М. М. Уманской. Здесь у нее родился сын. Л. А. Скафтымова с большим участием поддерживает чтения, ее выступления – это небольшой концерт-рассказ о творчестве Лермонтова, оказавшего влияние на творчество русских композиторов.

Зиновьев Василий Николаевич (1874, по др. свед. 1871-1872, – 1925) – священник, регент, композитор, педагог, родился в селе Спас-Подгорье Ростовского уезда Борисоглебской волости Ярославской губернии. Вся его жизнь и деятельность тесно связана с Ярославским краем. В. Н. Зиновьев сам часто писал стихи и сочинял к ним музыку. В московском издательстве П. Юргенсона в 1904 году вышел в свет сборник детских песен Зиновьева «Пение на Рождественской елке в народной школе» в 6-ти выпусках. Всего им написано 100 песен для детей на стихи русских поэтов, в т. ч. Лермонтова. Композитор писал музыку на стихи, которые по смыслу и характеру часто перекликались с его церковными песнопениями, среди них – произведения Лермонтова: «Белеет парус одинокий», «Скажи мне, ветка Палестины», «По небу полуночи ангел летел», «Сквозь волнистые туманы», «Горные вершины». Похоронен Зиновьев в Ярославле на кладбище Туговой горы. (Дерен О. В., Ярославль).

Автор первого памятника Лермонтова (открыт в Пятигорске в 1889 году) – русский скульптор **Опекушин Александр Михайлович** (1838–1923), уроженец деревни Свечкино Даниловского уезда Ярославской губернии, похоронен у Спасской церкви в селе Рыбницы Ярославской области. Участники чтений встречаются с правнучкой великого скульптора Ириной Николаевной Морозовой, посеща-

ют в селе Рыбницы его могилу, музей А. М. Опекушина. *(Жохова И. Л., Зенкина И. И., село Рыбницы Некрасовского района, Ярославская область).*

Искусствоведческие темы связаны с обращением к Лермонтову как художнику, так и к его портретным и скульптурным изображениям. Известный ярославский скульптор **Югова Елена Борисовна** (1926–2011) подарила Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова бюст поэта, установленный в читальном зале библиотеки 13 января 2011 года. Ярославская художница **Сичинава Людмила Александровна** (р.1935) на чтениях 2010 года передала акварель «Лермонтов» в стиле «наив». Барельеф с изображением Лермонтова работы **Шмидта Адама Адамовича** (1921–2011), живописца, графика и скульптора, более полувека работавшего старшим декоратором в Академическом театре драмы им. Ф. Г. Волкова в Ярославле, украшает фойе ярославской библиотеки им. М. Ю. Лермонтова. Художник **Лаврухин Александр Николаевич** (Москва) – участник чтений в Ярославле, передал библиотеке графические работы по мотивам произведений Лермонтова.

Выставки картин ярославских художников с презентациями – составляющая чтений. В разные годы их участниками по темам «Лермонтов и Кавказ» и «По Лермонтовским местам» стали **Геннадий Милков** (Любим), **Юрий Казаков**, **Владимир Реутов**, **Сергей Севрикеев** (Ярославль), учащиеся детских школ искусств, студенты Ярославского художественного училища.

На чтениях состоялась презентация видео-интервью «Вспоминая мамин альбом» сотрудника ярославского архива Я. Е. Смирнова с ученым Сигурдом Шмидтом об истории создания уникального альбома «**М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. 1814-1841**» (М., Л. : Искусство. – 1941). Интервью впервые было опубликовано в сборнике Десятых Лермонтовских чтений «Люблю Отчизну я...», а эксклюзивное видео подарено Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова. Альбом является библиографической редкостью, он не дошел до своего читателя в силу печальных обстоятельств: в начале войны весь основной тираж книги был уничтожен из-за попавшей в книжный склад бомбы. Альбом создавался по инициативе и под руководством **Маргариты Эммануиловны Голосовкер** (1889–1955), музееведа и литературоведа, основателем и заведующей сектором художественной иллюстрации Института мировой литературы АН СССР в 1935–1949 годы, матерью С. О. Шмидта. В альбоме через изобразительный ряд представлен обширный круг людей московского и петербургского общества. Издание открывается вступительной статьей М. М. Голосовкер. Основным консультантом стал профессор **Бродский Николай Леонтьевич** (1881–1951) – крупный

литературовед, исследователь биографии Лермонтова, уроженец Ярославля.

Первый адрес Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова в Ярославле – проспект Шмидта (теперь – проспект Ленина), получил имя в честь легендарного географа и полярника Отто Юльевича Шмидта, отца Сигурда Оттовича.

Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013) – российский историк и краевед, доктор исторических наук, академик Российской академии образования, советник РАН, почетный председатель Археографической комиссии РАН, заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета, почетный председатель Союза краеведов России – на протяжении десятилетия поддерживал научно-исследовательскую и собирательскую деятельность ярославской археографической группы, созданной на историческом факультете Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Статьи С. О. Шмидта публиковались на страницах исторического журнала «Ярославская старина», членом редколлегии которого он являлся. Большое интервью «Краеведение – наука о прошлом и путь в будущее» в журнале «Ярославская старина» было опубликовано в 1997 году. В 2001 году под редакцией и с предисловием С. О. Шмидта вышла в свет книга о ростовском купце, историке-любителе, археографе, штатном сотруднике Императорской Археографической комиссии Андрее Александровиче Титове. С. О. Шмидт побывал на презентации данного издания, которое состоялось в июне 2001 года в ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова и на родине А. А. Титова – в созданном его трудами музее в Ростовском кремле. С. О. Шмидт принимал участие во всесоюзной конференции, состоявшейся в Ярославле (1985) и посвященной 800-летию события древнерусской истории, послужившего поводом к созданию «Слова о полку Игореве»; выступал на международной конференции в Рыбинске (1994), приуроченной к 250-летию со дня рождения графа А. И. Мусина-Пушкина; на конференциях в Ярославле и Рыбинске, посвященных 200-летию первого издания «Слова о полку Игореве» (2000).

Участниками чтений на протяжении всех лет являются филологи ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (М. Ю. Егоров, Е. А. Ермолин, Г. В. Мурзо, Н. Н. Пайков, О. Н. Скибинская, Г. Ю. Филипповский), геолог В. Н. Баранов, аспиранты (М. А. Варзаева, Е. В. Никкарева, А. Н. Нитченко, Н. А. Папоркова, М. В. Фролова), а также ученые других ярославских учебных заведений: ЯрГУ им. П. Г. Демидова (В. М. Марасанова, С. А. Егоров), театрального института (М. Г. Ваняшова), сотрудники музеев, архивов и библиотек Ярославской области.

Представители Ярославского отделения Ассамблеи народов России не только принимают участие с докладами, но выступают в литературно-музыкальной части чтений, в том числе по теме «Лермонтов и Кавказ».

Ежегодно с 2009 года в Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова проходит **Лермонтовский Бал-маскарад** при участии клуба исторической реконструкции и ролевого взаимодействия «За-зеркалье» (руководитель Елена Стратилатова, Ярославль). Истории театрализованного действия с исполнением балльных танцев и мастер-классом по их разучиванию посвящено на чтениях сообщение сотрудников ярославской библиотеки Д. А. Репина и Ю. В. Ундиренко.

С 2014 года в интерьере Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова ярославский ТЮЗ им. В. Розова (актеры Ольга Маругина, Сергей Рядовкин и заслуженный артист России Юрий Клипп) показывают сценическую композицию по лермонтовской драме «**Маскарад**» (режиссер-постановщик – Юрий Клипп).

На территории около библиотеки осуществлена попытка создания **Лермонтовского парка**. Композиции из камней и растений воссоздают места, связанные с местом пребывания Лермонтова (Тарханы, Гора-кольцо под Кисловодском, Пятигорский грот), и с образами, навеянными его поэзией («Утес», «Парус» и др.). Ландшафтно-природный проект участникам чтений представили его авторы Л. А. Жданова и И. Е. Шуклина – сотрудники Центральной библиотекой города Ярославля.

Коллектив ярославской библиотеки реализует проекты «Лермонтовский свет на Ярославской земле» (поиск, создание краеведческой базы данных о поэте), «Лермонтов без границ» (аудиозапись стихов поэта на разных языках с международным участием), «Лермонтовская коллекция» (собрание книг, значков и различных предметов, связанных с поэтом, Лермонтовскими местами).

Более 500 горожан ежегодно становятся участниками Лермонтовских чтений и Дней в Ярославле.

За весь период проведения Лермонтовских чтений (2000-2016) участниками с докладами стало 120 представителей из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Пятигорска и Ставрополя, Армавира и Тамани (Краснодарский край), Екатеринбурга, Волгограда, Воронежа, Овстуга (Брянская область), Липецка, Ельца (Липецкая область), Костромы, Шуи (Ивановская область), Сыктывкара (Республика Коми), Саранска (Мордовская республика), Хасавюрта (Республика Дагестан) и городов Ярославской области (Углича, Пошехонья, Ярославля).

Лермонтовские чтения имеют статус международных благодаря участию зарубежных исследователей жизни и творчества Лермон-

това. Асута Ямадзи, доктор филологических наук, научный сотрудник Хоккайдского университета, преподаватель Международного гуманитарного университета Тюке (Нагоя, Япония) – участник VII, VIII, X, XIV Лермонтовских чтений. Дважды принимал участие М. М. Харитонов, представитель Общественного движения «Арвут» (Берэ-Шева, Израиль). Участниками с заочными докладами были Цион Шеплер, сотрудник факультета гуманитарных наук Университета им. Бен-Гуриона (Беэр-Шева, Израиль) и Арчан Шаркан, профессор русского языка Калькуттского университета (Индия).

Опыт работы по изучению Лермонтовского наследия освещался на всероссийских и международных конференциях в Ярославле, Санкт-Петербурге, Пятигорске, Ставрополе, Москве и подмосковном Мелихове.

Центральная библиотека им. М. Ю. Лермонтова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля» входит в **Ассоциацию (Объединение) учреждений, носящих имя Лермонтова**, с момента ее основания (2009).

«Памятной Медалью «200 лет М. Ю. Лермонтову» (Приказ Министерства культуры РФ от 25.09.2014 № 2-ОН) награждены поэты Ю. М. Кублановский (Москва, уроженец Рыбинска), Е. П. Гусев (Ярославль) и сотрудники Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова Ярославля – ее директор С. Ю. Ахметдинова и главный библиотекарь Н. И. Фондо (за реализацию проекта «Лермонтовские Дни в Ярославле»).

В Гаврилов-Яме, Ростове, Рыбинске, Угличе, Ярославле, поселке Борисоглебском именем поэта названы улицы. Имя Лермонтова было присвоено Центральной библиотеке Ярославля в 1956 (основана в 1955 году) и библиотеке № 9 Рыбинска в 1969 году, в год ее основания.

ИСТОЧНИКИ

1. Лермонтов и Ярославская земля [Текст] : материалы Первых краеведческих чтений. – Ярославль, 2000. – 84 с.
2. Россия Лермонтова [Текст] : материалы Вторых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2002. – 52 с.
3. Мир Лермонтова [Текст] : материалы Третьих Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2003. – 71 с.
4. «Страницы прошлого читая» [Текст] : материалы Четвертых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2004. – 60 с.
5. «Я жил века...» [Текст] : материалы Пярых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2004. – 87 с.
6. «Его отчизна в небесах...» [Текст] : материалы Шестых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2007. – 67 с.
7. «Волшебным словом пробужденный...» [Текст] : материалы Седьмых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2008. – 47 с.

8. «Кто близ небес, тот не сражен земным...» [Текст] : материалы Восьмых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2009. – 108 с.
9. «И звезды слушают меня...» [Текст] : материалы Девятых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2010. – 152 с.
10. «Люблю Отчизну я...» [Текст] : материалы Десятых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2011. – 127 с.
11. «Во всем дойти до совершенства...» [Текст] : материалы Одиннадцатых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2012. – 108 с.
12. «Недаром помнит вся Россия...» [Текст] : материалы Двенадцатых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2013. – 171 с.
13. «Один меж небом и землей...» [Текст] : материалы Тринадцатых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2014. – 160 с.
14. «Земле я отдал дань земную...» [Текст] : материалы Четырнадцатых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2015. – 136 с.
15. «Из пламя и света рожденное слово...» [Текст] : материалы Пятнадцатых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2017. – 116 с.
16. «Моя душа твой вечный храм...» [Текст] : материалы Шестнадцатых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2017. – 136 с.
17. Лермонтовская коллекция [Текст] : из собрания Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. – Ярославль, 2015.
18. «Лермонтовский свет на Ярославской земле» [Электронный ресурс] : по материалам Лермонтовским чтений (2000-2009). – Ярославль, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – URL: http://newgw.clib.yar.ru/wp-content/uploads/2015/12/lermontov_10.pdf.
19. Путеводитель по Лермонтовским чтениям (2000–2014) : указатель [Электронный ресурс]. Ярославль, 2015. – 32 с. – URL: http://clib.yar.ru/wp-content/uploads/2015/12/chtenia_erm.pdf.
20. Лермонтов без границ [Электронный ресурс]. – Ярославль, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – URL: <http://clib.yar.ru/tag/lermontov-bez-granic/>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахметдинова, С. Ю. Библиотека как центр исследования, сохранения и популяризации творческого наследия М. Ю. Лермонтова [Текст] / С. Ю. Ахметдинова // Ярославский текст в пространстве диалога культур [Текст] : материалы междунар. науч. конф. – Ярославль, 2014. – С. 463-470.
2. Ахметдинова, С. Ю. Вклад библиотек в региональное краеведение [Текст] / С. Ю. Ахметдинова // Публичная библиотека и культурное наследие: моногр. сб.. – М., 2008. – С. 115-118.
3. Ахметдинова, С. Ю. Кавказская тема на Лермонтовских чтениях в Ярославле [Текст] / С. Ю. Ахметдинова // Слово о Лермонтове [Текст] : сб. материалов межрегион. круглого стола, посвящ. 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 2014. – С. 41-45.
4. Ахметдинова, С. Ю. Лермонтовские чтения в Ярославле: 2000-2013 годы [Текст] / С. Ю. Ахметдинова // Лермонтов М. Ю. в культуре запад-

ных и южных славян [Текст] : сб. статей / Ин-т славяноведения РАН. – М., 2016. – С. 166-174.

5. Ахметдинова, С. Ю. Лермонтовский свет на Ярославской земле [Текст] / С. Ю. Ахметдинова. // М. Ю. Лермонтов [Текст] : межкультурный диалог на Евразийском пространстве : материалы Международ. научной конференции, посвящ. 200-летию со дня рождения поэта. – Пятигорск, 2015. – С. 16-24.

6. В рамках фестиваля российских библиотек «Объединяет Лермонтов» [Текст] : в ярославской Центральной библиотеке имени Лермонтова прошли Шестые Лермонтовские чтения / литературный курьер // Литературная газета. – 2006. – 25 окт. (№ 44). – С. 6.

7. В ярославской Центральной городской библиотеке им. М. Ю. Лермонтова прошли седьмые Лермонтовские чтения «Волшебным словом пробужденный» [Текст] : литературный курьер // Литературная газета. – 2007. – 31 окт. (№ 44). – С. 7.

8. Кемоклидзе, Г. В. Ярославль [Текст]/ Герберт Кемоклидзе // Литературная газета. – 2009. – 18 февр. (№ 7). – С. 6. – URL: <http://lgz.ru/article/N7--6211---2009-02-18-/Lit%D0%B5raturная-karta-Rossii7780/>.

Рюмин, А. И. На карте лермонтоведения – Ярославль [Текст] / А. И. 9. Рюмин // Лермонтовские чтения – 2009 [Текст] : сб. ст. – СПб., 2010. – С. 210-222.

10. Хроника [Текст] // Природа и свет. – 2010. – № 12. – С. 11.

**Н. В. Прохорова,
Е. С. Округина,
Ярославль**

**МАКСИМ БОГДАНОВИЧ –
БЕЛОРУССКИЙ ЛЕРМОНТОВ
(Экскурсия по передвижной выставке
«Гений земли белорусской»)**

В истории каждого народа есть имена, которыми он особенно гордится. Есть среди них и такие, которые стали достоянием человечества, потому что слава о них перешагнула границы стран и времен. Белорусский поэт Максим Богданович получил известность благодаря своему литературному таланту, гражданскому подвигу и человеческим качествам. Его имя заслуженно стоит рядом с именами славных основателей современной белорусской литературы – Янки Купалы и Якуба Коласа. Звонкая лира Богдановича, чрезвычайно богатая по содержанию, наполнена такой силой веры в свой народ, которая сделала поэта одним из прогрессивных людей своего времени.

Максим Богданович был не только автором пейзажной, любовной, социально-философской лирики, фольклорно-эпических поэм, но и самобытным прозаиком-повествователем, одним из основателей белорусского литературоведения. Поэзия Максима Богдановича, проникнутая жизнеутверждающим пафосом, напоминает свет живого пульсирующего сердца, который однажды вырвался из груди сына Беларуси и перелился в неугасающую звезду Венеры, которая взошла над просторами родной земли.

Разгорайся быстрее, огонь мой, во мгле,
Пусть же ветер тебя не пугает:
Гасит он только слабый огонь на земле,
А окрепший – сильнее раздувает.

Передвижная выставка «Гений земли белорусской» рассказывает о жизни и творчестве Максима Богдановича и состоит из одиннадцати стендов, оформленных в стиле «модерн» – модном стиле в искусстве конца XIX – начала XX века. Перед вами открытая книга жизни гения земли белорусской. Страницы книги раскрывают жизненный путь Максима Богдановича, фотографии показывают людей, окружавших поэта, места, в которых он побывал, где жил, учился, и которые его вдохновляли. Документы говорят о важных периодах жизни Максима Богдановича.

На центральном стенде изображен портрет Максима Богдановича, созданный белорусским художником Валентином Волковым в 1927 году. Эта картина считается первым портретом поэта, появившимся в белорусском искусстве.

Справа – страницы нашей книги рассказывают о становлении Максима Богдановича-поэта. На страницах слева раскрываются загадки творчества Максима. Вместе с представленными изображениями вы пройдете жизненный и творческий путь гения белорусской земли.

Итак, начало нашей книги повествует о детском периоде жизни Максима Богдановича.

Я на душы ўражлівай маю
Жыцця мінулага пачаць:
Схачу свой вольны верш пачаць –
І ўраз пра прошлае згадаю;
У даль вядуць мяне сляды
Да вас, дзіцячыя гады.
Ўстае прад маім паглядам
І вулка, веючая сном,
І ціхі старасвецкі дом
З цяністым, адзічэлым садам...

І. Детство поэта: «У даль вядуць мяне сляды / Да вас, дзіцячыя гады...»

9 декабря 1891 года в Минске родился выдающийся белорусский поэт Максим Богданович. Квартира Богдановичей находилась на втором этаже, а на первом этаже располагалось Первое Минское приходское училище, где работал учителем отец поэта Адам Богданович. На фото, представленном на выставке, можно видеть Адама Егоровича среди учеников, он был уважаемым учителем.

Адам Егорович Богданович – белорусский этнограф, историк культуры, фольклорист, языковед. Закончил Несвижскую учительскую семинарию (1882). Его интерес к литературе вылился в создание собственной уникальной библиотеки, по книгам которой начинали учиться его дети.

Мать поэта – Мария Афанасьевна Мякота (1869–1896), педагог по образованию. Она с большим вниманием подходила к воспитанию своих детей. Мария была красивой женщиной, в глазах которой искрились веселье и доброта.

Из воспоминаний Адама Егоровича: «Ее карточки не дают никакого понятия не только об ее духовном облике, но даже и о внешнем.

Это – маска, лишенная жизни, а она была вся сверкающая, поющая жизнь, вся движение, радость, восторг».

Еще во время учебы в Петербургской земской школе она написала сочинение «Семья в деле воспитания человека», тема которого перекликается с системой немецкого педагога Фридриха Фребеля, очень модного в начале 19 века. В этой системе главным было саморазвитие заложенных в человеке сил и способностей. Позже по этой системе Мария Афанасьевна воспитывала своих детей Вадима, Максима и Льва. Мать поэта была очень чуткой, впечатлительной женщиной и необыкновенно находчивой в выдумках всевозможных развлечений для детей, сама отдавалась играм с искренним увлечением. По воспоминаниям Адама Богдановича, Максим мягким характером, веселостью, живостью, отзывчивостью и точностью наблюдений напоминал свою мать.

Когда Максиму было полгода, семья переехала в другой белорусский город – Гродно, и раннее детство мальчика прошло в городе над Неманом. Переезд семьи был связан с переменой работы Адама Богдановича.

Жизненный период в Гродно для детей был самым ярким и жизнерадостным, пока была жива мать.

Мария рассказывала детям сказки, играла им на фортепиано, в особенном восторге от ее игры был Максим. Ее любимые произведения становились и его любимыми: романс «Выхожу один я на дорогу» на слова М. Ю. Лермонтова, полонез «Прощание с родиной» М. Огинского, произведения Глинки, народные песни. Музыка вошла в жизнь поэта очень рано и оказала определенное влияние на все его последующее творчество.

Яркой страницей в детской биографии Максима была поездка весной-летом 1895 года в белорусскую деревню Вязь к родной тете Стефе, старшей сестре Марии. Известно, что языковая стихия, в которой воспитывался Максим Богданович, была в основе своей русская. В деревне Вязь бытовал белорусский язык. И именно там Максим впервые соприкоснулся с живым белорусским словом. Пусть это было на подсознательном уровне, но спустя какое-то время это белорусское слово зазвучало в его произведениях:

Подыми к небесам свои взоры –
И ты станешь опять, как дитя,
И затихнут больные укоры,
Пропадут, от души отлетя.

В письмах Марии к Адаму из Вязи с любовью и нежностью рассказывается обо всех приключениях детей в деревне.

Всестороннему развитию Максима и его стремлению к творчеству способствовала и образованность отца, его педагогическая подготовка. Большую роль в этом сыграла и умело подобранная Адамом Егоровичем библиотека: «В моей библиотеке было всё, что было лучшего в мире и ничего пошлого – значит, выбор был обширный и на все вкусы».

По словам Адама Богдановича: «...его (Максима) поэтический талант есть дар его матери, в ней самой дремавшей в неразвитом состоянии, или, может быть, осколок поэтического дарования его прабабушки Рузалии, сказкам которой в моих записках и песнях своей Родины он обязан пробуждением своего таланта».

Талантливый от природы, наделенный поэтической душой, маленький Максим имел прекрасные условия для развития лучших своих задатков. К сожалению, когда Максиму не было и пяти лет, в семье Богдановичей случилась трагедия. В октябре 1896 года на двадцать восьмом году жизни умерла от туберкулеза мама. Образ той, что дала ему жизнь, как и образ Родины, вечно жил в сердце Максима, будил непреодолимое стремление к белорусской земле, белорусскому народу, белорусскому языку.

Потеря самого родного человека великой болью отозвалось в сердцах всех, кто знал Марию Афанасьевну. В ноябре 1896 года Адам Егорович с осиротевшими детьми переезжает в Нижний Новгород.

II. «Шмат у нашым жыцці ёсць дарог»

Помогать воспитывать детей приехала Мария Егоровна, сестра Адама. В Нижний Новгород к Адаму Егоровичу приехали и другие родственники по линии Богдановичей.

С собой тетки Максима привезли белорусскую народную одежду, полотенца и скатерти, вышитые белорусским орнаментом. Но самое главное, они привезли белорусские праздники (Рождество – Каляды, Пасха – Вяликдзень, Ивана Купалы – Купалле, Масленица) и совершали белорусские обряды с песнями. Максим любил бывать в гостях у своих теток, где прислушивался к каждому слову, которое напоминало ему о далекой родине.

По существу, все родственники Богдановичей были одной семьей в разных квартирах, представляли собой своего рода белорусскую колонию в России.

Адам Егорович часто разъезжал по служебным командировкам и в эти поездки брал с собой сыновей.

В Нижнем Новгороде Адам Егорович по рекомендации писателя-народовольца Евгения Чирикова посетил Максима Горького,

начинающего русского писателя. На протяжении долгих лет Адама Богдановича и Максима Горького связывала тесная дружба. Адам Егорович был свидетелем литературного триумфа русского писателя.

В семье Горького Адам Егорович познакомился с Александрой Павловной Волжиной, родной сестрой жены Горького. В начале 1899 года Адам Богданович женился на Александре. Этот брак был счастливым, Александра заменила мальчику мать. Но, к сожалению, недолгим было их счастье: Александра Волжина умерла при родах. Мальчика назвали в честь матери, и воспитывался он в семье Пешковых, умер от воспаления мозга в трехлетнем возрасте.

По некоторым причинам Адам Егорович вынужден писать прошение о переводе на другое место работы. Его перевели на службу в Ярославское отделение Крестьянского Поземельного банка. 1908 год был тяжелым для семьи – в 18 лет умер от туберкулеза старший брат Максима Вадим. В этом же году семья Богдановичей покидает Нижний Новгород и поселяется на постоянное место жительства в городе.

III. «Жыві і цэльнасці шукай, / Аб шыраце духоўнай дбай»

Поступал Максим в гимназию уже хорошо подготовленный отцом, который стремился развивать все способности своих детей. Так, благодаря воспитанию Адама Егоровича происходила своего рода «закладка фундамента, на котором можно было возводить какие угодно стены».

В Нижнем Новгороде гимназическое учение Максима поначалу шло хорошо. Но сильное увлечение «белоруссикой» не могло не отразиться на ходе его гимназических занятий. В Нижегородской гимназии у Максима появился любимый преподаватель по истории А. К. Кабанов, который был белорусом по рождению и знатоком белорусской истории. Впоследствии, выехав из Нижнего Новгорода, Максим поддерживал с ним переписку по интересующим его вопросам.

Шел 1905 год, и гимназистов старших классов охватило революционное движение. Практически все гимназисты забросили учебу, в том числе и Максим (сохранился атестат Максима с неудовлетворительными оценками). Про этот период Адам Егорович напишет: «Надо сказать, что все гимназические бури в стакане воды происходили не без участия моих детей, которых в это время в гимназии было трое...».

С 1908 года Максим продолжает учебу в Ярославской мужской гимназии. Здесь вы видите фотографию гимназистов, среди которых в центре – Максим.

Поскольку Максим Богданович жил тихой, сосредоточенной жизнью, замкнутый в своем мире, круг знакомых в Ярославле у него был ограничен. Самым близким другом был Диодор Дебольский. Максим часто посещал квартиру своего лучшего друга, с которым его связывали общие интересы, особенно по литературе.

В узкий круг друзей Максима вошли и братья Николай и Рафаил Кокуевы.

Дом Кокуевых всегда был гостеприимным и уютным. Его жильцы интересовались искусством и были большими любителями музыки. Когда их семья собиралась вместе, все искрилось весельем, шутками, Аня играла на рояле, Николай – на скрипке, Раша – на виолончели.

Именно в этот дом на углу улиц Дворянской и Воздвиженской в Ярославле был приглашен Николаем наш Максим. Только в доме Кокуевых, где царила атмосфера непринужденности, веселья и радости, деликатный юноша Максим с тонкой чувственной душой мог ощутить себя свободно, уютно и легко в дружеской компании. Молодежь играла в городки, лапту.

В теплые весенние вечера компания молодых людей собиралась в саду или на веранде дома, где пели песни, декламировали стихи, беседовали, иногда горячо спорили, но споры перебивались песнями или шутками. Вечера заканчивались спокойными приятными разговорами за чашкой чая.

В доме Кокуевых Максим нашел то, чего ему так не хватало в своей семье. После смерти мамы он уже давно не чувствовал материнской заботы и нежности, и отцовской поддержки также не ощущал, потому что Адам Егорович был занят своими делами. Так уж вышло, что по семейным обстоятельствам в доме Богдановичей молодежь никогда не собиралась. От такой закрытой однообразной жизни Максим и находил себе отдушину в семьях друзей. Эта атмосфера легкости и непринужденности позже запечатлелась в произведениях поэта.

После окончания гимназии Максим Богданович мечтал заняться белорусоведением и поступить для этого на филологический факультет Петербургского университета, особенно это желание проявилось после поездки на Беларусь в 1911 году. Максим был рекомендован редакцией газеты «Наша Нива» академику А. А. Шахматову. Но, по настоянию отца, Максим пошел учиться в Ярославский Демидовский юридический лицей. Молодого поэта совсем не привлекала юриспруденция, а только литература и история. Много времени Максим проводил в библиотеке лицея, часто бывал в белорусском землячестве, где можно было послушать лекции по истории родного края, услышать белорусскую песню. Там он отдыхал душой и чувствовал себя счастливым.

Характеризуя жизнь своего сына в студенческие годы, Адам Егорович отмечал, что Максим жизнь вел сиротливую, отданную литературе и науке. В центре этой кабинетной жизни – книги. Тот литературный образ Максима-Книжника, которому поэт приписывает свой «Апокриф», символизирует увлечение книгами.

В богатой библиотеке отца было много материалов по белорусоведению. Здесь Максим находил сборники и труды П. Шейна, Е. Романова, И. Носовича, Я. Карского и других. Молодой поэт часто проводил время и в Пушкинской библиотеке, читал свежие журналы. Жизнь была спокойной и довольно однообразной, этого требовала и проявляющаяся болезнь Максима – туберкулез.

Диодор Дебольский отмечал, что Максим Богданович писал на языке, который не слышал вокруг себя, а слышал внутри себя. Обращение Богдановича к Беларуси и рыцарское служение ей считается той загадкой, которая не разгадана. Атмосфера типичной интеллигентной семьи, где господствовала русская культура, – вот среда белорусского поэта.

Д. Д. ДЗЯБОЛЬСКАМУ

Быць можа, пuccіна жыцця
Лягла пярсцёнкам, друг,
І я ў краіне забыцця
Не раз раджаўся, як дзіця,
Прайшоўшы поўны круг.

Быць можа, я не скончу жыць,
Бо ў ім няма канцоў.
Зноў шлях знаёмы пабяжыць,
І ўсё, што мозг здалеў забыць,
Перажыву я зноў.

Максим Богданович любил город Ярославль, его древности, красивую набережную и величественную Волгу. Об этом свидетельствует его рассказ «Мадонны», опубликованный в ярославской газете «Голос». Любимым местом поэта, по воспоминаниям его друга Д. Дебольского, была набережная Волги (от церкви Петра и Павла до Воздвиженского спуска), где они часто бродили вдвоем.

Но душа Максима тянулась к земле дедов и прадедов. Максим Богданович мечтал увидеть свой родной белорусский край. И вот она – первая его поездка в Беларусь! Летом 1911 года Максима пригласили сотрудники газеты «Наша Нива» в Вильно и фольварк Ракутевщина. Но об этом мы узнаем немного позже, а сейчас мы

перейдем к последней странице жизненной главы в так называемой книге жизни и творчества Максима Богдановича.

IV. «...Я не самотны...»

Неизлечимая болезнь – туберкулез передалась по наследству и Максиму. Молодой поэт знал, что проживет недолго. Ему необходимо было съездить в Крым на полноценное лечение, а вместо этого в 1916 году, по окончанию лицея, он едет в Беларусь, в родной Минск, куда так тянуло, куда рвалась душа. Там его ждали единомышленники, общее дело, непосредственное участие в жизни страны, в исторический период становления государственности.

Вакол мяне кветкі прыгожа красуюць.
Маркотна між іх я хаджу адзінок,
Аж бачу – мне сяняй галоўкай ківае
Наш родны, забыты ў цяні васілёк.

«Здароў будзь, зямляча!» Чуць бачна ў даліне,
Панура, нявесела шэпча ён мне:
«Спамянем, мой дружа, у багатай чужыне
Аб беднай, далёкай сваёй старане.»

В 24 года Максим приехал в Минск, устроился на должность секретаря в Минской губернской продовольственной комиссии, участвовал в работе Общества по оказанию помощи потерпевшим от Первой мировой войны. Поэт жил на квартире учителя училища Либаво-Роменской железной дороги Саввы Ивановича Редьки. Сам владелец дома здесь не жил, а сдавал его квартирантам.

Правую часть дома занимал Змитрок Бедуля, Максим Богданович жил в одной комнате. Большую часть дня Максим проводил на работе. Вечером шел в библиотеку или в «Беларускую хатку» – клуб интеллигенции, где находилась и недорогая столовая, домой приходил поздно.

Максим любил писать стихи ночью. Когда приходил, ложился отдыхать на узкую кровать, чуть позже начинал писать, когда за окном уже была темнота.

Сцюжа, мрок... Я ізноў хвараваты.
У сэрцы – думак дакучных цяжар.
Заварыць бы гарчай гарбаты,
Разагрэць бы хутчэй самавар.
Запяе ён і тонка, і ціха,

Зазіе на спод аганьком, –
І развеецца цёмнае ліха
Над маім абагрэтым кутком.

Здоровье Максима ухудшалось с каждым днем. Он каждую ночь мерил температуру. Змитрок Бедуля писал в воспоминаниях, что когда утром заходил к Максиму, то видел, что термометр показывает 38–39, а иногда и больше. Но, несмотря на болезнь, Максим Богданович писал статьи, стихи, посвящал все свое свободное время творчеству.

В одну из бессонных, но полных вдохновения ночей Максим создал поэму «Страцім-лебедзь». Когда Максим читал свое произведение Змитроку Бедуле на крыльце дома, в котором они жили, поэт ошибся и прочитал: «Ад усіх цяпер патомкі ёсць, ды няма адных – Максімавых» (вместо: «ды няма адных – Страцімавых»).

На этом стенде вы видите фотографию молодой женщины. Это Людвика Сивицкая (Зоська Верес – ее псевдоним), знакомая поэта. Она написала воспоминания о пяти месяцах Максима Богдановича в Минске, благодаря которым мы узнаем Максима с его чувственно-эмоциональной стороны, как заботливого человека, переживающего больше о других, чем за себя. В воспоминаниях Зоськи Верес можно узнать и про то, как встречали с друзьями Новый год в Минске. Наверное, это был самый счастливый праздник в жизни Максима Богдановича. Вот только все слабей стал чувствовать себя поэт. Температура повышалась, и врачи посоветовали сменить климат, а это значит и страну. Уезжать Максиму не хотелось, ведь он только недавно приехал в родной Минск, прожил тут 5,5 месяцев, и теперь снова уезжать?! Друзья решили за него, собрав деньги на лечение в Ялте. Они верили, что это поможет Максиму поправить здоровье, и что он снова вернется к ним. Но Максим как будто знал, что это будет его последняя поездка.

В конце февраля 1917 года Максим уезжает на лечение в Ялту. Снежные заносы на железной дороге становятся преградой на пути в Крым, как будто сама белорусская природа не хотела отпускать своего поэта в его последний путь...

25 мая 1917 года в Ялте умер Максим Богданович.

Сохранилось неотправленное письмо Максима к отцу: «Здравствуй старый воробей. Молодому воробью плохо...». Рядом с умирающим Максимом не было ни одного близкого человека. Поэтому в сохранившейся метрической книге Александро-Невского собора, в котором отпевали поэта, есть ошибка: «Крестьянина города Ярославля...» – Максим Богданович происходил из семьи служащих, из интеллигенции, далее стоит цифра «27», а прожил

Максим 25 лет, пять месяцев и 16 дней. Осталось последнее послание нам от поэта:

У краіне светлай, дзе я ўміраю,
У белым доме, ля сіняй бухты,
Я не самотны, я кнігу маю
З друкарні пана Марціна Кухты.

В письме, адресованном младшему сыну Льву, отец сообщает о смерти Максима и с горечью упоминает, что «теперь ты один остался у матери». Адаму Егоровичу выпала нелегкая судьба, похоронить любимую жену и трех их сыновей.

В Минске в газете «Вольная Беларусь» был напечатан некролог Змитрока Бедули:

«Плач, бедная маці Беларусь.
Лій слёзы – нядоля агарнула цябе...
Ты страціла аднаго з найлепшых сыноў тваіх.
Той, каторы апяваў цябе ў сваіх цудных лірычных песнях,
пайшоў да Бога.»

Мы с вами заканчиваем трагическую главу жизни Максима Богдановича. Классика белорусской литературы, романтического поэта, которого знает весь мир, память о котором чтят как в Беларуси, так и в России.

Поэты живут вечно в своих произведениях. За короткий жизненный путь Максим Богданович, как Лермонтов – в русской литературе, оставил огромный след в белорусской литературе. Он заложил начало урбанистической поэзии в истории белорусской литературы, был первым белорусским поэтом, который стал писать про города. Максим Богданович также ввел в белорусскую литературу новые формы поэзии: триолет, рондо, сонет. Благодаря этой великой личности, белорусская культура обогатилась и заняла свое полноправное место среди других культур. История литературы не знает другого примера, чтобы поэт, который с детства разлученный с родным краем, стал народным, чтоб, самостоятельно изучив язык предков, он поднялся до классических высот.

V. «...У жомчуг звернецца ён сілай пачуцця»

В одном из разделов выставки отражены основные моменты становления поэта, раскрывает истоки творчества Максима Богдановича и помогает нам ответить на вопрос: откуда у мальчика появилась

тяга к белорусскому языку, если в семье не говорили на нем. Здесь можно вспомнить и деревню Вязь, где четырехлетний Максим услышал впервые белорусскую речь. Свое влияние оказали и тети Максима Магдалена и Мария, которые не забыли белорусские традиции отмечать праздники вдали от родных мест. Максим любил бывать у них в гостях, где слышал родной язык.

В развитии Максима, конечно же, большую роль сыграли и родители, благодаря которым Максим имел все возможности для развития своих способностей. Адам Егорович не оставлял без внимания воспитание детей после смерти их матери. В первый класс Нижегородской гимназии Максима Богданович поступил в десятилетнем возрасте, но с полным маленьким кругом знаний. Учиться он начал с детства. С шести лет он читал книги из уникальной библиотеки отца. Первыми книгами Максима были «Родное слово», «Детский мир» К. Д. Ушинского, русские былины и сказки, а также сказки братьев Гримм.

Из мировой классики Максима привлекали Т. Тассо, Д. Альгьери, М. Сервантес, Д. Дефо, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев. Книги систематизировали то, что приходилось наблюдать в жизни, помогали формированию мировоззрения. Позже Максим Богданович говорил своему другу Н. Огурцову, с которым вместе работал в ярославской газете «Голос»: «Меня воспитывал отец. Как-то я показывал Вам его библиотеку. В ней есть все существенное, что появлялось, когда бы то ни было в мировой литературе. Мы с детства проходили эту мировую школу. Отец начинал с того, с чего начинает каждый народ в своем творчестве – с эпоса. Мы в детстве знали Рустема и Зораба, «Илиаду» и «Калевалу» и др. Затем приступили к лирике и драме. Главное место, естественно, уделялось славянским литературам».

Именно в Нижнем Новгороде у Максима проявился интерес к Беларуси. Языку своих отцов, дедов и прадедов Максим Богданович учился по книгам. Книги на белорусском языке вызывали восторг, он гордился своей принадлежностью к этому народу. Любовь к родной земле, жажда знаний помогли поэту овладеть белорусским языком. Писать на родном языке Максим Богданович начал по-молодому, возвышению и окрылению. Его первым произведением был рассказ «Музыка». В нем раскрывается тема бессмертия искусства, его настоящее назначение в жизни. Позже эта тема займет принципиально важное место в литературной деятельности поэта. Первый рассказ был опубликован в 1907 году, в виленской газете «Наша Нива», когда Максиму было 15 лет. В этом лирическом произведении поэт выделяет роль духовности в жизни, утверждает глубокую мысль о единстве песни и жизни, о великой силе искреннего слова. На это первое произведение Максим получил отзыв украинского литерату-

роведа Иллариона Свентитского. В книге «Відроджене білоруськаго пісьменства», напечатанной во Львове в 1908 году, он дал высокую оценку молодой белорусской литературе: «Пра сучасных беларускіх пісьменнікаў можна з Максімам Багдановічам сказаць «... адзін усю душу сваю ўклаў у ігру. Душа яго знала ўсё тое гора, што бачыў ён на людзях; гэта гора грала на скрыпцы, гэта яно вадзіла смыкам па струнах; і ні водны сыты не мог так граць, як грала народнае гора».

Центром внимания Максима Богдановича было национально-культурное возрождение Беларуси и ее молодая литература. Он мог следить за новинками белорусского литературного слова, выписывая на свои небольшие средства белорусскую периодику.

Адам Богданович объяснял: «... общий уклон его чувств и влечений в сторону всего родного, белорусского есть дело наследственности – той темной подсознательной сферы, которую мы рождаемся выносим на свет Божий как неотъемлемое достояние наших предков...».

Большое значение для становления Максима как поэта имело фольклорное наследие белорусов, сбором и исследованием которого занимался Адам Егорович Богданович во время своей жизни на Родине. Результатом этой работы стала книга «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов», без цитирования которой и сейчас не обходится ни одно серьезное исследование белорусского фольклора. Максим Богданович плодотворно использовал мифологические образы из этого исследования отца в своем поэтическом творчестве.

Слышишь гул? Это дико-печальный лесун
Заиграл на лесной, позабытый уж лад.
Под руками его, как на море бурун,
Словно тысячи туги натянутых струн,
Тонкоствольные сосны гудят.

Отгадай, отчего взволновалась река,
Шепот тихий идет к полосе с полосой,
И о чем им звенит говорок ветерка,
Что дрожит и блестит на листьях дубняка, –
Капли слез иль холодной росы?

VI. «Радзімая зямля, прынікнуў я к табе...»

Через всю жизнь пронес поэт любовь к Беларуси. Этот край, его леса, поля с васильками во ржи все годы безудержно манили Богдановича. Он стремился на родину, где небо особенно голубое, звезды особенно яркие...

Первый раз после долгих лет жизни на берегах Волги, Максим Богданович навестил Беларусь летом 1911 года. Двадцатилетний выпускник Ярославской мужской гимназии по приглашению сотрудников редакции газеты «Наша нива» приехал в Вильно. Про это свидетельствуют воспоминания Вацлава Ластовского – сотрудника редакции газеты «Наша Нива». Всего несколько дней поэт провел в древнем городе, но эти виленские дни останутся бесценными в его творчестве.

В Вильно Максим встретился со своими заочными друзьями, которых знал только по переписке и по их книгам. Здесь были и долгие беседы с ними, и знакомство с коллекцией Ивана Луцкевича, которая размещалась прямо в редакции газеты. Максима поразили белорусские иконы и резьба по дереву, древние рукописи и первые печатные книги, печати белорусских князей, оружие, большая коллекция известных слущких поясов и другие экспонаты, которые позже принесли большую известность Белорусскому историко-этнографическому музею имени Ивана Луцкевича в Вильно.

Так на свет родились стихи Максима «Слущкие ткачихи», «Книга»:

Псалтырь, покрытый нежесткой бурой кожей,
Я взял, чеканные застёжки отомкнул,
Пересмотрел ряды кириллицы пригожей
И воска с ладаном приятный дух вдохнул

Знакомство с городом, с его архитектурой вдохновило Богдановича на написание цикла стихов «Место» («Город»). Это было начало урбанистической поэзии в молодой белорусской литературе.

В Вильно поэт провел несколько дней, а затем почти два месяца жил в фольварке Ракутевщина, находящийся между Минском и Молодечно. Туда его пригласили братья Луцкевичи погостить у их дяди Вацлава Лычковского. Максима Богдановича поселили в маленьком домике, предназначеншемся для арендаторов (показать изображение комнаты, в которой жил Максим). Фольварк раскинулся рядом с сосновым бором, среди ржаных полей. Совсем рядом находилась деревня с ее укладом жизни, с вечеринками и живым белорусским говором.

Здесь, в этой красивой местности, вдохновение Максима «забило ключом», как бурлила «живая вода» в роднике:

Даўно ўжо цела я хварэю,
І хвор душой, -
І толькі на цябе надзея,

Край родны мой!
У родным краі ёсць крыніца
Жывой вады.
Там толькі я змагу пазбыцца
Сваёй нуды...

Тем летом в фольварке отдыхала и минская племянница Вацлава Лычковского Эмилия Шабуня, дочь его родной сестры С. Э. Лычковской. О той поре сохранились воспоминания Эмили, которые записала ее дочь Янина Кохановская, которой в 1911 году было два года.

Эмилия Ивановна вспоминала, что Максим в дискуссиях был горячим и отстаивал свои взгляды. У Богдановича были свои критерии литературы, глубина мыслей. С каким внутренним волнением Максим ждал ее оценки, когда читал свои стихи, доверяя ее слуху и вкусу. Особенно он волновался о точности и правильности белорусского слова. Максим радовался хорошему случаю, который свел его с отличной советчицей.

Богданович слушал родной язык – богатую деревенскую речь, песни, байки, шутки, ходил по сельским и лесным дорогам, фиксировал каждое нужное слово родного языка, каждую фактурную черту быта, одежды и характера земляков. Окружающая природа оживляла фантазию Максима.

Все это давало поэту возможность сосредоточиться, прочувствовать, понять самого себя, уловить красоту природы и передать в лирическом стихотворении:

Добры вечар зара-зараніца!
Ужо імгла над зямлёю лажыцца,
Чорнай рызай усё пакрывае,
Пылам зор небасхіл абсявае
Цішыня абгартае мне душу.
Вецярок прыдарожную грушу
Ледзьве чутна варуша-кальпша...

Два месяца жизни в Ракутевщине, долгие прогулки по окрестностям деревни обогатили Максима Богдановича многочисленными наблюдениями и незабываемыми встречами с крестьянами.

Он буквально ловил каждое слово, заслушивался мелодичными белорусскими песнями. И каждый наполненный дивными звуками, красками, запахами день воплотился в его бессмертных стихах. В Ракутевщине написаны циклы стихов «Старая Беларусь», «Место», а также поэмы «В деревне», «Вероника», которые вошли в цикл «Мадонны». Позже поэт включил эти произведения в един-

ственный прижизненный сборник «Венок», который вышел в 1913 году в Вильно.

На обратном пути из Ракутевицы, Максим пробыл еще несколько дней в Вильно и потом вернулся в Ярославль. Получив огромный заряд энергии, из-под пера молодого поэта выходили все новые и новые стихи. Продолжалась переписка с сотрудниками редакции газеты «Наша Нива». Так Максим убедился, что его работа нужна белорусскому народу.

Впечатлениями от поездки на Беларусь Максим Богданович поделился со своим другом Диодором Дебольским. Позже Дебольский напишет: «Мне думается, что только после этой поездки Максим почувствовал и понял, что он белорусский поэт».

Следующий стенд раскрывает Максима Богдановича, как великого поэта, который создавал прекрасные лирические творения. Здесь изображены люди, которым Максим посвящал стихи, произведения, которые переводил на белорусский язык. И самое важное – единственная прижизненная книжечка поэта «Венок», в которой поэт «оставил на бумаге трепетные в дни цветенья лепестки и дум, и чувств».

ВІІ. «Засушыў я на паперы / Краскі свежыя калісьці, / Думак шчырых і чуцця...»

Поэзия Максима Богдановича была нетрадиционной для молодой белорусской литературы. Первые стихи, которые он прислал в «Нашу Ниву», не были приняты. Их окрестили «декаденщиной», и они были списаны в архив. Только благодаря белорусскому публицисту и критику Сергею Палуяну (1990-1910) все сотрудники редакции «Наша Нива» признали поэтический талант Максима Богдановича. И в 1909 году были напечатаны стихи Максима «Над могилой» и «Придет весна».

Между Сергеем Полуяном и молодым поэтом завязалась переписка и заочная дружба. Сборник стихов Максима Богдановича «Венок» посвящен Сергею Полуяну. Ему посвящены стихотворения «С. Е. Полуяну» и триолет «Ты был как месяц одинокий...»

Ты быў, як месяц, адзінокі:
Самотна жыў, самотна ўмёр.
Хоць свет і людны, і шырокі, –
Ты быў, як месяц, адзінокі.
Красу, і светласць, і прастор
Шукаў – і, ад усіх далёк,
Ты быў, як месяц, адзінокі:
Самотна жыў, самотна ўмёр.

Сборник стихов «Венок» – единственное прижизненное издание поэта – был напечатан в период расцвета литературного таланта Максима Богдановича.

«Венок» – это вершина белорусской лирики начала XX века. Этим сборником Максим Богданович хотел сказать, что белорусский язык самостоятельный и самобытный, что на нем можно передать все порывы человеческой души в любой литературной форме.

На титульном листе «Венка» напечатано, что книга вышла в 1913 году, в типографии Мартина Кухты в Вильно.

Максим Богданович говорил сотруднику ярославской газеты «Голос» Николаю Огурцову: «За белорусским языком не хотят признать самостоятельности и самобытности. Не хотят допустить и мысли, что на этом языке можно выразить все движения человеческой души и дать любую литературную форму. Я своей книжечкой хотел показать, что все это возможно. А для этого нужно было белорусский язык поставить рядом с европейскими языками».

Конечно же, здесь в этой маленькой книжечке не все творчество Максима Богдановича. Все творчество поэта можно сравнить с чудесным венком, где каждый цветок – это проза, поэзия, публицистика.

После выхода сборника «Венок» из печати, в газете «Наша Нива» Антон Луцкевич напечатал очерк, назвав Богдановича «поэтом чистой красоты».

Максим подарил книжку близким родственникам и друзьям. В фондах Литературного музея Максима Богдановича в Минске находятся «Венки», подаренные Магдалене Егоровне, Марии Егоровне – тетям, двоюродной сестре Анне Гапанович. Но Аня не смогла оценить поэтическую сторону сборника Максима, не смогла прочесть его стихов, так как не владела белорусским языком. И благодаря этому появились переводы стихотворений из «Венка» на русский язык. Специально для двоюродной сестры Максим создал рукописный сборник стихотворений «Зеленя», куда вошли 22 стихотворения из «Венка», рукописей и публикаций в периодике (1909–1913). Написал эти переводы аккуратным почерком в ученическую тетрадь, назвал этот рукописный сборник «Зеленя» и подарил его Ане в знак сердечной привязанности и симпатии.

Богатое и многостороннее литературное наследие Максима Богдановича органично дополняет его творчество как переводчика. Он переводил на белорусский язык романтика Шиллера, реалиста Пушкина, открывателя верлибра Верхарна, импрессиониста и песенного Верлена и т.д. «Чистые» образцы методов и стилей, переведенных поэтом, становились, таким образом, поучительной национальной школой. Максим Богданович стал классиком и в переводческой дея-

тельности. На стенде представлены стихотворения Максима на русском и белорусском языках. Это помогает увидеть, что поэт умел прекрасно передавать свои чувства и переживания на двух языках. Его стихи звучат романтично и трепетно.

Новаторство Максима Богдановича как поэта проявилось в том, что он активно разрабатывал такие сложные стихотворные формы, как терцины, триолет, октава, рондо, сонет. Это твердые формы стихов, которые возникли в Западной Европе в средние века и период Ренессанса (например, такой вид стихотворений, как терцина, ввел в поэзию великий Данте, «Божественная комедия»). А в белорусскую поэзию эти формы ввел именно Максим Богданович. Этим нововведением Максим создавал национальный фонд классической поэзии.

Творчество Максима Богдановича многогранно, наполнено прекрасными образами. Самым ярким образом его стихотворений является образ Мадонны.

Вся суть ее в себе сливала
Черты девичьей красоты
И материнские черты –
В одном обличье два начала.
Твоя в ней воплотилась цель,
Мадонн творитель, Рафаэль!..

Мадонна для Максима Богдановича – это Родина-мать, которая была источником вдохновения, образ которой воплощен во многих его произведениях. Беларусь и родная мать Максима были неразрывно связаны в сознании поэта. Любовь к матери, которую Максим рано потерял, память о ней притягивали его внимание к земле предков, к Родине.

У Максима Богдановича есть много красивых стихотворений, посвященных самому прекрасному чувству на свете – любви. Любовь не прошла мимо романтического юноши. Самой яркой музой его была Аня Кокуева. Красивая, стройная, с черными глазами и длинными темными волосами девушка сразу же приглянулась Максиму. Они подружились, а потом вспыхнула и любовь. Максим много стихотворений посвятил этой милой девушке. Известный романс «Зорка Венера» считается тоже посвященным Ане. В «Романсе» поэтические мысли и чувства развиваются в двух временных измерениях: в том, когда создавался стих, и в раннем времени, с которым связано рождение любви, ее расцвет, и вынужденное расставание, обещание любить в разлуке и надежда на память его любимой. В одно целое объединяет эти измерения образ звезды Венеры, которая

сияет утром и вечером. Эта звезда, несмотря на жизненные обстоятельства, которые разлучили молодых людей, воскрешает их любовь, дает возможность заново пережить это чувство.

Зорка Венера ўзышла над зямлёю,
Светлыя згадкі з сабой прывяла...
Помніш, калі я спаткаўся з табою,
Зорка Венера ўзышла.

Отношения Максима Богдановича и Ани Кокуевой были прерваны – Анна вышла замуж за гимназического знакомого Максима Ивана Лилеева. Переживания о любви отразились в творчестве Максима.

Стихотворений, посвященных Ане много: «Ах, как умеете, вы, Анна...», «Вчера счастье только глянуло не смело», «Уймись волнения, страсти...» и др. Их можно было собрать в один сборник стихов, под названием «Полынь-трава», как и хотел сделать Максим, но не успел...

Молодой поэт видел города – Нижний Новгород и Ярославль – где прошли его детство и юность, видел красавицу-Волгу, башкирскую предуральскую степь, Крым, но в основном доминируют в творчестве Максима Богдановича белорусские темы. Поэт не отказывался от социальной и национальной тематики, в его творчестве присутствует красивая пейзажная лирика. Но главным в поэзии Максим Богданович считал – личное восприятие окружающего мира. Красоту природы, чувственность любви может ощутить только духовная, тонко развитая личность, которая способна вырваться из плена материальных нужд и невзгод.

Восхищает глубокий патриотизм поэта, его стремление разбудить народ к лучшей жизни, напомнить про величие и самобытность истории, духовных и материальных ценностей; самопожертвование поэта, который подкошен болезнью, кажется слабым, но нет, Максим Богданович – это глыба крепкая, сильная, личность титаническая, проверенная временем. Он и сегодня с помощью творчества заглядывает в наши души, возрождая в нас духовность и гордость.

VIII. «Быць можа, я не скончу жыць...»

Любовь к Максиму Богдановичу – поэту-лирику, поэту-философу, критику, переводчику поистине всенародная. Уже более ста лет звучат его взволнованные слова в сердцах миллионов людей. Язык поэта необычайно мелодичный и певучий, и поэтому понят-

на особенная приверженность наших композиторов к творчеству М. Богдановича: многие его стихи легли в основу самых различных жанров произведений белорусской вокальной музыки.

Можно заметить изображение нот на стенде – они являются символом музыкальности стихов Максима, которые положены на музыку: «Слуцкія ткачыі», «Па-над белым пухам вішняў» («Маёвая песня»), «Пагоня», «Зорка Венера» и многие другие. На стихи поэта создавали романсы композиторы Н. И. Аладов, А. В. Богатырев, А. Е. Туренков, Е. А. Глебов, И. М. Лученок и др. В одно время в Минске в Большом театре оперы и балета шла опера «Зорька Венера» (композитор Ю. В. Семеняка, либретто А. Бачилы).

9 декабря 1891 года к 90-летию Максима Богдановича в Минске, недалеко от театра оперы и балета и Троицкого предместья был открыт памятник поэту. Над его созданием работали заслуженный деятель искусств Беларуси скульптур С. М. Вакар, архитекторы Ю. И. Казаков, Л. В. Москалевич. Копия этого памятника есть и в Ярославле. Стройная, легкая фигура, спокойный взгляд устремлен вперед, в вечность. Молодой и дерзкий, мечтательный и беспокойный, возвышенный и окрыленный с задумчивыми глазами на красивом, вдохновенном лице... жест левой руки поэта подчеркивает сдержанное волнение, в правой – букетик васильков – цветов родины.

В районе Троицкого предместья недалеко от памятника песняру находится Литературный музей Максима Богдановича. Автором экспозиции, созданной в стиле модерн, эпохи поэта, является заслуженный деятель искусств Беларуси Эдуард Константинович Агунович. В экспозиционных залах разместились материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта: рукописи, документы разных лет жизни Максима Богдановича и его родных, книги, личные вещи, фотографии, издания его произведений. Копии этих материалов вы увидели на этой выставке. Большая часть этих документов была собрана за десять лет сотрудниками музея, почитателями творчества поэта, литераторами и исследователями.

Литературный музей Максима Богдановича был открыт в 1991 году. На первую экскурсию собралось много желающих. Эту экскурсию в открывшемся для посетителей музее проводила Шелягович Татьяна Эдуардовна, тогда сотрудник, а сегодня – директор музея любимого поэта.

На выставочных фотографиях представлена первая экспозиция Литературного музея Максима Богдановича в Минске. Музей занимается популяризацией творчества поэта, организывает мероприятия и праздники, посвященные классике белорусской литературы.

С лета 1991 года в Минске работает филиал музея «Белорусская хатка», дом, в котором пять месяцев прожил Максим по воз-

вращении на Родину. В этом доме вечерами собиралась минская интеллигенция, поэты, музыканты, на творчество которых повлияла поэзия Максима Богдановича. Одна из центральных и самых длинных улиц города Минска носит имя поэта.

Почитается память Максима Богдановича и в деревне Ракутевщина, которую в 1911 году посещал Максим. Там сейчас находится филиал Литературного музея Максима Богдановича.

Мемориальная доска на камне установлена в «Саду Максима», недалеко от филиала. Так называется место, где белорусские поэты посадили деревья в память о молодом классике и установили мемориальный знак в 1977 году. С тех пор каждое лето на этом месте собираются белорусские поэты и писатели, музыканты и просто почитатели творчества Максима Богдановича, музейные сотрудники, которые организывают праздник песни и поэзии «Ракутевское лето».

Музеи Максима Богдановича открыты в Гродно и в Ярославле. На могиле в Ялте в 2003 году был установлен новый памятник Максиму Богдановичу, изготовленный из мрамора известными белорусскими скульпторами Львом и Сергеем Гумилевскими.

Почитатели творчества Максима, которые проживают в Крыму, собираются на могиле поэта в день памяти, чтобы отдать дань великому поэту, который за свой короткий жизненный путь обогатил белорусскую литературу. Его стихи актуальны и по сегодняшний день.

В Беларуси творчество Максима Богдановича изучают в школах и вузах. Любовь к этому поэту на его родине сравнима разве что с любовью к Пушкину в России.

В одной из критических статей М.Богданович писал как будто о себе: «В истории литератур встречаются, привлекая взоры своим благородством, фигуры людей, подававших большие надежды, но умерших рано. ... Но вечною свежестью веет от их имен. Не ложится на них пыль пронесшихся дней».

Поэт ушел от нас очень молодым, но его талант яркой звездой светит людям, и за это мы всегда благодарны ему. Его поэзия будит в наших сердцах чувство прекрасного. Выйдите поздним вечером, посмотрите на усыпанное звездами небо:

Взгляните на эти огромные звезды,
Яркие звезды Геркулеса!
К ним летит наше солнце
И стремится за солнцем земля.
Кто мы такие?
Всего лишь попутчики в небесах.

Так для чего на Земле
Распри и ссоры, боль и горе,
Если мы все вместе летим
К звездам?

Звезды в небе, звезды в сердце. Пусть они никогда не погаснут.
И пусть всегда светит нам ясная звезда Поэзии – поэзии Михаила
Лермонтова и Максима Богдановича.

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Астафьев, А. В. М. А. Богданович (1891-1917) [Текст] / Андрей Васильевич Астафьев, Надежда Андреевна Астафьева // Астафьев А. В. Писатели Ярославского края. – Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1990. – С. 274-284. – Библиогр.: с. 283-284 (13 назв.). – 1 фот.
2. Богданович, М. А. Венок [Текст] : лирика / Максим Богданович ; сост. и пер. с белорус. Б. Спринчана. – Минск : Юнацтва, 1991. – 125 с. : ил.
3. Богданович, М. А. Избранные произведения [Текст] / Максим Богданович ; пер. с белорус. – М. : Гослитиздат, 1953. – 296 с.
4. Демидова, М. «Белорусский Пушкин» на Ярославской земле : 9 декабря в России и Белоруссии широко отметят 125-летие со дня рождения поэта Максима Богдановича [Текст] / Мария Демидова ; фото авт. // Северный край. – 2016. – 7 дек. (№ 49). – С. 14. – 3 фот.
5. Колодин, Н. Поэт на две страны [Текст] / Николай Колодин // Город древний : Т. 3. – Ярославль : здания, люди, легенды. – Ярославль, 2014. – С. 176-180. – 1 фот.
6. Шелемова, А. О. Белорусский поэт из русской провинции (поэтическая биография Максима Богдановича) [Текст] / Антонина Олеговна Шелемова // Голоса русской провинции : науч.-худож. сб. : Вып. 5. – Ярославль, 2011. – С. 197-206.
7. Шелемова, А. О. О русском контексте лирики М. Богдановича [Текст] / А. О. Шелемова // Голоса русской провинции : науч.-худож. сб. : Вып. 4. – Ярославль, 2010. – С. 176-186.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. М. КУБЛАНОВСКОГО

Цитаты из русской поэзии рассыпаны в стихах, в статьях, в дневниках Кублановского и устных его выступлениях. Например, две фразы особенно часто повторяемые: «Самостоянье человека – залог величия его» (А. С. Пушкин) и «Двух станов не боец, а только гость случайный» (А. К. Толстой). В телевизионной передаче «Школа злословия» 2011 года Юрий Михайлович откровенно говорит: «Для меня Пушкин и Лермонтов – это вечные спутники, сегодня под каждым их словом можно подписаться». Перед своими земляками на встрече в парк-отеле «Спасское» 30 января 2016 года Кублановский признается в любви к русской поэзии: «У меня есть вечные спутники, которых я постоянно перечитываю, от Державина, тем более Пушкина, до Арсения Тарковского и до некоторых современных поэтов. <...> когда это потечет у тебя по жилам – потом поэт и его творческий мир будут тебе надежной опорой во всех твоих жизненных передрягах. Это укрепляет характер, укрепляет сердце и поддерживает его во всех житейских невзгодах».

Кублановский часто размышляет о предназначении поэта, иногда делится собственным опытом творчества с немалой долей иронии:

СЕКСТЕТ

1

Я вполне лояльный житель, но
на расспросы о досуге
бормочу невразумительно
любопытной подружке:
мол, тружусь как пчелка в тропиках
вне промышленных гигантов
над созданием новых допингов,
то бишь антидепрессантов.
Производство допотопное,
сам процесс небезопасен,
результат в такое злобное
время, в сущности, не ясен,
но нередко тихой сапою
в пору утренне-ночную,
шевели губами, стряпаю
строки беглые вручную.
И немым разговорившимся

сообщаю шатким соснам,
а вернее, заблудившимся
в трех из них последним звездам:
«Ваши жалобы услышаны,
приступаем к расшифровке.
Мы и сами тут унижены
от подкормки до подковки»

23 апреля 1998

Юрий Михайлович, пытаясь разобраться в природе, истоках своего вдохновения, вспоминает Лермонтова:

Сделалось с годами, допекая,
всё слышней дыхание в груди,
с ним таким теперь на пик Синая,
потакая звёздам, не взойти.

Кажется, что жизненная квота
вычерпана – но, наоборот,
из кармана заставляет кто-то
доставать затрепанный блокнот.

Словно это юнкер темноокий
у себя в казарме налегке
спит и видит сон про одинокий
и мятежный парус вдалеке.

2006

Есть у Кублановского стихотворение «Посвящается Лермонтову», в котором он описывает и характерные черты внешности Михаила Юрьевича («хромающий мятежник», «печальные глаза с овальной акварели»), и путь воина и поэта («армейская рубаша», «омытый солью стих»), и свое отношение к Лермонтову. «Мир сердцу твоему, хромающий мятежник!» – восклицает наш современник вопреки лермонтовскому желанию («Мира и забвенья / Не надо мне!»). Именно эта лермонтовская строка-протест из стихотворения «Любовь мертвеца» становится эпиграфом к посвящению Кублановского.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЕРМОНТОВУ

*Мира и забвенья
Не надо мне!
Л.*

В альпийском леднике седеющем подснежник
разбуженный угас.

Мир сердцу твоему, хромающий мятежник!
И прежде и сейчас
от выщербленных плит кавказской цитадели
не близок путь.
Печальные глаза с овальной акварели
закрой когда-нибудь.
В испарине скакун, армейская рубаша,
омытый солью стих.
Но твой жестокий смех сжимал сердца от страха
на водах у больных.
Ты зримо презирал актёрские повадки
державного паши.
Но молния сожгла походную палатку
твоей души.
...Не голубой мундир своею чёрной кровью
смывает желчный грим с усталого лица,
а Демон, наконец, спустился к изголовью
взглянуть на своего творца.

1977

В последней строфе Кублановский изображает лермонтовского Демона, спускающегося к своему создателю, истекающему «своею черной кровью», используя строку из стихотворения «Смерть Поэта».

В ходе работы по данной теме автором были подготовлены вопросы для Ю. М. Кублановского, на которые он любезно согласился ответить по электронной почте. Здесь и далее приводятся ответы поэта. На вопрос: «Что Вам ближе – стихи, проза, личность, судьба, загадочность Лермонтова или иное?» – Кублановский ответил: «Русская тема – «Бородино», «Песня про купца Калашникова» и, конечно, такие религиозные, как «Ветка Палестины». Всегда сожалел, что Лермонтов не дожил до своей зрелости, когда бы он смог преодолеть свой наносной демонизм».

В «Стихах о русских поэтах» Кублановский еще раз дает отсылку к Лермонтову:

Сороковые-золотые:
жандарма купол голубой,
и западники молодые ведут
беседы меж собой.

1977

Здесь чувствуется переключка со знаменитым стихотворением Лермонтова:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
от их всеслышащих ушей.

Хотя в более поздних изданиях «Стихов о русских поэтах» Кублановского строка «жандарма купол голубой» заменяется на другую – «уже становится судьбой».

В мае 2017 года Пятигорский музей-заповедник «Домик Лермонтова» провел круглый стол по проблеме авторства этого стихотворения. Последние лет двадцать стали появляться различные публикации, в которых авторство Лермонтова подвергалось сомнению. Среди аргументов сторонников неавторства, в частности, был такой: Лермонтов слово «паша» не знал и нигде более не употреблял. На круглом столе преподаватель Санкт-Петербургского университета А. И. Пылев доказал, что поэт использовал это слово не раз и очень хорошо знал, кто такой паша. У ведущих лермонтоведов России нашлось много доказательств принадлежности перу Лермонтова стихотворения «Прощай, немытая Россия...» – и точка в споре была поставлена именно тогда в пятигорском музее.

По поводу авторства этих восьми строк Юрий Михайлович ответил: «Это, безусловно, шедевр политической лирики, который вызывает, однако, мое резкое отторжение. Я бы очень хотел, чтобы эти стихи не принадлежали Лермонтову».

Вернемся еще раз к «Стихам о русских поэтах» 1977 года Юрия Кублановского, написанным с большой долей шутки и иронии:

СТИХИ О РУССКИХ ПОЭТАХ

3

Старый мальчик Лермонтов оглушён кокоткою –
он пирог с опилками как с капустой съел.

На Кавказе лечат минеральной водкою,
и на лицах страждущих солнцепёка мел.

Знамо, в высшем обществе новое волнение:
тлеет в мшистых зарослях Грушницкого скелет.

Посему готовится светопреставление,
панихида с музыкой и кордебалет.
В чаше остролистовой с красными гирляндами
прямо у источника жарят шашлыки.
Генерал, набычившись, спорит с адъютантами,
кто начнёт мазурку и с какой ноги.
Тише. Тише. Тише.

Маленькая Мери
уезжает с мамой, обманута вдвойне.
Пусть другие дамы на её примере...

И никто не скачет на взмыленном коне.

Источники, солнцепек – все отсылает нас к Кавказским Минеральным Водам, где происходит действие повести «Княжна Мери».

На мой вопрос: «Что для Вас Кавказ?» – Кублановский ответил: «Я люблю Кавказ как тему для великой русской литературы. Это раз. И как божественный кусок нашей матушки земли».

Минеральная водка, солнцепека мел, шашлыки жарят прямо у источника – что это за бред? Видимо, какой-то абсурд в данном сюжете Кублановский усмотрел – курортная жизнь, полная фальши, от которой многих умных людей мутило, Л. Н. Толстого, например.

Юрий Михайлович о своих «Стихах о русских поэтах» сказал, что возникли они «как протестная акция на советское сусальное преподавание русской литературы в школе». В интонации лирического героя «Стихов о русских поэтах» наряду с иронией слышатся горечь и безысходность:

СТИХИ О РУССКИХ ПОЭТАХ

4

<...>

Надвинь, чужак, на брови кепочку,
накинь засаленный бекеш,
а показалось небо в клеточку,
снежку холодного поешь.

Живём, а будто в землю жалкую
легли и тлеючи лежим,
припоминая дружбу с чаркою,
перчатку, розу, шейку жаркую
и николаевский режим.

Застой 70-х годов XX века историки литературы сравнивают как раз с николаевским временем. С этой душевной общественной атмосферой, по-видимому, и связана горечь стихов Кублановского, облаченных в такую форму.

Тема родины у Кублановского звучит постоянно. Размышляя на эту тему, он вновь обращается к лермонтовской «Родине».

Так у Лермонтова:

<...>

Проселочным путём люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

<...>

«Родина»

Огни в ночи на любимой родине выглядят у Кублановского также печально:

3

<...>

...И с веток снесённое
хрипло
шумит вразнобой вороньё:
погибла Россия, погибла.
А все остальное – враньё.

...Плеяда любезных державе
багровых и синих огней
блестит в темноте – над ужами
сужающихся путей.

<...>

«Полустанок» 1996

Или ещё у Кублановского:

<...>

*Нет, весь я не умру — останется, однако,
мерцать и плавиться в глазах в мороз сухой
последний огонёк последнего барака
на станции глухой.*

«Ну не какой-нибудь залётный небожитель...» 2 января 2003

И описание рек у Кублановского сильно отличается от хрестоматийной лермонтовской строки: «Разливы рек ее, подобные морям»:

<...>

... С приходом над дрёмным простором,
где в детстве крестили тебя,
и тамошним аввою в створах
таинственного алтаря,
с землёй обескровленной нашей,
со льдом иссякающих рек
мы связаны общою чашей
и общей просфорой навек.

«Когда роковая блестит...» 27 декабря 1990

«Письма и дневники писателя – не только самый глубокий и серьезный комментарий к его творчеству, со временем полностью расшифрованные и опубликованные, они становятся полноправной частью литературного наследства», – пишет Ю. Кублановский в своей рецензии на книгу «Существования ткань живая»[1]. А вот рассуждения на эту же тему из дневника поэта 2010 года («Записи» за 2008-2010 годы Кублановского были опубликованы в журнале «Новый мир»): *«Возможно, «Люблю Отчизну я...» имело скрытый полемический смысл по отношению к высокопарно-патриотическому крылу тогдашней литературы (Кукольник, Бенедиктов, Марлинский и т. п.)».*

Вот как это написано у одного из упоминаемых авторов:

Не унывай! Все жребии земные
Изменчивы, о дивная в землях!
Твоих врагов успехи временные
Пройдут, как дым, исчезнут, яко прах.
В. Бенедиктов «К России»

И у Лермонтова:

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз...

«Родина»

Михаил Бахтин считал, что «...значение хронотопа дороги в литературе огромно: редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч... Дорога проходит по своей родной стране <...>, раскрывается и показывается социально-историческое разнообразие этой родной страны» [3].

Обратимся к стихам Кублановского, в которых он видит родину и народ в дороге, как Лермонтов («Проселочным путем люблю скакать в телеге...»):

<...>

У московского хмурого люда
побуревшие за лето лица,
лбы и щёки в досрочных морщинах,
Но вздохнёшь – начинают коситься.

<...>

«Нищие в электричке» 1994

<...>

Щедра у памяти казна:
скупой огонь последней спички,
затяжка первая вкусна,
свистки далекой электрички,

открытый тамбур, тусклый свет,
фигуры пассажиров спящих...
Как много вырастает лет
из тех минут животворящих!

«В Абрамцеве» 1971

<...>

Кладбищ бескрайних дали –
Там получают льготы
Те, кто всю жизнь вставали
Затемно на работу

и досыпали в трясках
выстуженных вагонах...

<...>

«Смолоду самородки...» 2004

Стихотворение «Поезд дальнего следования» Кублановского наполнено болью, горечью:

На древних на рельсовых стыках
потряхивает наш Ноев...
В повадках, одежде, ликах
заметны следы запоев.

Помятые непоседы,
ограбленные на старте,
горячечные беседы
заводят, теснясь в плацкарте.

Хорошие логопеды
должны языки им вправить,
чтоб стало, зашив торпеды,
чем русского Бога славить.

Родная земля не родит,
Как ветвь не даёт побегов.
По новой на неё проходит
Ротация человеков.
Застиранные тряпицы
Раздвинутых занавесок,
И сажи жирны крупницы.

А дальше – один подлесок
да ворон
в темнеющей сини
над дюнами выюжной пустыни –
и держат удар непогоды
все долгие долгие годы...

2000

А это строки из последнего стихотворения «Титаник» – опять
с огнями в ночи:

<...>

...я не забыл про потускневшую,
но миловидную в итоге
попутчицу, в окно глядевшую
плацкарта северной дороги...

<...>

...про баржи с огоньками тёмные,
шпаны послевоенной нравы,

про лодочные и паромные
медлительные переправы...

<...>

В дневнике 2008 года Кублановский записывает:

«21 сентября. «Эти нищие селенья...» – а теперь представьте в этом тютчевском, русском пейзаже всюду натыканные вышки сотовой связи – в провинциальных кварталах, у стен монастырей, в перелесках». Интересно, что сам Тютчев писал жене, что собирается проехать от Орла до Брянска по только что открытой железной дороге Орел – Витебск: «Мне интересно посмотреть, насколько присутствие железной дороги изменит впечатление полной заброшенности и одиночества, которое неизменно вызывают эти серые избы и тропинки, теряющиеся в полях».

Стихотворение Кублановского – всего две строфы – признание в любви к русской литературе, некоторым ее героям и сюжетам:

...То ли панна с прозрачным лицом
в ветхом замке, где спальня-ловушка,
то ль под маковым свежим венцом
чернобровая ведьма-хохлушка,
то ль светлы от белёных лачуг
сладкогласые тёмные ночки,
то ли блёсткие, точно жемчуг,
водомерки в подгнившем прудочке...

Но становится ясно одно:
что крепка у полячки темница,
что вцепилась и тянет на дно
в облепившем рядне молодица,
между тем – как готовый картель
кровожадно темнит промокашку
и заря подгоняет дуэль,
нагружая черешней фуражку.
«То ли панна с прозрачным лицом» 1981

Здесь видится отсылка и к лермонтовской «Тамани», когда девушке не удалось утопить Печорина, уже на берегу: «Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан ее и высокую грудь».

Тамань упоминается и в стихотворении «Памяти Ходасевича» Кублановского из цикла «Песни венского карантина», написанного в первые дни эмиграции (автор просит свою возлюбленную,

оставшуюся в России, не ездить без него на юг, где они бывали когда-то вместе):

Нет, о том и мечтать перестань!
Не гулять тебе там налегке,
где, однажды заехав в Тамань,
Михаил охромел в челноке.

Лермонтов для Кублановского, безусловно, моральный авторитет, он апеллирует к поэту, когда размышляет о важных не только для истории вещах. Из дневника 2010 года: *«23 апреля. Ох, хотел бы я понять, почему Гете и его современники, поклонники Бонапарта, не впадали в оторопь от бессмысленного броска его – на Москву, оттого, что столько положил людей и бежал из России, бросив в ее снегах остатки недобитой своей армии – погибнуть и замерзнуть. Ради чего такая бойня, столько пролитой крови? Какая психология позволяет не обращать на это внимания?»*

Но на это не обращали внимания, кажется, «ладно» Гете, но у нас и Пушкин, и Лермонтов. Исторический герой еще не был в их сознании напрямую связан с моралью. И только в Толстом...».

Отношение Лермонтова к Бонапарту из его стихов известно: «Я думал, жалкий человек...».

В заключение два примера переклички с лермонтовскими шедеврами. К «Мцыри» отсылает стихотворение Кублановского «Я не схимник, спустившийся с гор...»:

Я не схимник, спустившийся с гор
и вступивший в немой разговор
с непривычной к смирению речкой,
что о камни дробится в упор
и бахвалится царской уздечкой;

нет, под тёмные залежи туч
не спускался я засветло с круч,
не дремал на ржавеющем камне,
подставляя морщины под луч –
эта благодать совсем не нужна мне!

<...>

1977, 1992

«Тучки небесные, вечные странники» Лермонтова – и у Кублановского:

<...>

Мне выпала вместо полочки
завидная участь тайком:
холодные странницы-тучки
вскормили меня молоком.

Счастливцу изгнания не будет,
а родина – где-нибудь там,
где устье воронками крутит,
зазывно открытое нам.
«Течение сносит и сносит...» 1997

Тема «Лермонтов в творчестве Кублановского» далеко не исчерпана, будем же читать и перечитывать строки нашего талантливового современника и радоваться, делая новые открытия.

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе [Текст] / Михаил Бахтин // Бахтин М. М. Эпос и роман / Михаил Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – с. 9–93.
2. Кублановский, Ю. М. Долгая переправа [Текст] / Юрий Кублановский. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2017. – 256 с.
3. Кублановский, Ю. М. Дольше календаря [Текст] / Юрий Кублановский. – М. : Время, 2005. – 736 с.
4. Кублановский, Ю. М. Записи [Текст] / Юрий Кублановский // Новый мир. – 2010, № 9-10; 2012, № 2-3; 2013, № 3-4.
5. Кублановский, Ю. М. Неостывшая переписка [Текст] / Юрий Кублановский // Новый мир. – 1999. – №1. – Рец. на кн.: Пастернак Б. Л. Существования ткань сквозная : Б. Пастернак. Переписка с Е. Пастернак. Доп. письмами к Е. Б. Пастернаку и его воспоминаниями. – М. : ТОО «Новое лит. обозрение», Б. г. (1997). – 590,[1] с., [16] л. ил.
6. Кублановский, Ю. М. С последним солнцем [Текст] / Юрий Кублановский. – Paris : LA Press Libre, 1983. – 376 с.
7. Литературное наследство [Текст] : Т. 97, кн. 1: Ф. И. Тютчев. – М., 1988. – С. 470.

«...А ВЕЧНО ЛЮБИТЬ НЕВОЗМОЖНО...»?
Энергетика романтических отношений в сердечно
близком окружении Лермонтова

Цитируя в заголовке строчку стихотворения Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать...», я обращаюсь к Лермонтову как к идеальному выразителю объективно возникшей романтической эпохи в России, в жизни и творчестве которого была органика романтически оправданного бытия [Пайков, 2008, с. 7]. Ю. М. Лотман подчеркивал: Если реалистическое произведение подражает действительности, то в случае с романтизмом сама действительность спешит подражать литературе. Для реализма характерно, что определенный тип поведения рождается в жизни, а потом проникает на страницы литературных текстов... В романтическом произведении новый тип человеческого поведения зарождается на страницах текста и отсюда переходит в жизнь [Лотман, 2014, с. 464].

Лермонтов не столько нашел язык для выражения собственного самосознания, сколько явил собою личность, оказавшуюся способной по-русски адекватно выразить самое романтизм – как мирозерцание, как стилистику тона и речи, как образный язык, как поведенческие нормы, как экзистенциальную проблематику [Пайков, 2008, с. 6-7], – заметил в своем выступлении на седьмых Лермонтовских чтениях Н. Н. Пайков. Такое по-русски адекватное проявление романтизма Николай Николаевич видел в выражении Лермонтовым таких аспектов, как принимаемая им на себя миссия ИЗБРАННОСТИ, ... представление о жизни исключительно как об АКТИВНОСТИ и безусловная жажда АБСОЛЮТА [Пайков, 2008, с. 7]. Этот АБСОЛЮТ – в человеческих отношениях любви, дружбы, преданности, в личностном совершенстве и образцовости, в единственно приемлемых и «естественно возможных» для него формах человеческого существования – бескомпромиссном (пусть и трагическом) выборе «всё или ничего», в героике, подвижничестве, жертвенности, в категорическом протесте против какого бы то ни было нарушения этой меры абсолюта [Пайков, 2008, с. 7].

Тот акцент русского романтического подхода, в котором энергетика любви преобладает над разочарованностью и неприятием жизни, был «прочитан» близким окружением Лермонтова в его ранних рукописных поэмах (вспомним Селима из поэмы «Измаил-бей» – переодетую оруженосцем и не узнанную героем любящую

его девушку Зару, или проблематику «Ангела смерти», или моральную оценку близких взаимоотношений в поэме «Аул Бастунджи», или поэму «Исповедь» с ее страстной защитой права на любовь) и, благодаря таинству гения поэта, начал действовать даже на тех, кто талант этот еще не способен был оценить. Такова судьба «Н. Ф. И.», Натальи Федоровны Ивановой (1814–1875), адресата ранней любовной лирики поэта («ивановский цикл» Лермонтова 1831–1832 годов насчитывает четыре десятка стихотворений).

Наталья Федоровна, светская девушка, красивая, привыкшая к восхищенным взглядам взрослых мужчин, была старше шестнадцатилетнего поэта и потому всерьез не воспринимала ни его любовь, ни его стихи, казавшиеся ей всего лишь стихами мальчика. Но, читая его юношеские произведения, она, безусловно, была польщена тем, что стала объектом такой любви, и потому не сразу продемонстрировала свое равнодушие к Лермонтову, воспринявшего это равнодушие как измену. Происходя из семьи московского драматурга и поэта Федора Федоровича Иванова, друга Жуковского, Батюшкова и Мерзлякова, она потеряла отца в трехлетнем возрасте и, проживая с отчимом, должно быть, рано научилась не показывать окружающим свои подлинные чувства. Но тот самый русский акцент романтизма, о котором шла речь, жажда абсолютной жертвы во имя любви, — проявил-таки себя в дальнейшей ее жизни. Ее избранником стал человек, отверженный обществом за бесчестный поступок (кражу драгоценностей на балу у воронежского губернатора Н. И. Кривцова), разжалованный в рядовые, лишенный потомственного дворянства. И облаченный именно в серую солдатскую шинель, столь раздражавшую Печорина деталь облика Грушницкого в «Герое нашего времени», написанном гораздо позже описываемых событий ничего не забывшим Лермонтовым.

Можно предположить, что Наталья Федоровна наделила поступок Николая Михайловича Обрескова (1802–1866) романтическим подтекстом, желанием ее героя взять на себя чужую вину (почему бы, например, не поверить, что губернаторша Е. Ф. Кривцова, урожденная Вадковская, сама подарила тайно драгоценности молодому Обрескову, поручику конно-егерского Арзамасского полка, своему родственнику, а когда они были обнаружены, чувство чести запретило ему назвать ее имя или имя кого-то другого, для кого они предназначались?). В любом случае, абсолютная жертва во имя любви была налицо: где-то между 1833 и 1836 годами Н. Ф. Иванова вышла замуж за Н. М. Обрескова, несмотря на то, что этот бывший аристократ, сын сенатора, окончивший Пажеский корпус, не имел теперь даже дворянского звания. К тому времени, за отличие на турецкой войне, отмеченное «солдатским Георгием»

после боя под Эрзерумом, он был высочайше прощен и уволен с чином коллежского регистратора (14-й, низший чин Табели о рангах). И молодые отправились в ярославское имение Обресковых Пазушино, а вовсе не в столицу, где красавица Натали могла бы блистать, выбрав иную судьбу. Права потомственного дворянства были возвращены Обрескову только в 1846 году, а через три года были распространены на сыновей – Дмитрия (род. в 1841 году) и Петра (1842 – до 1852). Две дочери, Наталья и Екатерина, родились, соответственно, в 1848 и 1849 годах. Обресков служил в канцелярии губернатора в Курске, потом в Новгороде. Именно в Курске стихи «ивановского цикла» стали распространяться в списках. Некоторые из них И. Л. Андроников обнаружил в альбоме жены курского губернатора М. Д. Жедринской [Мануйлов, 1981, с. 181].

В следующей истории романтическая составляющая души героини, графини Софьи Андреевны Толстой, урожденной Бахметевой (1825-1895), была воспитана общением не с самим Лермонтовым, а с любимой им до самого смертного часа Варварой Александровной (Варенькой) Лопухиной, в замужестве Бахметевой (1815–1851). Некоторое время Софья Андреевна, рано потерявшая отца, воспитывалась у В. А. Бахметевой, вышедшей замуж в 1835 году за действительного статского советника Николая Федоровича Бахметева, который был на 17 лет ее старше. Его имение Акшино соседствовало с имением Смольково в Пензенской губернии, где жила Софья. Таким образом, романтические произведения Лермонтова дошли до Софьи в самом трепетном исполнении. Именно от Софьи Андреевны, нежно любившей и уважавшей свою родственницу, первый биограф Лермонтова П.А. Висковатый узнал о роли Вареньки Лопухиной в жизни поэта [Висковатый, 1891, с. 271].

Тринадцати лет Софья Бахметева была определена в Екатерининский институт в Санкт-Петербурге, а в марте 1843 года, за месяц до своего восемнадцатилетия, она познакомилась с однополчанином брата Юрия, прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка Григорием Николаевичем Вяземским (1823-1882) и с другом Вяземского конногвардейцем Львом Федоровичем Миллером (1820-1888), двоюродным братом и крестником Федора Ивановича Тютчева. Оба офицера влюбились в Софью, которая, не будучи красивой, обладала прекрасной фигурой, была грациозна и женственна. Разговор ее блистал умом и неординарными суждениями, голос был завораживающе музыкален, и, как писал впоследствии Афанасий Фет, она умела «подойдя к роялю, мастерскою игрою и пением заставить слушателя задышать лучшею жизнью» [Колосова, 1984, с. 41].

Софья со всем пылом первой любви отдала свое сердце двадцатилетнему Вяземскому. 8 мая 1843 года Григорий Вяземский про-

сил руки Софьи у ее матери и получил согласие. Родители Григория прямо не отказали сыну, не успев собрать сведения о материальном положении невесты, и он, сочтя, что помолвка возможна, подарил Софье обручальное кольцо. А родители срочно выбрали Григорию другую невесту – дочь камергера Полину Толстую. Софья в сопровождении брата Петра приехала к казармам Преображенского полка, чтобы вернуть кольцо несостоявшемуся жениху, но тот кольца не принял, надеясь уговорить родителей, для чего выехал в Москву, однако получил от них категорический отказ. Григорий занемог и слег в госпиталь. И вот снова перед нами – бескомпромиссность русской романтической жертвы во имя счастья любимого и его спокойствия:

«Софья приехала в Москву, где посетила сначала Г. Вяземского в госпитале, а затем и его родителей. На безукоризненном французском языке Софья Бахметева объяснила матери Григория: «Княгиня, я приехала не просить или умолять, но единственно, чтобы Вас успокоить, ибо я Вам клянусь, и я призываю Бога в свидетели, что я никогда не выйду за Вашего сына без Вашего согласия, нет, княгиня, я слишком религиозна, чтобы сочетаться браком с кем бы то ни было, если у него нет согласия на то родителей» [Захарова, 2013, с. 183].

Мать Софьи, оскорбленная разорванной помолвкой и уплывшей из рук возможностью достойно пристроить дочь, «стала обращаться с жалобами во все инстанции, вплоть до императора» [Захарова, 2013, с. 183–184]. Разбирать дело «было поручено шефу жандармов А. Ф. Орлову. В свете разразился громкий скандал, и поползли слухи о том, что якобы князь Г. Вяземский соблазнил институтку С. Бахметеву, а жениться отказался. Скандал дошел до Преображенского полка, и князь Григорий Вяземский 30 ноября 1843 года подал в отставку «по домашним обстоятельствам», а брат Софьи Юрий вступился за честь сестры и 13 декабря того же года вызвал Григория на дуэль.

Родственники Вяземского добились отправки Юрия на Кавказ, и дуэль состоялась только 15 мая 1845 года, когда Юрий приехал в Москву в отпуск. Секундантами были брат Софьи и Юрия Николай Бахметев и брат невесты Григория Вяземского граф Василий Толстой. «Стрелялись в парке Петровско-Разумовского дважды. Юрий был убит, а участники дуэли арестованы и предстали перед судом. Григория осудили на два года гауптвахты в Тверской полицейской части Москвы» [Захарова, 2013, с. 184], после чего он женился на Полине Толстой и вернулся в полк.

Жизнь Софьи в семье после смерти брата стала совершенно невыносимой, и она приняла предложение руки от верного обожателя Л. Ф. Миллера. С согласия матери и родителей жениха, в начале

1846 года несчастная девушка стала госпожой Миллер, но жить в браке не смогла и вскоре вернулась в дом матери, иногда наезжая в Петербург.

Кровоточащая рана в сердце Софьи Андреевны, считавшей, что только она виновна в смерти брата, не зажила до конца ее дней. В дальнейшем, встретив, как оказалось, предназначенного ей судьбой поэта и драматурга графа Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) и став его женой, чего влюбленным пришлось ждать долгих тринадцать лет (была против мать Толстого, и Миллер не давал развода), она поражала окружающих расточительностью своей благотворительности и жертвенности (иногда опасной для ее собственной жизни и благополучия), которая распространялась и на крестьян, и на литераторов, и на всех, кому необходима была помощь. Софья Андреевна оставалась вдохновительницей творчества А. К. Толстого и лучшим его другом до самой смерти поэта.

Влияние на близкий круг Лермонтова оказала не только романтическая ипостась его творчества, но и судьба. Как отметил Н. Н. Пайков, Лермонтов всерьез принял на себя все правила романтической «игры». Более того, стал ее эталоном в России [Пайков, 2008, с. 6]. Современники поэта такого воплощения не поняли (осознание произошло уже в более поздние времена), но кое-кто интуитивно почувствовал и, рванувшись следом, тоже стал «играть» всерьез. Яркий пример тому – история секунданта последней лермонтовской дуэли князя Сергея Васильевича Трубецкого (1815–1859), ставшего в 1839 году, после женитьбы А. Г. Столыпина (двоюродного дяди поэта) на сестре Трубецкого Марии Васильевне, родственником Лермонтова.

Относясь к родовитой (Гедиминовичи) и богатой семье князей Трубецких, офицер лейб-гвардии Кавалергардского полка Сергей Трубецкой прославился в среде «золотой молодежи» того времени своими не всегда невинными «шалостями», за которые последовала высылка на Кавказ. Дочь дипломата графиня А. Д. Блудова писала в своих мемуарах: «Он был из тех остроумных, веселых и добрых малых, которые весь свой век остаются Мишей, или Сашей, или Колей. Он и остался Сережей до конца... В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен... Он был сорви-голова, ему было море по колено» [Афанасьев, 1982, с. 165]. Женой Трубецкого, по личному сватовству императора, принудительно стала фрейлина Екатерина Петровна Мусина-Пушкина, ожидавшая ребенка. Сразу после рождения дочери Софии, летом 1838 года, молодые разъехались: она с дочерью – за границу, он – был направлен в 1839 году в район боевых действий. На Кавказе «Трубецкой вместе с Лермонтовым участвовал в экспедиции генерала Галафеева в 1840 году. Он и его товарищ Д. П. Фредерикс в сражении при Вале-

рике „первые бросились вперед, одушевляя окружающих солдат примером неустрашимости”. При этом Трубецкой на глазах Лермонтова был ранен в шею пулей. Лермонтов, когда он был в 1841 году проездом в Москве, рассказывал о ранении Трубецкого Ю. Ф. Самарину. „Его голос дрожал, он готов был прослезиться”, – писал Самарин» [Афанасьев, 1982, с. 166]. Имена и Лермонтова, и Трубецкого были вычеркнуты царем из наградных списков.

Во время дуэли Лермонтова с Мартыновым Трубецкой находился в Пятигорске без разрешения начальства, и, так как Николай I был особо суров к нему, не простив отлучку на месте службы даже по поводу смерти и похорон отца, то присутствие Сергея на этой дуэли в качестве секунданта ее участники скрыли. Равно как и секундантство А. А. Столыпина (Монго) (1815-1868), потому что последний уже пострадал за участие в дуэли Лермонтова с Барантом.

Гибель Лермонтова потрясла повесу Трубецкого, и он в самом себе неожиданно открыл неведомые прежде родники глубоких чувств, проявившиеся в формах русского романтизма, о которых шла речь выше. В 1843 году он вышел в отставку (по болезни, из-за последствий ранения) в чине штабс-капитана, а в 1851-м увез от деспота-мужа попросившую его об этом молодую женщину, Лавинию Александровну Жадимировскую, урожденную Бровуар. Несколько ранее Лавиния на балу в царском дворце обратила на себя внимание Николая I, но ответила на «царскую милость» категорическим отказом. Потому, узнав о побеге, уязвленный император поднял на ноги всю жандармерию, и беглецы были схвачены на Кавказе, недалеко от Тифлиса, доставлены в Санкт-Петербург. Каждый из них при допросах брал вину на себя.

Арестованный Трубецкой полгода провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, был судим военным судом, лишен чинов, дворянства и княжеского достоинства и переведен рядовым в Оренбургские линейные батальоны. В 1854 году он был за отличие произведен в прапорщики и в 1855 году уволен со службы. Получив отставку, Сергей Васильевич поселился, под секретным полицейским надзором, в своем сельце Сапун Муромского уезда. Туда к нему тайно, под видом экономки, приехала по-прежнему любящая его Лавиния, к тому времени разведенная. Трубецкой умер у нее на руках 19 апреля 1859 года. По словам графини А.Д. Блудовой, он кончил жизнь беспорядочно и погиб из-за ничего [Блудова, 1878]. Но прошло более ста лет, а эта, соединяющая сердца, «лермонтовская», нить русского романтизма осталась жива, чему доказательство – роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов: Из записок отставного поручика Амирана

Амилахвари», написанный в 1971–1977 годах по мотивам этой истории. В нем Жадимировская стала Лавинией Ладимировской, Трубецкой – Сергеем Мятлевым, а сам автор почувствовал себя придуманным другом главного героя поручиком Амилахвари (ведь не зря же беглецы скрывались в Грузии).

«Были дали голубы, / было вымысла в избытке, / и из собственной судьбы / я выдергивал по нитке. / В путь героев снаряжал, / наводил о прошлом справки / и поручиком в отставке / сам себя воображал» [Окуджава, 1984, с. 221], – делился с читателями Булат Шалвович в стихотворении «Я пишу исторический роман». Оказывается, даже в бесчеловечно жестоком XX веке кому-то необходимо по-русски адекватно выразить когда-то открытое Лермонтовым. Чтобы сохранить живую душу.

По прихоти судьбы – разносчицы даров –
в прекрасный день мне откровенья были.
Я написал роман «Прогулки фрайеров»,
и фрайера меня благодарили.

Они сидят в кружок, как пред огнем святым,
забытое людьми и богом племя,
каких-то горьких дум их овекает дым,
и приговор нашептывает время.

Они сидят в кружок под низким потолком.
Освистаны их речи и манеры.
Но вечные стихи затвержены тайком,
и сундучок сколочен из фанеры.

<...>

Пока не замело следы их на крыльце
и ложь не посмеялась над судьбою,
я написал роман о них, но в их лице
о нас: ведь все, мой друг, о нас с тобою.

[Окуджава, 1984, с. 253. Из стихотворения
«По прихоти судьбы – разносчицы даров...»]

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Афанасьев, В.В. Тропа к Лермонтову [Текст] : документально-художественная книга-справочник жизни и творчества М.Ю. Лермонтова / В.В. Афанасьев, П.К. Боголепов; под общ. ред. В.И. Коровина. – М. : Детская литература, 1982. – 286 с.: 96 л. ил.
2. Блудова, А.Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой [Текст] / А.Д. Блудова // Русский архив. – 1878. – № 11.

3. Висковатый, П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество [Текст] : в 2 кн. / П.А. Висковатый. – М.: Книга, 1989. – 454, [24] с. – Факс. изд. [Вых. дан. ориг.: М.: Типолитография В.О. Рихтера, 1891] + Прил. – [Кн. 2]: Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество: Приложение к факсимильному изданию / П.А. Висковатый ; [авт. вступ. ст.: В.А. Мануйлов, Л. Н. Назарова; коммент.: В.А. Захаров, Л.Н. Назарова]. – М.: Книга, 1989. – 336 с.
4. Захарова, В.Д. Вслед за Алексеем Константиновичем Толстым. В поисках истины [Текст] / В.Д. Захарова. – 2-е изд., испр. – Брянск: Брянская гос. инженерно-технологическая акад., 2013. – 256 с.: ил.
5. Колосова, Н.П. А.К. Толстой [Текст] / Наталья Колосова. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 79 с. – (Б-ка журнала «Молодая гвардия»).
6. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / М.Ю. Лермонтов ; гл. ред. В. В. Милуков. – М. : Воскресенье, 2002.
7. Лермонтовская энциклопедия [Текст] / гл. ред. В.А. Мануйлов. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.: ил.
8. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Юрий Михайлович Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 544 с. – (Культурный код).
9. Мануйлов, В.А. Иванова Наталья Федоровна [Текст] / В.А. Мануйлов // Лермонтовская энциклопедия [Текст] / гл. ред. В.А. Мануйлов. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – С. 180-181.
10. Окуджава, Б. Стихотворения [Текст] / Булат Окуджава. – М. : Советский писатель, 1984. – 272 с.: ил.
11. Окуджава, Б.Ш. Путешествие дилетантов : из записок отставного поручика Амира́на Амилахвари [Текст] : роман : [в 2 кн.] / Б.Ш. Окуджава. – М. : Современник, 1990. – 496 с.
12. Пайков, Н. Аспекты романтического мифа в творчестве М.Ю. Лермонтова [Текст] / Николай Пайков // Волшебным словом пробужденный : материалы седьмых Лермонтовских чтений, 15-16 октября 2007 / Упр. культуры мэрии г. Ярославля, МУК «ЦБС г. Ярославля», Центральная б-ка им. М.Ю. Лермонтова. – Ярославль: [б. и.], 2008. – С. 5-8.
12. «...Я вышел в поле без кольчуги...» (к 200-летию со дня рождения А.К. Толстого) [Текст] : литературно-музыкальный вечер / авт.-сост. С.Н. Левагина ; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова ; ГУК ЯО «Обл. юношеская б-ка им. А.А. Суркова». – Ярославль, 2016. – 60 с. – (В творческую копилку библиотекаря).

ЯРОСЛАВЛЬ – ПЯТИГОРСК: ВИРАЖИ ИСТОРИИ.

**Спутник А. С. Пушкина,
подаривший литературе историю своей любви,
в лермонтовском Пятигорске.
Иван Васильевич Сабанеев (1772–1829)**

Остается загадкой, как имя этого человека не попало в отечественные учебники истории наряду с такими знаменитыми полководцами как Кутузов, Барклай де Толли, Витгенштейн и Багратион. Ведь его жизнь была удивительна! А то, как переплелись имена, события, люди, история строений и целебных ключей под небом Пятигорска, – просто поразительно.

В 2017 году следует вспомнить сразу о двух юбилейных датах, связанных с именем прославленного генерала, героя Отечественной войны 1812 года – И. В. Сабанеева: 245-летию со дня его рождения³ и 190-летию со дня открытия Сабанеевских (позднее Пушкинских) ванн в Пятигорске.

И. В. Сабанеев появился на свет в 1772 году в родовой усадьбе Аннинское Ярославской области (ныне слившейся с деревней Выползово близ Тутаева – бывшего Романова). Он принадлежал к старинному ярославскому дворянскому роду. Его предок мурза Сабан Алей в XV веке пришел из Золотой Орды к великому князю Василию Темному, однако креститься не пожелал, и еще несколько поколений этого рода упорно придерживались мусульманства. Лишь при царе Алексее Михайловиче прапрадед генерала принял православие и сделался ярославским дворянином.

Родовая усадьба Сабанеевых, Анненское, находилась недалеко от Романово-Борисоглебска, здесь и прошло детство Ивана Васильевича.

Окончив в 19 лет философский факультет Московского университета, И. В. Сабанеев решил посвятить себя военному поприщу. И хотя он с 15 лет был записан в лейб-гвардии Преображенский полк, службе в столице И. В. Сабанеев предпочел действующую ар-

³ В некоторых источниках упоминается другой год рождения И. В. Сабанеева: 1770 без указания числа и месяца. В данной статье мы ссылаемся на сведения из Биографического словаря «Отечественная война 1812 года». М., 2011. – 360 с.; а также на издания: Соболева И. Победитель Наполеона. Отечественная война 1812 г. М., 2012. – 560 с.; Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Спутники Пушкина. М. 2012. – 1760 с.; Сб. ИРИО. Т. 78. С. 52, а также на материалы Алфавитного списка захоронений Первого христианского кладбища в Одессе: Часть четвертая, электронный ресурс necropolural.narod.ru/index/0-386.

мию, чтобы проверить себя и делом доказать с детства привитые представления о достоинстве – «Честь превыше всего!».

Россия вела в это время войну с Турцией. Вступив в 1791 году капитаном в Малороссийский гренадерский полк, он успел принять участие в последнем крупном сражении той кампании при Мачине. Затем он был отправлен на западную границу, где в 1794 году под командованием А. В. Суворова отличился при штурме Варшавы, и позднее совершил вместе с этим легендарным полководцем знаменитый переход через Альпы во время швейцарского похода. В одной из схваток И. В. Сабанеев был ранен в грудь, и поскольку он был не в состоянии следовать за армией, А. В. Суворов оставил его в одном из селений вместе с письмом к противнику, генералу Андре Массена, которого просил обойтись с пленным по правилам чести.

Проведя больше года в плену, И. В. Сабанеев проявил пристальный интерес к французскому военному и гражданскому устройству. А вернувшись в Россию в конце 1800 года, он подал составленный им «Проект стрелкового учения» для представления государю, и тот одобрил «наблюдения русским офицером тайн военного искусства страны, с которой России предстояла борьба». Царь предписывает Сабанееву отправиться на службу к Югу, на Кубань. Однако совету врачей в 1805 году И. В. Сабанеев вышел в отставку в звании полковника и уехал в свое имение Анненское. Ему в это время едва перевалило за тридцать, но он полагал, что его военная карьера закончена. И. В. Сабанеева ждала обычная помещичья жизнь в Ярославской губернии. Однако он не засиделся в родовом имении. К русским границам приближался Наполеон. Было объявлено ополчение. В Ярославской губернии его начал собирать полковник Сабанеев. Он был из той когорты, которая в начале наполеоновских войн имела старший офицерский чин, а к 1812 году вышла в генералы. Когда началась новая война с Наполеоном в 1807 году и возникла необходимость в боевых офицерах, И. В. Сабанеев вернулся на службу, приняв в Восточной Пруссии командование 3-м егерским полком. В битве при Фридланде он повел своих егерей в атаку и получил штыковую рану в лицо. За это сражение он был награжден золотым оружием.

Участвуя в многочисленных военных кампаниях, И. В. Сабанеев к 1810 году дослужился до генерал-майора и был назначен вторым полномочным представителем на Бухарестском конгрессе при заключении мирного договора с Турцией.

В Отечественную войну 1812 года И. В. Сабанеев вступил осенью после соединения войск Молдавской и 3-й Западной армией. Служил начальником штаба у адмирала П. В. Чичагова, вместе с которым в ноябре оказался при Березине, чтобы отрезать Напо-

леону пути отступления. Несмотря на большие потери Наполеон, находившийся, казалось бы, в безвыходной ситуации, вырвался из ловушки и, бросив множество раненых, продолжил движение на запад. Вина за упущенный шанс захватить в плен французского императора была возложена на адмирала П. В. Чичагова.

По свидетельству очевидцев накануне операции при разработке общего плана начальник штаба генерал-майор И.В. Сабанеев настойчиво уговаривал П. В. Чичагова не торопиться с намерением оставить Борисов и повременить с выступлением хотя бы сутки, чтобы уяснить стратегию противника. Генерала поддерживали и другие участники совещания, однако их мнение не было учтено. Возможно, в этот момент и решалась судьба Европы.

Лорд Тэрконнель, бывший при русской армии, писал: «Генерал Сабанеев один из отличнейших генералов армии. Если бы последовали его советам, то Наполеон не ушел бы». Адмирал П. В. Чичагов сделался объектом критики и попал даже в басню И. А. Крылова «Щука и кот», а вот авторитет И.В. Сабанеева, наоборот, вырос.

Сабанеев участвовал практически во всех крупных сражениях 1813–1814 годов, не раз лично руководя боем. Он получил орден Александра Невского и алмазные знаки на него, Владимира 1-й степени, 30 тысяч рублей за взятие Парижа.... Через несколько лет его портрет появился в знаменитой галерее 1812 года в Зимнем дворце.

Генерал-майор И. В. Сабанеев, будучи начальником дивизии, участвовал в блокаде Меца и усмирении партизан в Вогезских горах, а затем служил в русском оккупационном корпусе, с которым возвратился в Россию в 1815 году. Вернувшись на родину, Сабанеев оказался в Одессе. В этом городе он проживал постоянно с 1816 года, в собственном доме № 10 по улице Надеждинская (сейчас – ул. Гоголя). Здесь он должен был руководить войсковыми соединениями на юге страны. В это время он получил звание генерала от инфантерии, но еще раньше – женился. Причем история его любви вылилась в знаменитую пушкинскую повесть «Метель»!

Однажды Сабанеев влюбился во француженку, но все-таки ему было суждено обзавестись подругой жизни именно в родном отечестве. Он женился, «отбив» будущую супругу у «лекаря корпусного госпиталя» Шиповского. В его поступке был и деспотизм, и страсть, и беззаконие, и своеобразная демократическая смелость.

Все современники отмечали и неподдельную любовь генерала к супруге, Пульхерии Яковлевне, и атмосферу счастья, царившую в его доме. Надо сказать, что доблестный уроженец Ярославской области женился весьма оригинально. Об этом он рассказал в свое время великому Пушкину. 17 января 1824 года Пушкин посетил Тирасполь и был приглашен Сабанеевым на ужин. Пушкин «был ве-

сел, разговорчив, даже до болтовни, и очень понравился Пульхерии Яковлевне». Но, по-видимому, из осторожности, не доверяя Ивану Васильевичу, Пушкин отказался тогда от разрешенного ему свидания с арестованным В. Ф. Раевским.

В начале февраля 1824 года Пушкин был с И. В. Сабанеевым на маскараде у Воронцовых в Одессе. По преданию, именно там поэт узнал историю брака Сабанеева, которую положил в основу повести «Метель». Сабанеев разговорился и рассказал поэту одну невероятную историю из своей жизни. Будто бы много лет назад увидел он, проходя через молдавское село, свадебную процессию с красавицей невестой, ожидавшую жениха у церкви. Недолго думая, наш браваый офицер окружил площадь солдатами и сам занял вакантное место, тем более что щедро одаренные родственники и священник особо не сопротивлялись. И каково же было его изумление, когда потом он обнаружил в жене некоего доктора Шиповского свою тогдашнюю невесту! Генерал отобрал ее у доктора вместе с детьми. Таким образом, И. В. Сабанеев в какой-то мере стал прототипом полковника Бурмина.

Здоровье генерала со временем ухудшалось. Возможно, своим прозвищем Лимон он был обязан не столько раздражительному характеру, сколько болезни печени, вызвавшей желтый цвет лица. После четырех тяжелых ранений Сабанеев нуждался в лечении и по совету врачей отправился на юг, к пятигорским ключам, где поспешил внести вклад в благоустройство молодого курорта.

В 1825 году Сабанеев одним из первых испытал на себе действие горячих источников в Пятигорске, впоследствии названных Сабанеевскими ваннами (символично, что в XX веке их переименовуют в Пушкинские). Скажем несколько слов о Сабанеевских ваннах. В начале 1824 года главный врач КМВ Ф. П. Конради обнаружил новый горячий источник на южном склоне Машука (позади нынешних Пироговских ванн, на юго-востоке). В 1825 году строительная комиссия оборудовала источник просторной каменной ванной, колодцем и бассейном для охлаждения воды. По совету доктора Конради тем же летом в Пятигорск приехал к тому времени уже знаменитый генерал Иван Васильевич Сабанеев. Участник суворовских походов и герой Отечественной войны 1812 года, приехавший на Воды с семьей, поставил над источником собственную кибитку с деревянной ванной и начал лечение. После этого источник в верхней части Горячей горы получил название Сабанеевского. Сабанеевы принимали ванны только утром, а в остальное время ваннами пользовались все желающие. Уезжая, генерал подарил кибитку с ванной администрации Вод. В 1827 году (ровно 190 лет назад) вместо кибитки зодчими Бернардацци был построен дощатый барак с 4 ваннами, которые

получили в память о первых пользователях название Сабанеевских. Вскоре Джузеппе Бернардацци составил проект на каменное здание этих ванн, но он не был осуществлен. В 1832 году генеральша Равевская построила за свой счет дощатый домик с отдельной ванной рядом с Сабанеевскими. В.Г. Белинский, принявший 50 сабанеевских ванн, явно проникся верой в их целительный эффект. «В самом деле, – писал он из Пятигорска в 1837 году, – судя по началу, я надеюсь воскреснуть от серной воды».

Интересно, что Сабанеевские ванны посещал М. Ю. Лермонтов. Сведения о лечении поэта серными ваннами в 1841 году можно было почерпнуть в архиве бывшего управления Кавказскими Минеральными Водами. Выписки из «Книги дирекции КМВ на записку прихода и расхода купленных билетов и вырученных с гг. посетителей денег за ванны на горячесерных водах в Пятигорске на 1841 год» были в свое время сделаны С. И. Недумовым. Первая выдача Лермонтову билетов в количестве шести в Сабанеевские ванны была произведена 26 мая по старому стилю, почти через две недели после его приезда в Пятигорск.

В 1851 году был сооружен большой деревянный барак, который заключал в себе шесть ваннных кабинетов с отдельными раздевалками. В 1890 году архитектор А. М. Кочетов произвел капитальную перестройку деревянных Сабанеевских ванн. Через пять лет сделали обширную деревянную пристройку, увеличив число кабин до четырнадцати. Несмотря на непривлекательный вид и продуваемое ветрами место, Сабанеевские ванны усиленно посещались больными, так как они получали воду из самого сильного тогда источника – Александрo-Николаевско-Сабанеевского.

Когда в самом начале XX века в Пятигорске были выстроены два новых ваннных здания, питавшихся минеральной водой того же источника, их назвали Ново-Сабанеевскими. В советское время они стали именоваться Пушкинскими.

Как же сложилась дальнейшая судьба знаменитого генерала? В Одессе он стал одним из первых библиофилов. Имя его звучало громко, но здоровье неуклонно ухудшалось. В 1827 году И. В. Сабанеев вынужден был окончательно уйти в отставку и лечиться за границей, откуда ему уже не суждено было вернуться живым. Тело умершего в Дрездене Сабанеева похоронили в Одессе на Старом кладбище. Со временем могила прославленного генерала, находившаяся рядом с кладбищенской церковью, исчезла с лица земли. Однако память о нем была жива в городе. В 1831–1836 годах военным инженером Казариновым по проекту инженера Уптона в Одессе был построен трехарочный мост. По предложению графа М. С. Воронцова его назвали в честь известного участника суворо-

ских походов, одного из первых библиофилов Одессы Сабаневым. Сегодня этот второй по старшинству из одесских мостов – самый узнаваемый из всех, благодаря кинематографу. На нем было отснято множество батальных сцен, погонь.

Знатокам пятигорской старины имя Сабанеева также говорит о многом. Глядя на здание нынешних Пушкинских ванн, они непременно вспомнят об одном из первых пользователей горячих источников в Пятигорске, подарившем по преданию великому поэту сюжет его повести «Метель».

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Отечественная война 1812 года [Текст] : биогр. слов / Безотосный В. М. и др. ; редкол.: Алявдин В. И. и др.]. – М. : Росвоенцентр : Кучково поле.– М., 2011. – 360 с.
2. Вересаев, В. В. Пушкин в жизни ; Спутники Пушкина [Текст] / В. В. Вересаев. – М., 2012. – 1760 с.
3. Серова, И.А. Ярославль и ярославцы в эпоху 1812 года [Текст] / И. А. Серова. – Ярославль: Академия 76, 2012. – 128 с., ил.
4. Соболева, И. Победитель Наполеона. Отечественная война 1812 г. [Текст] / И. Соболева. – М., 2012. – 560 с.
5. Недумов, С. И. Лермонтовский Пятигорск [Текст] / С. И. Недумов. – Пятигорск : Издательский дом «Мужской характер», 2014. – 448 с. + 16 с. с ил.

ШТУРМ ВАРШАВЫ⁴

В марте 1928 году Н. И. Лагозидзе, тогдашний директор музея «Домик Лермонтова», привезла из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда картину Лермонтова «Штурм Варшавы»⁵; она – без даты, без подписи.

В иных обстоятельствах картина, возможно, не вызвала бы жгучего интереса, не будоражила бы нашего воображения, если бы за ней не стояла личность, деяния, жизнь великого человека. Но это живопись поэта.

Акт, по которому передавалась картина был, по меньшей мере, странным: в нем спутанными предстали все события – в «документе» она называлась: «Батальный сюжет. Бородинская битва: смерть полковника Слепцова»⁶.

В действительности, на полотне изображалась схватка кавалерийских частей лейб-гвардии гусарского полка и польских уланов под Варшавой 2 августа 1831 году. Сюжет картины не вымыслен поэтом, а взят из истории родного полка.

Гусары, посланные царским правительством на подавление восставших поляков, одеты в красные доломаны и синие брюки; на чепраках их лошадей – вензель «Ник. I». Польские уланы – в голубых мундирах. На переднем плане картины, около рва – убитые лошади, люди, а вдали – скачущие гусары, из которых один раненый откинулся назад.

Сюжет картины соответствует эпизоду, описанному в истории полка К. Манзей: «Поляки искали спасения в самом городе, но и тут не могли укрыться от преследовавших гусар.

Храбрый ротмистр Слепцов, раненый в двенадцати местах и весь облитый кровью, влетел в город по их следам; за ним – 5-й эскадрон, которым он командовал и они рубили бегущих поляков в самых улицах Варшавы».

Долгие годы музей тешил себя мыслью, что владеет оригиналом и выставлал картину в самом видном месте – в кабинете по-

⁴ Статья написана в 2007 году, публикуется впервые.

⁵ Общепринятое название «Атака лейб-гвардии гусар под Варшавой 26 авг. 1831 г.». Институт русской литературы РАН, СПб.

⁶ Слепцов Николай Сергеевич, 1819 г. апреля 13-го, произведен из юнкеров в корнеты Лейб-гвардии Гусарского полка; в чине ротмистра умер от ран, полученных под Варшавой 26 августа 1831 г. Манзей, (1775–1858). Источник: История Лейб-гвардии Его Величества Гусарского полка, СПб, 1859 г., ч. 3, с. 102.

эта. Такое убеждение поддерживалось письмом, полученным от полномочного представителя музея города Ворошиловска директору музея Лагозидзе (15.10.1937). Приведем его полностью:

«О картине «Штурм Варшавы» могу сообщить только то, что у Абрамовича в V томе имеется сообщение, что известны копии с этой картины; место же нахождения подлинника не указано, т.е. я вынесла такое впечатление, что его и нет. Нацу, по старинной манере письма, по степени мастерства... можно заподозрить в подлинности. Такого же мнения и Мануйлов. Что же касается истории приобретения музеем, то «темна вода в облацех».

В тоне письма представительницы сквозила какая-то неуверенность. Она заронила в нас сомнение: точно ли мы обладаем оригиналом? Ведь у Абрамовича ясно сказано, что существует копия. А подлинник? Где он?

Через какое-то время до нас дошла сенсационная новость! Вездесущий Н. П. Пахомов обнаружил в Артиллерийском историческом музее Ленинграда такую же картину, как у нас! Ее в 1951 году передали в Пушкинский Дом.

На изображении картины внизу посередине масляными красками выведено: «М. Ю. Лермонтов. 1837 г.». Найден оригинал! Известие взбудоражило специалистов. Вот тогда-то и вспомнились слова С. А. Раевского (в передаче В. Х. Хохрякова):

«Лермонтов написал масляными красками картину; долго писал ее (хотел изобразить, как Лейб-гусарский полк вскочил в одни ворота Варшавы и выскочил в другие; из молодечества потерял треть людей); поднес к камину сушить; Святослав Афанасьевич (Раевский) не успел предостеречь его, картина потрескалась; Лермонтов» снова принялся за нее ... ».

Свидетельство важное ... Но тут сразу же возникает вопрос: какая из двух картин была обожжена? Как ны пытались мы разглядеть обе картины – и через лупу, и наощупь, и неоднократно в надежде обнаружить хотя бы малейшие следы ожога... все попытки оказывались безуспешными...

Некоторые из наших коллег скептически воспринимали и слова Раевского и, тем более, наши попытки добраться до истины.

Наконец, мы решили: в августе 1976 года повезли свое полотно в Ленинград. Там, в лаборатории Эрмитажа, 5 августа картины встретились! Поразительные вещи вскрыл рентген! Не на нашей картине, как предполагалось вначале, а на картине из ИРЛИ оказались красноречивые следы ожога... «Эврика!» – вскричали реставраторы, найдена картина Лермонтова, которая действительно пострадала от огня»: под люминесцентной лампой, под влиянием ультрафиолетовых лучей открылось поле, испещренное трещина-

ми, со следами вспучивания живописи и осыпей красочного слоя от чего-то горячего! Но чудо-рентген на наших глазах обнажил еще одно, поразительное для нас явление: живопись была переведена со старого холста на новый грунтованный холст, но как! Неизвестный мастер-реставратор зачистил картину до самого красочного слоя и все изыятия тонко заделал... Не мудрено, что мы своим невооруженным глазом ничего не могли обнаружить.

Казалось бы, что все определилось, круг замкнулся и можно успокоиться. Но нет! Когда улеглись первые волнения, посыпались вопросы: кем и когда была написана Пятигорская картина? Авторский ли это вариант? Заметил же Раевский: «Лермонтов снова принялся за нее!» Тем более, что никто не отрицает, что и наше полотно написано в старинной манере, а рентген показал неплохое мастерство художника, легко и ловко положившего мазки... Но реставратор О. И. Панфилова заверила, что рука Лермонтова не касалась нашей картины, что она является более поздней копией: ибо холст на нашей картине – фабричный и дублировать его было бы невозможно, не повредив живописи.

Экспертиза обеих картин показала преимущество живописи, хранящейся в ИРЛИ, она выгодно отличается от пятигорской и живостью рисунка, и экспрессией, и темпераментом, и мастерством, и цветовым решением. Такова истина, которой мы много лет добивались.

Всё так. Но вопросы не отступали. Если наша картина написана не Лермонтовым, то кем? Кому понадобилась в то далекое время копия? Как понять слова Раевского – «Лермонтов снова принялся за нее»? Какая из двух картин в 1880 году висела в кабинете начальника военного округа, как об этом вспоминает родственник поэта А. Лермонтов в письме к А. А. Бильдерлингу от 04.11.1889 года? Когда и кем так виртуозно отреставрирован оригинал? Когда и от кого он поступил в Артиллерийский музей? Нелепо же ожидать ответа на множество вопросов от рентгена. Он сделал свое: показал оригинал, подтвердил правоту сказанного Раевским, а остальное решать нам.

Вот так-то. История одной лишь вещи, поиск ответов на таящиеся в ней загадки, растянулся на годы. Но когда этот поиск завершится, в экспозиции появится лаконичная этикетка с указанием названия вещи, ее автора, даты создания, иными словами – «мини-атюрная монография», как метко выразился А. З. Крейн. Дату же «Штурма Варшавы» уточнил Пахомов. Картина написана в январе 1837 года, т. е. в феврале Лермонтов был уже арестован за стихотворение «Смерть поэта».

Возникает еще один вопрос: что побудило Лермонтова обратиться к довольно щекотливой теме спустя пять лет после восстания

поляков? Можно предположить, что Лермонтова, талантливого баталиста, могло увлечь желание изобразить горячую схватку схлестнувшихся полков...

Но вполне возможно и другое предположение: поэт принял предложение полка написать картину на сюжет из его истории ... Вероятно, так оно и было. Ведь откликнулся же он стихами на революционные движения 1830-х годов в Европе. С таким же успехом Лермонтов мог выразить свое отношение к кровавым польским событиям, в живописи показав страшную жестокость исполнителей воли Николая I, предвосхитив будущее своего печального «Зачем?». Трудно сказать... Еще труднее понять, что скрывалось в «тайниках этой великой души...».

Раздумья и поиски, надежды и сомнения, догадки и находки – они неизбежны для ищущего... Без них немыслима наука.

Будем же надеяться, что давно остались позади обывательские суждения, будто музей – это тихая пристань, что его служители спокойно бродят в тиши пустынных залов или перебирают в своих кабинетах пыльные и ветхие бумаги. Конечно же, нет! Богатейшие государственные фондохранилища – это пульс, дыхание любого музея страны. Сегодня он стоит на вахте исторической памяти, он – на переднем крае культуры.

ВОТ И КРЕСТОВАЯ!⁷

Время быстротечно... Казалось бы совсем недавно все были изволнованы событием в культурной жизни страны: вместе с другими шедеврами вернулась на Родину никому еще неизвестная (четырнадцатая) картина Лермонтова «Вид Крестовой горы»⁸ – лучшая из всех его живописных созданий.

Однако, после тех знаменательных дней прошло более 35 лет. Тогда, еще в 1970 году, доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн в серии своих знаменитых «Парижских находок» обстоятельно и увлеченно рассказал о том, ценой каких усилий и знаний была блестяще завершена история возвращения на Родину картины, овеянной гениальностью поэта [1] .

Длинным и запутанным оказался путь возвращения картины в страну, где она родилась. Вспомним, что Лермонтов подарил ее своему другу, писателю В. Ф. Одоевскому; от него (уже в его пожилые годы) «Крестовая...» перешла к дочери племянницы А. С. Перфильевой – Варваре Степановне; она уступила картину П. А. Висковатову, а он – своей дочери, жившей в Финляндии; там картина попала к некоему Башилову, а у него, уже в конце 1966 года, в Хельсинки «Крестовую...» купил С. М. Лифарь. Картина стала счастливейшей находкой коллекционера.

Выдающийся танцовщик, постановщик и художественный руководитель труппы Grand Opera в Париже, Лифарь – русский эмигрант с 1929 года. Он беззаветно любил Россию, самозабвенно пропагандировал русскую культуру за рубежом, неоднократно дарил России реликвии из своих сокровищ, гордился родиной и почитал за счастье быть русским.

И вот, в январе 1968-го, в торжественной обстановке, за гостеприимство, оказанное ему на его Родине, Лифарь подарил картину Лермонтова «Вид Крестовой горы» Главному архивному управления при Совете Министров СССР, а содействие его начальника Г. А. Белова способствовало вручению картины музею «Домик Лермонтова». Теперь ею любуются миллионы почитателей нашего поэта.

Немногим довелось держать картину в руках, восхищаться ее великолепием. Но при этом никто не заметил, что изображенный на картине пейзаж не совпадает с натурой; несмотря на то, что контуры гор на картине узнаются, что она оставляет впечатление правиль-

⁷ Статья написана в 2007 году, публикуется впервые.

⁸ Общепринятое название картины «Вид Крестовой горы из ущелья Коби». 1837.

ности воспроизведенного вида; все же такого места на Военно-грузинской дороге не найти. Парадокс? Ничуть. Обратимся к статье «Тайна Лермонтовской картины» А. Д. Семченко[2].

Отлично зная Военно-грузинскую дорогу, внимательно рассматривая картину, он вдруг понял причину такого несоответствия; на картине – «зеркальное отражение совершенно реального места в районе Крестового перевала!». Убедившись в правильности своей догадки, Семченко предположил, что Лермонтов в процессе возможного перевода изображения на литографский камень, мог перевернуть пейзаж и уже позже написать картину в перевернутом виде. Это лишь гипотеза довольно близкая к истине (вспомним, кстати, историю создания картины поэта «Башня в Сиони», 1837–1838 годы, она была воспроизведена Лермонтовым с автолитографии «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби», но в перевернутом виде).

Счастливая догадка осенила Семченко только потому, что он исходил Военно-грузинскую дорогу пешком, ездил по ней на велосипеде, знал, как свои пять пальцев все ее холмы, силуэты гор, скал, изгибы рек и речушек, всматривался в дорогу не в ветровое стекло автомобиля, а мерил ее километры собственными ногами.

Еще в 1958 году, вместе с другом – художником В. К. Куинджи он объехал всю страну по лермонтовским местам, делая везде фотоснимки. В 1962 году все отснятое друзья привезли в Орджоникидзе на конференцию и развернули там изумительную выставку.

Сколько энтузиазма, вкуса, профессионализма они вложили в нее, сколько новых отысканных и малоизвестных лермонтовских уголков предстали перед зрителями... Поднимались друзья и на Крестовую гору ...

Только благодаря точному знанию Военно-грузинской Семченко смог заметить досадную ошибку Зильберштейна, утверждавшего: *«... в новонайденной картине Лермонтов изобразил не только то, что увидел, но кое-что дополнил своей могучей фантазией. Слова Одоевского, написанные на обороте картины «Представляет Крестовую гору» не совсем точны: в действительности на переднем плане Койшаурская долина и начало подъема, по которому можно достигнуть Крестовой, совершив длинный путь через станцию Койшаури, Гуд-гору в Чертову долину, о которой идет речь при описании путешествия в «Бэле».*

Согласиться с Зильберштейном, его толкованием изображенного на картине нельзя. Трудно представить, чтобы Лермонтов сперва нарисовал Койшаурский подъем, долину, а потом, пройдя 15 км, пририсовал Крестовую. Опровергая доводы ученого, автор статьи «Тайна Лермонтовской картины» противопоставил свои веские со-

ображения: «с места указанного исследователем Крестовая вообще не видна, т.к. закрывается самим подъемом и возвышающейся Гуд-горой ...»

Совершенно очевидно, что Лермонтов ничего не нафантазировал, а передал то, что открылось его взору: прямо перед ним сияла Крестовая, *«справа поднималась каменная грудь Гуд-горы, ... слева зияет ущелье Арагвы и поднимается скала горы Хорисар; на горизонте сверкает в лучах утреннего солнца белоснежный пик горы Хриса; первый план занимает Чортова долина»*.

Здесь отметим, что в отличие от природы, Лермонтов, восхищенный открывшейся ему неповторимой панорамой и, желая охватить ее всю, по выражению Семченко, «сжал» пейзаж по горизонтали.

В естественном развороте картина впервые появилась опубликованной в альбоме «Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки» 1980 года издания [3]. Думается, что это случайность, иначе должны были быть сделаны объяснения изначально перевернутого на картине изображения.

Но, кроме отмеченной уже ошибки Зильберштейна, поразительным показалось и заявление знатока Военно-грузинской дороги И. Л. Андроникова. Несмотря на то, что у Лермонтова и на картине показаны две сливающиеся реки и в повести «Бэла», перекликаясь с живописью, описано то же самое. Перед нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой как двумя серебряными нитями»... Невзирая на это Ираклий Луарсабович возражает: *«... никакие реки на Крестовой не сливаются и сливаться не могут, как это происходит на переднем плане картины. Ведь Главный Кавказский хребет, на котором лежит Крестовый перевал, служит для рек водоразделом»*.

Такое ошибочное заявление Андроникова разделил и Зильберштейн. Однако, ряд документированных фактов, подтверждающих наличие рек на Крестовой, полностью снимают утверждение Андроникова. Вот они:

1. Дневниковая запись А. Д. Семченко от 21.04.1958 года: *«Время 10-50. Мы на перевале. Слева широким потоком течет ручей; но тихо-тихо; здесь почти нет уклона. Воздух – чудо. И ... тишина. Время – 11-40. Начинаем спускаться в густом тумане. Справа обрыв и молочная мгла и где-то в глубине шум потока Гудаури»*.

2. Дневниковая запись Е. П. Вельдеревского – современника Лермонтова: *«Крестовая, а за нею Гуд-гора; здесь кажется запасной резервуар для ближайших рек: так много здесь больших и малых потоков, шумящих около дороги или пересекающих ее. У подножия Крестовой горы замечательный поток или, вернее, тончайший слой воды, покрывающей собой отлогий скат»*.

3. В путеводителе по Военно-грузинской дороге за 19101 год: *«На его плане отмечены два потока у Крестовой горы пересекающих пологую Чертовую долину и устремляющихся вниз к Белой Арагве».*

По тропе, вырубленной в скалах, Лермонтов поднимался на Гуд-гору, а позднее, спустившись с нее, запечатлел на картине неповторимый вид открывшийся со скалы его взору; живописный пейзаж поэта настолько близко перекликается с описанием его в повести «Бэла», что он воспринимается как иллюстрация к нему. Подобное взаимопроникновение обоих искусств типично для Лермонтова; его поэтические и живописные образы нерасчленимо связаны друг с другом; тесно переплетаясь, они дополняют друг друга; в поэте жил художник, в художнике – поэт.

Чтобы убедиться в этом, сопоставим пейзаж картины с описанием в «Бэле»: *«Все снега горели румяным блеском ... Солнце чуть показалось из-за темной горы... «Вот и Крестовая!» – сказал штабс-капитан, когда мы подъехали в Чертову долину... Дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега... Налево зияла расселина, где катился поток...».*

Такой ослепительный снежный покров в горах Лермонтов мог застать только глубокой осенью 1937 года, когда он возвращался из Тифлиса во Владикавказ. В ту пору знакомый поэт В. В. Боборыкин застал его в заезжем доме веселым, возбужденным; он и неизвестный француз рисовали и «во все горло» распевали французскую песню. Обменявшись с ними несколькими фразами, Боборыкин узнал, что в проезде через Дарьяльское ущелье француз, «на ходу вылезши из перекладной телеги», делал *scopis* с окрестных гор».

Вероятно, к этому же времени относятся два рисунка поэта: «Дарьяльское ущелье с арбой» и «Дарьяльское ущелье с замком Тамары». Но этот факт не исключает вероятия другой возможности: только что любовавшийся редкостной панорамой, плененный совершенным созданием природы, поэт, под свежим впечатлением увиденного, мог написать и «Крестовую ...»; при нем был его этюдник с кистями и красками (с ним он не расставался во все время странствования). Потому вполне допустимо предположить, что это мог быть этюд к будущей картине; такое предположение подкрепляется оговоркой Боборыкина. «Француз и Лермонтов даже, кажется, иллюминировали эти очертания». Если же это был не этюд, а карандашный набросок, Лермонтов мог для памяти оставить на его обороте несколько цветных мазков, подобно тому, что сделано им на обороте карандашного рисунка, хранящегося в Пятигорском музее.

Лермонтовскую «Крестовую ...» пытались копировать несколько художников, но она им не задавалась. Почему? Не потому ли, что

они не разгадали секрета мастерства поэта? Ведь картина вся искрита горящими снегами, она пронизана воздухом и светом, будто каждое лучезарное облако подсвечено изнутри, а снежные вершины сияют и переливаются многоцветием белизны.

Обратимся теперь к собственноручной надписи В. Ф. Одоевского на обороте картины. Не заметить ее трудно, т. к. она начертана в самом центре оборота, четко, крупно: *«Эта картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору – место его смерти. Кн. В. Одоевский»*.

Чем объяснить невольную и досадную ошибку в тексте, оставленном Одоевским? Когда возникла надпись? Похоже, что уже в пожилом возрасте Владимира Федоровича, когда он вручал картину дочери племянницы – Варваре Степановне. Только изменившей, по прошествии долгих лет, памятью можно объяснить указание Одоевским Крестовой горы как места гибели поэта.

Вторая ошибка всплыла после обнаружения другой никем не замеченной прежде короткой надписи, сделанной кем-то в левом нижнем углу оборота картины «Вид Крестовой горы»: *«Подарено В. Ф. Одоевскому 30-го апреля 1840 года»*.

Чья это рука? Не Лермонтова ли? Кто кроме него мог знать точную дату дарения, быть в курсе событий и тяжелого душевного напряжения поэта? Кто в последние дни прощания с друзьями, перед предстоящей дорогой в ссылку мог оставить эту строку? Разрешить возникшую загадку поможет только экспертиза, установив по почерку лицо, не расписавшееся под своей записью.

Итак, две подписи. Одна из них – Одоевского, явившаяся источником ошибочной версии, будто бы «Крестовая гора» была подарена Владимиру Федоровичу в тот же день – 13-го апреля 1841 года; тогда Одоевский поднес свою любимую записную книжку Лермонтову, томимому дурным предчувствием перед последней ссылкой на Кавказ. Записная книжка с автографом дарителя и собственноручной датой: *«1841 г. апрель 13-е»*, хранится в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

На самом деле, как мы уже знаем, все обстояло иначе. Во-первых, никакого «обмена подарками» в день 13 апреля 1841 года, как считалось до настоящего времени, не было.

Во-вторых, обнаруженный второй текст на обороте картины в его левом нижнем углу, свидетельствует о том, что 30 апреля 1840 года Лермонтов одарил супругов Одоевских двумя подношениями: Владимира Федоровича – картиной «Вид Крестовой горы», а Ольгу Степановну – своим романом с шутливой надписью, продолжающей заголовок: *«Герой нашего времени упадет к ногам ее прелестного*

сиятельства, умоляя позволить ему не обедать» – вот так, просто и естественно, поэт избежал неловкости и в свой прощальный день никого не обошел вниманием. Оно оказалось тем искреннее и душевнее, что оба презента – любимые детища дарителя. Дата поднесения книги Ольге Степановне подтверждается извещением в «Литературной газете» о выходе «Героя нашего времени» 27 апреля 1840 года и публикацией автографа на книге поэта в Литературном наследии [4]. Сама книга с его автографом хранится в библиотеке Пушкинского дома, а дата вручения картины – написана на ее обороте.

Прощание поэта, 30-го апреля 1840 года с Одоевским не было формальной данью этикета; их радушие и чуткость отозвались в его душе ответным, горячим и живым чувством благодарности, он хорошо помнил день 5 августа 1839 года, когда, не застав поэта дома, Владимир Федорович оставил записку:

«Ты узнаешь, кто привез тебе вещи: одно – прекрасное и редкое издание, мое любимое – читай Его. О другом, напиши, что почувствуешь прочитавши. Может быть сегодня еще раз заеду. Одоевский. Жена была со мною и кланяется тебе; жалела, что не застала».

Лермонтов тронут был визитом, подношениями и запиской; берег все, как позже берег и записную книжку..., до последнего..., пока был жив...

Подытожим наши рассуждения.

1. Картина «Вид Крестовой горы» и роман «Герой нашего времени» были вручены Одоевским при прощании с ними в знак дружбы, как прощальный подарок 30 апреля 1840 года перед трудной и длительной дорогой на Кавказ в ссылку.

2. Фраза, обнаруженная на обороте картины: «Подарена Одоевскому 30 апреля 1840 г.» позволяет внести поправки и дополнения в летопись жизни и творчества Лермонтова – а именно:

а) позволяет уточнить дату вручения романа «Герой нашего времени» Ольге Степановне вместо приблизительной – «Конец апреля – начало мая 1840 г.» на точную дату: «30 апреля 1840 г. »;

б) позволяет пересмотреть ошибочно вошедший в научный оборот факт даты вручения «Вид Крестовой горы» с даты 13-го апреля 1841 года на точную дату, обозначенную на самой картине – 30-го апреля 1840 года.

Не прошло и трех дней после визита поэта к Одоевским, как 3 мая 1840 года у Карамзиных провожали собравшиеся «непритворно любящие» поэта, чтобы сказать ему добрые слова перед опасной дорогой ... Растроганный поэт со слезами на глазах прочел им только что написанные, знаменитые теперь, «Тучки небесные...» и уже к ночи 3 мая, прямо с Карамзинского порога коляска увозила поэта в ссылку...

Таковы наши восприятия фактов и предположения, относящиеся к картине «Вид Крестовой горы». Но проблемы этим не исчерпаны, как не исчерпаны они во всем живописном и поэтическом наследии Лермонтова. И решать их грядущему поколению...

Жизнь продолжается...

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Зильберштейн, И. С. Парижские находки. Лермонтов и кавалергарды [Текст] /И. С. Зильберштейн // Огонек. – 1967. – № 12.
2. Семченко, А. Д. Тайна лермонтовской картины [Текст] / А. Д. Семченко // Знамя коммуны [Новочеркасск]. – 1977. – 26–29 янв.
3. Лермонтов [Текст] : картины, акварели, рисунки / сост. и каталог Ковалевской Е.И.; пояснения в альбоме И.А. Желваковой; вступительная статья И.Л. Андроникова. - М. : Изобразительное искусство, 1980. – С. 203.
4. Лермонтов [Текст] : [статьи и материалы]. - Москва : Акад. наук СССР, 1941-1948. - 26 см. - (Литературное наследство / Акад. наук СССР. Ин-т литературы (Пушкинский дом) ; Т. 43 : Т. 1. - 1941). - С. 679.

ДОМ У КРАСНЫХ ВОРОТ⁹

В одном из уголков старой Москвы, где некогда был пустырь, на углу Каланчевки и площади «Красные ворота» стоял каменный двухэтажный дом.

С виду он был ничем не примечателен, но для нас памятен: в нем 2 октября 1814 года родился великий сын России – М. Ю. Лермонтов.

Ныне нет уже ни «Красных ворот», ни церкви Трех святителей, в которой крестили будущего поэта, нет и самого дома, построенного когда-то на месте древнего двора боярина Шеина – сподвижника Петра I.

Но время сберегло и донесло до нас документальный, двухсотлетней давности акварельный рисунок. На нем впервые воссозданы живые, первозданные черты места, навечно связанного с рождением поэта. Имени автора этого уникального произведения мы не знаем – оно без подписи; мы можем только сказать, что оно принадлежит опытному мастеру периода зрелого классицизма. Но кто он? Над этим предстоит еще поразмыслить.

А пока попытаемся разобраться в содержании публикуемого рисунка. В самом его центре возвышается красивейшая в древней столице арка «Красные ворота» (1753–57). Она создана по проекту архитектора В. Д. Ухтомского (1719–1774) – отца русского барокко.

Название свое ворота получили от села, в которое шла дорога.

«Красные ворота» построены в форме древне-римской триумфальной арки. Она трехпольная, с центральным арочным проемом, с боковыми крыльями, снабженными двумя парами ионических колонн; боковые проемы арки объединены прямоугольным аттиком, а сама арка увенчана фронтоном с декоративным двуглавым орлом в царской короне с сиянием. Фронтон завершен балдахином, на вершине которого – фигура крылатой Победы. Аттик украшен скульптурными вазами, между которыми склонены знамена с факелами и жертвенниками. По сторонам ворот установлены пилоны с бюстами.

С правой стороны от арки изображен угол лермонтовского дома. Заметим, что он уже значится в «Указателе Москвы» за 1799 год, это означает, что дом на рисунке воспроизведен вскоре после его постройки. Точная же дата постройки дома – неизвестна.

Дом простой, без украшений. Цокольный этаж его – каменный, отделан рустовкой, а верхний – кирпичный, с гладкой облицовкой.

⁹ Статья написана в 2004 году, публикуется впервые.

На первых и вторых этажах видны два глубоких оконных проема с нишами и простыми наличниками. Во время пожара Москвы 1812 года, а также – большого пожара города в 1721 году, дом сохранился.

Как пишет П. А. Висковатов, в этом доме, принадлежавшем генерал-майору Ф. Н. Толю, у Марии Михайловны и Юрия Петровича Лермонтовых родился сын, нареченный в честь деда Арсеньева Михаилом. Новорожденного крестили 11 октября приглашенные священнослужители из соседней церкви Трех святителей (1699). Она на рисунке возвышается слева за аркой; церковь с колокольной огорожена в 1740-х годах. Левее от нее, на дальнем плане, высятся Меншикова башня (1707) архитектора И. П. Запрудного (ок. 1670–1727) с баженовским куполом, установленным после пожара; справа, через просвет центрального проема арки, видна каменная ограда, а за ней – башня какой-то церкви; дальше – за пилонами, намечены очертания дома и купола.

На самой площади перед триумфальной аркой, изображена какая-то сцена, снятая художником с натуры. Понять ее смысл можно, лишь увязав происходящие с надписью и датой, четко обозначенной художником в нижней левой части листа орешковыми чернилами: «1797-го марта 29-го Краснаи Вороты».

Чем же отмечен этот день? Что произошло в марте 1797 года? Ответ оказался заключенным в отчетливо выведенном вензеле на боковых крыльях ворот: «П I».

Это вензель нового императора Павла I, появившийся по смене предыдущего государя. Так повелось издавна: менялись правители – изменялся и декор триумфальной арки. Она была сооружена в 1709 году, в честь побед русских войск над шведами при Петре I, а в 1742 году, по случаю коронации Елизаветы Петровны, воздвигли (вместо сгоревшей прежней) новую деревянную арку, замененную в 1753–57 годах каменной по проекту Ухтомского.

Вот и теперь, в связи с коронацией 5 августа 1797 года Павла I изменился соответственно и вензель на воротах. Следовательно, дата, обозначенная на акварели, имеет прямое отношение к тому, что происходит на площади: перед нами почетная кавалькада сановников, сопровождающих Павла I на коронацию. Это он, впереди, в треуголке, гарцует на белой лошади. Справа и слева от парадного выезда – группа горожан-простолудинов и два открытых экипажа. Запечатлевая парадную процессию, художник «прихватил» и часть описанного уже лермонтовского дома, из окон которого выглядывают обыватели.

По рисунку видно, что художник торопился, стремясь запечатлеть в движении живую сцену исторического события. Возможно, что именно поэтому, зрелый мастер невольно нарушил пропорции

ворот, поскольку все его внимание сосредоточивалось на торжественном въезде Павла I.

После коронации новый император совершил торжественное парадное шествие в Лефортовский дворец, построенный еще Петром I (1697–1699).

К прибытию государя было приготовлено особое здание, но оно Павлу I не понравилось. Тогда А. А. Безбородко (1747–1799) – Светлейший князь, всесильный канцлер Екатерины II, богатейший человек в России, предложил ему подарком свой, заново перестроенный и роскошно отделанный Слободской дворец. На это предложение Павел I ответил, что дворец хорош и что он его купит. Этот эпизод в отношениях Павла I и Безбородко позволяет думать, что и Безбородко мог быть в свите императора.

Его свиту без сомнения должен был сопровождать художник – мы знаем, что рисунок натурный.

Кому же из живописцев была оказана честь? И кто впервые воспроизвел уголок древней столицы, связанный с рождением великого Лермонтова?

Известно, что при Екатерине II и Павле I выдающимися художниками были архитекторы М. Ф. Казаков (1738–1812), В. И. Баженов (1737–1799), портретист В. Л. Боровиковский (1757–1825), создавший большой парадный портрет Павла I (1800).

Казаков вряд ли мог быть автором рисунка, потому что он работал, в основном, над проектами жилых домов и служебных помещений (усадьба Демидовых, здание Московского университета, Больница Голицыных и т. д.).

Баженов практически мог быть искомым автором, т. к. создал большое количество графических работ. Но последние годы, именно 1797–99, он трудился над проектом Михайловского замка.

В интересующее нас время прославился своими пейзажами обеих столиц еще другой выдающийся живописец Ф. Я. Алексеев (1753–1824) – родоначальник русского городского пейзажа.

Его-то мы и склонны считать автором нашей акварели. Какие же доказательства могут подтвердить наше предположение?

Во-первых, работы Алексеева замечательны сочетанием документальной точности в изображении памятников с живостью и непосредственностью передачи сцен городской жизни. Как раз эта особенность в акварелях художника и характерна для нашего рисунка. Во-вторых, в пользу выдвигаемой гипотезы может служить предпочтение, дважды оказанное Павлом I Алексею: по заказу императора художник выполнил два вида Михайловского замка (1799–1800) и по его же указу 1800 года Алексеев работал над серией пейзажей Москвы.

Не исключено поэтому, что Алексеев – академик живописи, мог быть привлечен Павлом I в качестве сопровождающего художника при своей коронации. Кроме того, нужно учесть и далеко не случайное совпадение дат выполнения таких работ мастера, как «Михайловский замок» (1799–1800), пейзажей Москвы (1800) и нашей акварели (1797).

И, наконец, последний, наиболее убедительный аргумент, возникший уже в процессе нашей работы: это еще одна акварель, оказавшаяся в Московской мастерской Алексеева; она совпадает с публикуемым рисунком как тематически, так и по композиционному приему – перед нами «Красные ворота и Запасной дворец» со стороны Новой Басманной улицы. Они на рисунке рельефно вырисовываются в глубине перспективы на фоне свободного воздушного пространства вместе со знакомыми нам очертаниями церкви и пилонов [1].

Мы убеждены, что рисунок Алексеева, обнаруженный в его мастерской, можно считать замыкающим круг нашего поиска и мы вправе закрепить за Ф. Я. Алексеевым, выдающимся русским пейзажистом, авторство рисунка «Красные ворота» – самого раннего изображения места рождения Лермонтова.

В течение двух столетий чьи-то умные и заботливые руки берегли этот рисунок, сознавая его раритетность.

Позже появлялись и другие графические воспроизведения этого места, они сыграли свою важную роль в изучении биографии Лермонтова, они же отразили и те значительные изменения, которые претерпевало это место на протяжении долгих лет.

Первое из этого ряда работ – литография Арну с рисунка Вивьена. На ней Лермонтовский дом сохранился еще не измененным. Он виднеется за аркой, в глубине территории, а потому и церковь с колокольной оказалась за домом, слегка намеченной. Вид, изображенный на этой литографии можно датировать 1826 годом, потому что на медальонах арки выведен вензель Николая I [2].

На второй литографии с рисунка Д. Струкова уже заметны существенные изменения площади, со всеми окружающими ее строениями: у Лермонтовского дома надстроен третий этаж, появился балкон, за домом выросла улица, исчезли пилоны, изменился фасад церкви.

Новый декор ворот и некоторые вновь появившиеся здания позволяют отнести изображенный вид (предположительно) к 1856 году – ко времени коронации Александра II. Примерно такой видел эту площадь П. А. Висковатов. Еще тогда он был уверен, что Лермонтовский дом был меньше, двухэтажным [3]. До нас дошла и фотография 1865 года («Музей-заповедник М. Ю. Лермонтова в

Пятигорске»). На снимке запечатлены перемены, изменившие все окрестности площади до неузнаваемости: у Лермонтовского дома (плюс ко всему) появились два балкона, угол дома скруглен, первый этаж занят магазинами и обложен вывесками, между окнами первого этажа повешен киот, вся территория обросла новыми зданиями.

И, наконец, в энциклопедии «Москва» воспроизведены «Красные ворота» с приметами наступившего XX века: по рельсам, пересекающим площадь, видим движущиеся трамваи; попозже, в 1928 году были снесены ворота, не стало и церкви, в сохранившемся еще Лермонтовском доме (с 1941 года) открылась библиотека имени Лермонтова, его именем была названа площадь, но вскоре снесли и дом, а на его месте воздвигли высотное здание и на нем, в память о былом, укрепили мемориальную доску с надписью:

«На этом месте находился дом, где 3/15 октября 1814 года родился великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов» [4].

Преобразование Лермонтовской площади завершилось установкой в 1965 году памятника поэту по проекту художника И. Д. Бродского.

Вот так, постепенное и неизбежное вторжение современности в старину изменило лицо родной земли.

Сегодня мы с благодарностью называем имя Ф. Я. Алексеева. Через два столетия до нас дошел его рисунок, сохранивший нетронутые временем живые, первородные и священные черты места рождения поэта. Глубокие корни роднят его с величавым и не раз воспетым им городом.

«Москва моя родина и всегда ею останется. Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив. 2 октября 1832 г.»

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Лермонтовская энциклопедия [Текст] / Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкин. дом), Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия»; гл. ред. В. А. Мануйлов. – М. : Сов. энциклопедия, 1981. – С. 144-145.
2. Москва [Текст] : энциклопедия / редкол. : А. Л. Нарочницкий [гл. ред.] и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – С. 609.
3. Москва [Текст] : энциклопедия / редкол. : А. Л. Нарочницкий [гл. ред.] и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – С. 52.
4. По лермонтовским местам [Текст]: Москва и Подмосковье. Пенз. край. Ленинград и окрестности. Кавказ. / [подгот. В. П. Арзамасцев и др.; вступ. ст. И. Андроникова]. – М. : Профиздат, 1985. – С. 25.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ¹⁰ (К 95-летию со дня рождения И. Г. Тер-Габриэльянц)

В замечательной книге главного хранителя музея-заповедника М. Ю. Лермонтова Н. В. Маркелова «Сто шедевров Лермонтовского музея» (2004, 2010) есть такие строки: «За долгие десятилетия в музее собраны настоящие сокровища. Огромное количество лермонтовских книг, в том числе и вышедших в свет еще при его жизни. Вещи из его петербургской квартиры. Картина и рисунок, выполненные рукой поэта. Портреты его современников, предметы дворянского быта. Тысячи иллюстраций, книги о Лермонтове, архивные документы».

Очень хочется, чтобы не исчезла память о тех, кто собирал и сохранил эти шедевры. Наш рассказ – об одном из таких подвижников – Изабелле Григорьевне Тер-Габриэльянц, главном хранителе музея-заповедника, проработавшей в этой должности 27 лет.

Не один раз коллеги по работе с плохо скрываемым раздражением говорили: «Изабелла Григорьевна, Вас совершенно не волнует, что происходит в музее. Вы живете только в своем мире. Вы прожили счастливую жизнь!». Не помню, что она отвечала.

Стройная, всегда подтянутая, аккуратно причесанная, со вкусом одетая, Изабелла Григорьевна входила в число музейных красавиц. Многим было невдомек, что у этой внешне благополучной женщины масса житейских проблем, в которые она никогда не посвящала своих коллег. Может быть, отрешенность от каждодневного музейного быта была ее инстинктивной защитой?

Несмотря на возраст, а она была старше почти всех сотрудников, ее за глаза все в музее называли по имени – Изабелла. Называют так до сих пор. С фамилией сложнее. Изабелла Григорьевна действительно не обращала внимание на, как ей казалось, мелочи. Поэтому в ее документах несколько разных написаний фамилии, да и научные работы тоже подписаны по-разному: Габриэльянц, Тер-Габриэльянц и т. д. – а это один и тот же человек – главный хранитель фондов Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова.

¹⁰ Очерк подготовлен по воспоминаниям дочери Изабеллы Григорьевны Галины и документов из семейного архива, а также по моим собственным воспоминаниям, в 2015 году специально для «Ставропольского Хронографа»; газетный вариант опубликован в «Пятигорской правде». Журналист газеты «Аргументы и факты» Елена Евдокимова на его основе написала очень живой и высокопрофессиональный очерк.

Родоначальником рода Тер-Габриэлянц был, по легенде, католикос: приставка «Тер» означает принадлежность к роду священнослужителей.

Предки Изабеллы Григорьевны из Нагорного Карабаха Елизаветпольской губернии, из города Шуши. Михаил Амбарцумович Тер-Габриэлянц и Ефрем Арутюнович Даниелян покинули родные места в 1905 году из-за резни. Семейное предание гласит, что во время этих страшных событий Ефрема спас друг-азербайджанец, завернув в ковер и спрятав в подвале.

К этому времени в Пятигорске сформировалась армянская диаспора, которая приняла обе семьи. Михаил Тер-Габриэлянц открыл в Пятигорске бакалейную лавку, но вскоре умер, и его дело продолжил старший сын Арам. Младший, Григорий в 1910 году закончил Пятигорское двухклассное училище и стал работать в лавке Арама. Когда в 1914 году началась Первая мировая война, он, приписав себе два года, вместо старшего брата пошел воевать. Григория зачислили в пехоту писарем. Через год, после госпиталя он возвратился в Пятигорск.

Его невеста Варвара Ефремовна Даниелян училась в лучшем в Пятигорске Румянцевском двухклассном училище, закончила его с отличием, в том числе и по русскому языку, которого в раннем детстве не знала.

Григорий Михайлович и Варвара Ефремовна поженились по любви. Они венчались в 1919 году в белокаменной армянской церкви, которая находилась на углу нынешнего проспекта им. Кирова (Царская) и улицы им. Крайнего (Базарной). Поселились в большой семье Тер-Габриэлянц, которая жила в церковном доме.

Здесь 11 августа 1920 года у Григория и Варвары родилась Изабелла, в 1924-м – Маргарита, в 1926-м – Рафаэль.

Крестили Изабеллу в армянской церкви. В большом и просторном доме на углу Крайнего и Власова прошло ее детство в счастливой дружбе и играх с любимым двоюродным братом. Но для ее отца и матери эти годы не были счастливыми. В годовалом возрасте от пневмонии умерла Маргарита. По каким-то уже неизвестным причинам Арам, фактически оставаясь владельцем, оформил лавку на Григория, который, не имея при этом ничего, бедствовал со своей семьей. Варваре было несладко в семье мужа, и в 1927 году они переехали на улицу Теплосерную, в дом № 12, где к этому времени обосновался ее брат Михаил Даниелян. Несмотря на нужду и бедственное положение у Изабеллы остались самые теплые воспоминания о детских годах в новом доме с большим двором, утопающем в зелени. На Теплосерной у нее появились подруги из соседних квартир, девочки часто устраивали театральные представления

с костюмами, декорациями и дворовыми зрителями: у Изабеллы в детстве проявились актерские способности.

Но беды не оставляли молодую семью. В начале 30-х годов Арам переехал в Баку с семьей и Григорий, фиктивный владелец лавки, которую у него отобрали большевики, стал лишенцем, нигде не мог найти работу. В поисках заработка уехал в Баку, но затем вернулся в Пятигорск и вскоре умер. Варвара Ефремовна с детьми жила впроголодь. Оставшись без средств, она закончила бухгалтерские курсы и всю жизнь работала по этой специальности. Но, несмотря ни на что, все же дала детям высшее образование, передала им доброту и честность, способность достойно и безропотно преодолевать трудности. А мечтательность и неприспособленность к бытовым проблемам у Изабеллы, вероятно, от отца.

Изабелла училась в школе № 11. Год пропустила из-за болезни малярией и закончила школу в 1940-м, а затем поступила в Пятигорский педагогический институт на факультет русского языка и литературы.

Комсомолка, активистка Изабелла Тер-Габриэльянц сразу же окунулась в студенческую жизнь. Появилась и самая любимая, закадычная подруга – Тоня Щербаченко. Обе отличницы гордились тем, что их портреты украшают Доску почета. Забегая немного вперед, отмечу, что в институте Изабелла принимала участие в художественной самодеятельности, играла в пьесах А. Н. Островского. Уже после освобождения Пятигорска от оккупации ее увидел на студенческой сцене знаменитый актер, Народный артист СССР Ю. М. Юрьев. Он даже советовал ей оставить педагогический и поступить в Ленинградский театральный институт. Но судьба распорядилась иначе.

22 июня 1941 года должна была начаться педагогическая практика в пионерском лагере. В эту ночь Изабелла увидела страшный сон о начале войны. Утром, грустная и подавленная, не дойдя до трамвайной остановки, увидела толпу людей, слушающих выступление Молотова. Началась Великая Отечественная война, и студенческая жизнь сразу же изменилась. Многих однокурсников мобилизовали на фронт, а перед оставшимися студентами были поставлены новые задачи. С 23 октября 1941 года по 20 января 1942 года Изабелла служила вольнонаемной на спецстроительстве во 2-м батальоне 4-го района Ставропольского края. У поселка Александрия Минераловодского района вместе с другими студентками и домохозяйками рыла противотанковые рвы. Остались воспоминания о жесточайших морозах, пайках (потому и шли в стройбаты, из-за голода, ведь занятия в институте в этот год были прерваны). В теплом платке и ватнике, который специально сши-

ла ей мама, с другими девочками-студентками работала кайлом, а земля от морозов была как камень.

А потом началась оккупация Пятигорска и жизнь осложнилась еще больше. Но семья выжила. Спустя годы любимая подруга Тоня, уже Антонина Дмитриевна Чиркина, рассказала Изабелле, какая смертельная угроза нависла тогда над ними. Однажды к Тоне постучался немец, квартировавший в соседней квартире: «Фрейлен, не бойтесь, я не причиню Вам ничего плохого. Вы не из тех девушек, что дружат с нашими офицерами. Посмотрите на эти фотографии людей, которых должны уничтожить. Среди них есть и Ваша. Возьмите ее и фотографии Ваших знакомых, если они здесь есть». С ужасом Антонина увидела и портрет Изабеллы. Это какой-то «доброхот» передал в гестапо снимки с институтской Доски почета. Так Антонина спасла себя и подругу от казни.

В 1945 году Изабелла с отличием закончила филфак, ее зачислили на должность ассистента на кафедру русского языка и литературы. В дальнейшем сдала на «отлично» экзамены в аспирантуру, но, по официальной версии, не прошла по конкурсу. Причина же отказа в поступлении была другая: она находилась в оккупации, а к таким людям относились с подозрением. В институте вела русскую литературу, теорию литературы, выразительное чтение, педпрактику. В пединституте проработала до 1950 года. На кафедре ситуация сложилась так, что она имела лишь четверть рабочей ставки. Жить на это было невозможно, пришлось искать работу не только в Пятигорске, однако из-за оккупационного прошлого сделать это оказалось не просто. И такому положению была еще причина, о которой Изабелла Григорьевна рассказала лишь недавно. Однажды ей предложили стать секретным сотрудником органов безопасности. Тогда открылось бы блестящее будущее: продвижение в науке и по служебной лестнице... «Стучать на своих коллег? Никогда и ни за что!». В итоге – город Оханск, провинциальный город на реке Каме в Пермской области. Улицы мощеные, дома деревянные, без удобств; быт и нравы казались дремучими, местный диалект порой был непонятен. И холодная зима, как тогда, в 42-м. В Оханском учительском институте Изабелла получила должность старшего преподавателя, одновременно стала заведующей кафедрой и деканом литературного факультета, вела теорию литературы, XIX и XX века, русский язык и выразительное чтение. Там проработала два года.

И вновь Пятигорск.

Подруга родственников «присмотрела» Изабеллу для своего сына, живущего в Баку. Замаячила прекрасная перспектива: столичный город, прекрасная квартира, муж – крупный начальник... В 1953-м вышла замуж, но не выдержала фальши отношений и вер-

нулась в родной город, к маме в сырой полуподвал на Теплосерной. Здесь с дочерью прожила двадцать шесть лет, пока в 1981 году дом не снесли, а жильцов переселили в микрорайон Бештау.

После возвращения в Пятигорск перебивалась временными работками. Однажды весной 1955 года подруга Антонина, которая подрабатывала летом экскурсоводом, предложила Изабелле в летний сезон вместе вести экскурсии в музей «Домик Лермонтова». В мае ее приняли штатным экскурсоводом. Два лета была внештатником. Полюбила музей сразу, без оглядки, на всю оставшуюся жизнь, несмотря на более чем скромную зарплату. 1 октября 1957 года Изабеллу Григорьевну приняли на постоянную работу в музей. Покинула она его спустя тридцать один год, в 1988-м, уже как бывший главный хранитель Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова.

Новый поворот в судьбе экскурсовода И. Г. Тер-Габриелянц произошел в начале 1961 года, когда вышел приказ о сокращении и без того маленьких музейных штатов. По правилам, должен был уйти тот, кто пришел последним, а остаться, конечно же, члены партии, которым Изабелла Григорьевна быть никак не могла, даже если бы захотела. Но директор музея А. И. Гребенкова решила иначе. Она сократила «балласт» музея с партийными билетами, в том числе и секретаря парторганизации. Александру Ильиничну вызвали в горком партии «на ковер», потребовали объяснений, грозили выговором по партийной линии. Но та была непреклонной: музею нужны грамотные, преданные делу люди. 22 января 1961 года Изабелла Григорьевна вступила в должность заведующей фондами. Через два месяца она сделала первую свою запись в «Книге поступлений» музейных экспонатов. Потом были еще десятки тысяч таких записей о самых разнообразных музейных предметах: книгах, картинах, документах предметах быта лермонтовских времен. После создания на базе музея «Домик Лермонтова» Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова с 15 декабря 1975 до 15 декабря 1988-го Изабелла Григорьевна являлась главным хранителем фондов музея-заповедника.

Поначалу было очень сложно. Музейное дело имеет свою специфику, и хорошего знания русской литературы вовсе недостаточно. Пришлось Изабелле Григорьевне осваивать специальную литературу, неизвестные ранее термины. Она не только много читала, выписывая книги по межбиблиотечному абонементу, в командировках часами просиживала в столичных библиотеках и фондах крупных музеев. У нее почти сразу же появились прекрасные учителя. Главный хранитель Государственного литературного музея В. С. Попов, искусствовед Н. П. Пахомов, главный хранитель музея Института

русской литературы АН СССР Е. А. Ковалевская не раз приезжали в Пятигорск, а главный хранитель «Домика Лермонтова» постоянно отправлялась в командировки в Москву и Ленинград. Благодаря тесным контактам со столичными музейщиками Изабелла Григорьевна наладила связь с коллекционерами Москвы и Ленинграда, фонды музея значительно пополнялись уникальными экспонатами, хотя подчас это было нелегко. Так однажды в декабре 1973 года Н. П. Пахомов сообщил, что продается эскиз художника М. А. Врубеля к картине «Демон поверженный». Деньги на покупку экспонатов музей уже истратил. Изабелла Григорьевна срочно выехала в Москву, просила, умоляла владельцев подождать совсем немного. Но те были непреклонны. Отправилась в Министерство культуры РФ. И там пошли навстречу – деньги выделили. Сейчас эскиз Врубеля украшает экспозицию «М. Ю. Лермонтов в изобразительном искусстве». Благодаря Изабелле Григорьевне в музее хранится коллекция кавказского серебра и украшений, которые она привезла из Дагестана. Везла в поезде, в обыкновенной сумке, не боясь ограбления. Точно также перевезла из Ленинграда тяжелейшие рубинового стекла в золоченой бронзе ритоны – предметы лермонтовской эпохи. А история создания коллекции открыток заслуживает отдельного рассказа. Главный хранитель убеждала, разъясняла ревизорам, что приобретать открытки с одним и тем же названием – необходимость. Ведь изображения на них были разные. И когда краевед Л. Н. Польский передал в музей свою филокартическую коллекцию, она органично влилась в музейную, тем более, что сам Леонид Николаевич помогал хранителю ее формировать.

Дружба с О. К. Мордвиновой, вдовой Народного артиста СССР, лауреата Сталинской и Ленинской премий актера Н. Д. Мордвинова, продлилась всю жизнь, до самой смерти Ольги Константиновны. Благодаря этим тесным отношениям, полностью доверяя хранителю, вдова Николая Дмитриевича передала в Пятигорск архив великого артиста и его личные вещи, некоторые из них выставлены в литературной экспозиции. Много лет в память о выдающемся исполнителе роли Арбенина в драме Лермонтова «Маскарад» Изабелла Григорьевна проводила в музее вечера его памяти. После нее эстафету приняли молодые сотрудники.

В музее выставлены прекрасные графические работы мастеров 19 века. Когда-то не все они были в таком идеальном состоянии как сейчас. Изабелла Григорьевна убедила руководство музея найти средства на реставрацию, много лет подряд сама возила музейные предметы в Москву, Ленинград, в реставрационные мастерские, добилась приезда реставраторов тканей в Пятигорск, и, таким образом, ценным экспонатам была продлена жизнь.

Главный хранитель всегда должен работать в контакте с руководством. Изабелла Григорьевна была единомышленником директоров – как А. И. Гребенковой, так и П. Е. Селегея. Ведь они делали одно общее дело. И то, что музейные экспозиции и музейные фонды в хорошем состоянии – заслуга этих людей, которые не только сами трудились на благо музея, но еще прививали любовь к нему молодому поколению сотрудников. Они были примером. Ни одна командировка в Москву или Ленинград не оставалась без дополнительного спецзадания: привезти новые уникальные предметы, которые находили для музея В. С. Попов, Н. П. Пахомов и другие. Это была норма не только для руководства, но и для других научных сотрудников.

У хранителя было много работы – долгое время в фондах Изабелла Григорьевна работала одна. А нужно было систематизировать коллекции, формировать новые, делать описание музейных предметов, готовить новые экспозиции и выставки. Паспорта на предметы музейного хранения, составленные Изабеллой Григорьевной, несмотря на некоторые оправданные давностью лет неточности, востребованы и сейчас.

Пропаганда жизни и творчества поэта была обязательной для всех – от экскурсоводов до директора: выступления по радио и на телевидении, лекции в санаториях и предприятиях города, музыкально-литературные вечера в музее, статьи в прессе. Главный хранитель никогда не избавлялся от этой работы, которая отнимала много времени. Изабелла Григорьевна готовила свои выступления увлеченно, и слушать ее было интересно: сказывались глубокие знания и природный артистизм. Ее передачи в прямом эфире из студии пятигорского телевидения отличались тем, что она показывала подлинные музейные предметы из фондов музея. Телезрители Кавказских Минеральных Вод, сидя перед экранами своих телевизоров, могли знакомиться с тем, что категорически выносить за пределы музея запрещалось. Но ей было можно. «Как Вы не боитесь? А вдруг что-то случится с нашими шедеврами?», – спрашивали ее музейщики. А она спокойно отвечала: «Тогда я умру рядом».

Работу над музейными экспозициями невозможно представить себе без главного хранителя. Изабелла Григорьевна разрабатывала вместе с П. Е. Селегеем тематико-экспозиционные планы литературного отдела «М. Ю. Лермонтов на Кавказе», художественного – «М. Ю. Лермонтов в изобразительном искусстве», а также сама непосредственно принимала участие в оформлении экспозиций, работая в тесном контакте с замечательным ленинградским художником-оформителем Т. Н. Воронихиной. При необходимости, не задумываясь, могла пожертвовать музею предметы личного, домашнего обихода. Уже более пятидесяти лет в буфетной мемориального

Домика Лермонтова стоят на полке металлические кружка и пиала, привезенные предками Тер-Габриэльянц из Шуши.

В силу разницы в возрасте и специфики основной работы Изабелла Григорьевна держалась несколько отстраненно от молодых сотрудников, но это вовсе не значило, что между нею и молодежью была непреодолимая пропасть, хоть и доставалось от нее нерадивым. Сама «трудоголик», она не понимала, как можно уваливать от работы, не знать тонкости биографии Лермонтова, не читать книги. Будучи прямым и честным человеком, всегда говорила в глаза то, что думала, не терпя фальши в людях. При этом как главный хранитель своими знаниями она делилась с молодежью: знакомила с историей музейных предметов, проводила методические занятия по лермонтоведению, музееведению, искусствоведению. Что такое листья аканта, осветительная арматура 18-го века и кракелюры, какая из редакций поэмы «Демон» последняя и чем отличается живопись от графики, а бисквит от королевского фарфора – это узнавала музейная молодежь от Изабеллы Григорьевны.

Изабелла Григорьевна внесла большой вклад и в научную работу музея-заповедника. Она – постоянный участник Всесоюзных Лермонтовских научных конференций, один из авторов статей в «Лермонтовской энциклопедии». Вслед за Н. П. Пахомовым подготовила работу о портретах М. Ю. Лермонтова, благодаря чему в музее была оформлена большая передвижная выставка иконографии поэта, с которой в свое время познакомились многие жители Кавказских Минеральных Вод и отдыхающие на курортах.

Изабелла Григорьевна вполне заслуженно в разные годы получила награды: медаль «За трудовое отличие» и знак Министерства культуры СССР «Лучший работник культуры».

Больших научных работ у Изабеллы Григорьевны немного – некогда было заниматься публикациями в рабочее время. Но все то, что опубликовано, является фундаментальным вкладом в лермонтоведение и музееведение. Уже после выхода на пенсию, уехав в Москву к дочери, она подготовила большую работу для журнала «Наше наследие» о сестрах Ивановых и их акварельных портретах, хранящихся в музее-заповеднике. В редакции встретили ее с большим почтением: сам академик РАН Н. Н. Скатов, директор института Русской литературы РАН, рекомендовал Изабеллу Григорьевну как автора. В седьмом выпуске «Ферапонтовского сборника» (2006) Изабелла Григорьевна поместила очерки о своих учителях В. С. Попове и Н. П. Пахомове.

В настоящее время Изабелла Григорьевна Тер-Габриэльянц живет в Москве. 11 августа 2015 года ей исполнится 95 лет¹¹.

¹¹ В 2018 году И. Г. Тер-Габриэльянц исполнилось 98 лет.

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Коваленко, А. Н. Добрый след на земле [Текст] / А. Н. Коваленко // Кавказская здравница. – 1992. – 15 мая.
2. Коваленко, А. Н. Душа музея. Бывшему Главному хранителю Домика Лермонтова исполнилось 95 лет [Текст] / А. Н. Коваленко // АйФ-СК. – 2015. – № 44.
3. Коваленко, А. Н. Счастливая жизнь [Текст] / А. Н. Коваленко // Ставропольский хронограф на 2015 год [Текст]: краевед. сб. / СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 2015. – С. 228–235.

ОБ АВТОРАХ

АХМЕТДИНОВА Светлана Юрьевна, директор Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля», руководитель проекта «Лермонтовский свет на Ярославской земле». Член Общественной палаты Ярославской области (Ярославль).

КОВАЛЕНКО Александра Николаевна, писатель, краевед, педагог муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей «Центр военно-патриотического воспитания молодежи города Пятигорска» (Пятигорск).

ЛЕВАГИНА Светлана Николаевна, ведущий методист государственного учреждения культуры Ярославской области «Областная юношеская библиотека им. А. Суркова» (Ярославль).

ОКРУГИНА Екатерина Сергеевна, ведущий сотрудник филиала МУК «Музей истории города Ярославля» – Центром белорусской культуры, Музеем Максима Богдановича (Ярославль).

ПРОХОРОВА Наталья Валентиновна, заведующая филиалом МУК «Музей истории города Ярославля» – Центром белорусской культуры, музеем Максима Богдановича (Ярославль).

СОСНИНА Екатерина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник ГБУК Ставропольского края «Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова» в Пятигорске (Пятигорск, Ставропольский край).

ТЕР-ГАБРИЭЛЬЯНЦ Изабелла Григорьевна, лермонтовед, научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова (1957–1988) (Москва).

ХЕЙФЕЦ Ольга Абрамовна, краевед-исследователь, экскурсовод, автор книг легенд и сказок народов Северного Кавказа, автор путеводителя по Пятигорску (Пятигорск, Ставропольский край).

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЕРМОНТОВУ

*Мира и забвенья
Не надо мне!
Л.*

В альпийском леднике седеющем подснежник
разбуженный угас.
Мир сердцу твоему, хромающий мятежник!
И прежде и сейчас
от выщербленных плит кавказской цитадели
не близок путь.
Печальные глаза с овальной акварели
закрой когда-нибудь.
В испарине скакун, армейская рубаха,
омытый солью стих.
Но твой жестокий смех сжимал сердца от страха
на водах у больных.
Ты зримо презирал актёрские повадки
державного паши.
Но молния сожгла походную палатку
твоей души.
...Не голубой мундир своею чёрной кровью
смывает желчный грим с усталого лица,
а Демон, наконец, спустился к изголовью
взглянуть на своего творца.

1977

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ДНИ-2017
XVII ЛЕРМОНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«Я ЗНАЛ ОДНОЙ ЛИШЬ ДУМЫ ВЛАСТЬ...»

Традиционное зажжение Лермонтовской свечи

**«Выхожу один я на дорогу».
Музыкальное приветствие преподавателей ДШИ
им. Собинова Натальи Прищепа и Натальи Правдиной**

**Приветственное слово
начальника управления культуры города Ярославля
О. В. Каюровой**

**«Краеведческие открытия на Лермонтовских чтениях».
Презентация статьи для Ярославской литературной
энциклопедии С. Ю. Ахметдиновой, Ярославль**

**Новый взгляд на творчество и жизнь поэта
вызывает понятный интерес**

Подарок поэта Кублановского – редкий том из собрания сочинений М. Ю. Лермонтова 1891 года

**«Лермонтов в творчестве
Юрия Кублановского».
О. А Хейфец, Пятигорск**

**«Лермонтов и Гёльдерлин – «пилигримы «священной ночи»».
Г. Ю. Филипповский, Ярославль**

**Заочный доклад Е. Л. Сосниной из Пятигорска
«Иван Сабанеев – устроитель Пятигорских ванн»
читает Н. И. Фондо, Пятигорск-Ярославль**

«Лермонтов в кинематографе». Д. А. Репин, Ярославль

Преданные поклонники М. Ю. Лермонтова

Всё ли мы знаем о Лермонтове?

«...А вечно любить невозможно...»? С. Н. Левагина, Ярославль

На Чтениях

Е. Н. Шелухина (МГУ) выступила в роли адвоката Ираклия Андроникова и подарила организаторам сборник его статей

О проекте «Лермонтов без границ». М. Н. Ланцов

**Звучит стихотворение «Выхожу один я на дорогу...»
на немецком языке в исполнении участника проекта
«Лермонтов без границ» Г. Финкельштейна**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА
«ГЕНИЙ ЗЕМЛИ БЕЛОРУССКОЙ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ МАКСИМУ БОГДАНОВИЧУ**

**Новые краеведческие документы
о «белорусском Лермонтове»**

**Первая книга М. Богдановича «Вянок».
Экскурс по выставке проводит Н. В. Прохорова, Ярославль**

Есть вопросы к докладчикам

Своя точка зрения

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ В. А. ЗАХАРОВА
«ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА»**

Слово С. Ю. Ахметдиновой о почетном госте

Фото на память

**Жизнь Лермонтова: день за днем.
Что нового можно узнать о поэте?**

Отличная книга о Лермонтове!

Автограф от лермонтоведа

**Лекция В. А. Захарова «Новое в «Слове о полку Игореве»
в ярославском музее-заповеднике**

**ЛЕРМОНТОВСКИЙ БАЛ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
ИМЕНИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

«Здравствуй, Бал!»

**Мастер-класс
по изготовлению масок**

**«Молчит... таинственна,
заговорит... так мило»**

«Ты предсказанием меня не испугаешь...»

Гадание по стихам Лермонтова

Фантазийная постановка «Легенды старого дома»

Вот-вот начнутся танцы!

Игра в фанты

И снова фанты!

**«Вчера вы были
в маскераде?»**

**Гадалка и Гусар -
распорядители Бала**

Вода из тех мест, «где Терек протекает»

«В веселом вихре бала...»

«Встретившись на бале, на гулянье...»

«Весь этот маскарад еще в уме моем кружится...»

«В горах Шотландии моей»

Что расскажет веер?

Парад лермонтовских героев

**«Юнкер Лермонтов частенько наезжал с товарищами
к цыганам в Павловск...»**

**Танцевальный мастер-класс: вальс-котильон,
французская кадриль, алеманд и мазурка**

А что танцевал Лермонтов?

Члены клуба «Зазеркалье» – традиционные партнеры Бала

Еще танцевали полонез, галопад, гросфатер, вальс

«Зазеркалье» – настоящее украшение Бала!

**Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать
И целый вечер танцовали!
Как наконец не перестать?..**

М.Ю. Лермонтов

**Участники Бала вместе с «Зазеркальем»
перенеслись в эпоху Лермонтова!**

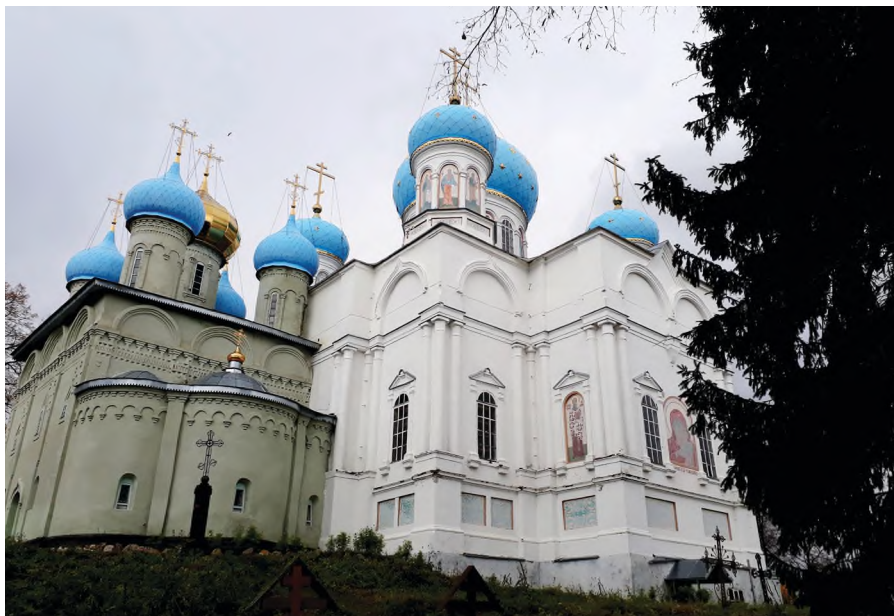

Вручение Благодарственного письма клубу «Зазеркалье»

**ПОЕЗДКА В ЧУХЛОМСКОЙ КРАЙ,
К ГЕОРГУ ЛЕРМОНТУ – СЛАВНОМУ ПРЕДКУ ПОЭТА**

В Свято-Покровском Авраамиево-Городецком мужском монастыре. Спуск к святому источнику

Древние стены Покровского храма

«На севере диком стоит одиноко сосна». У озера

Чухломское озеро

Лермонтовская часовня

У стен Чухломского монастыря

Гости Чтений в первом русском театре им Ф. Волкова

К СТАТЬЕ Е. Л. СОСНИНОЙ

**Портрет
И. В. Сабанеева.
Гравюра XIX в.
из фондов
Государственного
музея-заповедника
М. Ю. Лермонтова
в Пятигорске**

Здание Старо-Сабанеевских ванн в Пятигорске

К СТАТЬЕ И. Г. ТЕР-ГАБРИЭЛЬЯНЦ

**Неизвестный художник. Москва. Красные ворота.
Конец XVIII века. Бумага, акварель.
ГБУК Ставропольского края
«Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова».
Публикуется впервые**

Дом у Красных ворот.
Акварель мастерской Ф. Я. Алексеева

Эскиз арки «Красные ворота».
Проект архитектора В. Д. Ухтомского. 1753-1757

Запасной дворец и Красные ворота со стороны Новой Басманной улицы. Акварель мастерской Ф. Я. Алексеева. Нач. XIX в. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева

Научно-популярное издание
«Я знал одной лишь думы власть...»
Материалы Семнадцатых Лермонтовских чтений
(Ярославль, 12-13 октября 2017 года)

Ответственный редактор, составитель
Светлана Юрьевна Ахметдинова

Дизайн обложки М. Н. Ланцова
Дизайн вкладки, вёрстка Е. А. Беловой

Подписано в печать 14.09.2018. Формат 70х90
Тираж 100 экз. Заказ № 5234.

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля
(Центральная библиотека им. М. Ю. Лермонтова)
150049, Ярославль, проспект Толбухина, 11
8 (4852) 21-07-34
e-mail foton@clib.yar.ru
www.clib.yar.ru

Отпечатано с предоставлением оригинал-макета
в типографии ООО «Канцлер»
150000, Ярославль, ул. Клубная, 4.

На обложке: Георгий Николаевич Юдин «Музыри» (книжная иллюстрация)